

8р. 20к.

ГОССТАТИСТИКА
1956

СТИХИ
1955
года
9

СТИХИ

1955
года
9

СТИХИ
1955 года

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1956

Составители:
К. ВАНШЕНКИН, М. ЛЬВОВ,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ТУШНОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ
и
ПОЭМЫ

Маргарита Агашина

*

ВАРЯ

Шуршали сухо листья на бульваре,
хрустел ледок ноябрьских стылых луж...
К моей соседке, молчаливой Варе,
осенним утром возвратился муж.

Не так, как возвращались в сорок пятом
мужья-солдаты с той, с большой войны.
Он постучался тихим, виноватым,
оставив дом своей второй жены.

А Варя руки фартуком обтерла,
входную дверь спокойно отперла.
Увидела. Ладонью сжала горло.
И в комнату не сразу провела.

Потом она поплакала немножко,
сказала: — Что ж, что было, то прошло...
И вот сейчас у них звенит гармошка
и звякает граненое стекло.

И Варя, вся одетая в обновки,
покинувшие днище сундука,
гремит листьями в газовой духовке:
печет пирог и жарит судака.

...А я считала, что у Вари сила,
за то, что боль и горечь затая,
она однажды в жизни не простила
того, что столько раз прощала я.

И мне казалось: все не так, как надо,
что гости торжествуют ни к чему,
что Варя не забыла и не рада
и этот пир горой не потому,

что вот вернулся он, отец ребятам
и ей самой родной и дорогой,
а потому, что он давно когда-то
ушел от Вари к женщине другой.

Я все ждала, что Варя гордо встанет,
по-царски сложит руки на груди,
сверкнет глазами, прямо в душу глянет
и, как чужому, скажет: «Уходи!»

Но Варя все сидела с мужем рядом,
на всех смотрела просто и светло
таким спокойным, все простившим взглядом,
как будто впрямь что было — то прошло.

И танцевала, стулья раздвигая,
как будто и не плакала она,
как в этот вечер плачет та, другая,
вторая, надоевшая жена.

Как будто за окном не воеет ветер,
ломаю молодые деревца...
А у нее, у той, остались дети,
как Варины когда-то, без отца.

А он, отец, сидит спиной к комоду,
с гостями шутит, чокается, ест.
И Варя, может, год или полгода
ему на этот раз не надоест.

Она по старой, памятной привычке
опять носок натянет на грибок,
а под подушку мужа сунет спички
и папирос дешевых коробок.

Припомнит все, что было дорогого
в те давние, счастливые года.
И всем вокруг покажется, что снова
в семье у Вари счастье, как тогда.

И муж решит: «Забыла про обиду!
Привычка!.. Что ж, она у всех в крови...»
А Варя просто не покажет вида,
что в этом доме больше нет любви.

Не знаю, может быть, она вернется,
любовь, которой Варя так ждала!
Не потому ли весело поется
у праздничного шумного стола?

И кто-то, криком песню заглушая,
какой-то тост провозглашает вновь.
...И Варя долго пляшет, провожая
свою большую, первую любовь.

Журнал «Октябрь», № 6.

Маргарита Алигер

★

ВЫСОТА

(Маленькая поэма)

Говорила мне жена о муже,
не могла сдержать сиянья глаз.
Был он мне знаком, и был он хуже,
много хуже, чем ее рассказ.
Я его видала в разных видах,
в передрягах, в радости, в беде,
плакался он о своих обидах,
обижая зря других людей.
Он бывал порою подхалимом,
был к друзьям безжалостен подчас
и труслив подчас. . .

Но это все для нас.

А для женщины он был любимым,
и меня увлек ее рассказ.
Это был рассказ о человеке
сильном, добром, смелом и большом.
Я, наверно, никогда вовеки
не узнала б этого о нем,
если б не любовь ее живая
в слепоте и зоркости своей.
Я сидела, не перебивая,
не дыша, почти поверив ей,
не желая, да и не умея
рассказать ей, чем была полна.

Торопливо я простилась с нею.
Вот и все. Будь счастлива, жена! . .
Если ей положена награда,
мне б хотелось — это не слова, —
я была бы всей душою рада,
чтоб не я — она была права.
Встань за правоту ее в ответе,
ты, который был и тем и этим,
пожелай, достигни высоты,
на которой открывался ты
хоть одной живой душе на свете.

ЖИВАЯ ЛЮБОВЬ

(Маленькая поэма)

Один мой друг женился в тридцать лет
на девушке восемнадцатилетней.
Пошли осуды, пересуды, сплетни:
и что он в ней нашел, и ничего в ней нет.
На взгляд чужой, придирчивый и строгий,
она и впрямь была нехороша,
какой-то длиннорукий, длинноногий
утенок гадкий, робкая душа.
Что он, мой друг, в ней для себя открыл,
за что ее среди других заметил,
никто не знал

Но он ее любил.

Нет таинства таинственной на свете.
Зачем? За что? Поди определи.
Людской удел в любви неодинаков.
Тут что-то от цветения земли,
от роста трав, от созреванья злаков.
Иной росток, пожалуй бы, зачах,
когда б не дождик и не солнце в небе,
но вот он крепнет в солнечных лучах —
такой ему счастливый выпал жребий!

Той девушке пришлось бы, верно, жить
тусклее, холоднее, неприметней,
когда б ее не вздумал полюбить
хороший человек тридцатилетний.
Он что-то в ней такое разглядел,
чего б она сама не разглядела.
Он на нее восторженно глядел,
она ему в награду хорошела.
Он доверял ей все свои дела,
он всем своим достатком с ней делился.
Она ему ребенка родила,
и он ей в ноги низко поклонился.
Но ей порой казалось:

это сон.

Не может быть! Она гораздо хуже.
Она его не стоит. . . Почему же
случилось так?

Но вмешивался он.

Ему хватало силы и ума,
любви и сердца и на этот случай.
Он верил ей,
и вот она сама
поверила в себя — и стала лучше.
Он был на страже всюду и везде,
его любовь стояла с нею рядом;
в рабочий полдень, в счастье и беде
он помогал ей восхищенным взглядом.
Она высоко голову несла
под этим взглядом. . .

Жизнь вперед бежала.

И девушка, как деревце, росла,
окоплялась, крепла и мужала.
И словно в благодарность за покой,
за то, что не солгал и не обидел,
она и стала к зрелости такой,
какой ее он в юности увидел.

Дремавшая глубоко красота
вдруг развернулась пышно и богато,
и всем на свете вдруг открылась та,
которую он угадал когда-то. . .
И снова удивились все вокруг:
что с ней случилось? Почему? Откуда?
Какое чудо!

Но молчал мой друг.

Упрямый труд и воля, что за чудо!
Он так хотел.

Не веря чудесам,
уверенно, решительно и властно
свою любовь он выпестовал сам,
и оказалось, что она прекрасна!

Журнал «Огонек», № 6.

Павел Антокольский

*

БАЛЛАДА О ЧУДНОМ МГНОВЕНЬЕ

(Встреча)

...Она скончалась в бедности. По странной случайности гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву.

Из старой энциклопедии.

Ей давно не спалось в доме деревянном.
Подходила старуха, как тень, к фортепьянам,
Напевала романс о мгновенье чудном
Голоском еле слышным, дыханьем трудным.
А по чести сказать, о мгновенье чудном
Не осталось грусти в быту ее скудном,
Потому что барыня в глухой деревеньке
Проживала, как нищенка, на медные деньги.

Да и господи боже, когда это было,
Да и вправду ли было, старуха забыла:
Как по лунной дорожке, в сверканье снега,
Приезжала к нему, вся томленья и нега;
Как в объятьях жарких, в молчанье ночи
Он ее заклинал, целовал ей очи;
Как уснул на груди ее и дышал неровно,
Позабыла голубушка Анна Петровна.

В ту же зиму пришел ее час последний.
И вседневная слава и светские сплетни
Отступили, потупясь, пред мирной кончиной.
Возгласил с волнением сам благочинный:
— Во блаженном успении вечный покой ей! —
Что в сравнении с этим счастьем мирское...
Ничего не слыша, спала бездыханна
Раскрасавица Керн, болярыня Анна.

Отслужили службу, панихиду отпели.
По Тверскому тракту полозья скрипели.
И брели за гробом, колыхались в поле
Из родни и знакомцев десятков, не боле;
Не сановный люд, не знатные гости
Поспешали зарыть ее на погосте.
Да лошадка по грудь в сугробе завязла,
Да крещенский мороз крепчал, как назло.

Но пришлось процессии той сторониться.
Осадил, держал правее возница,
Потому что в Москву по воле народа
Возвращался путник особого рода.
И горячие кони били оземь копытом,
Звонко ржали о чем-то еще не забытом.
И январское солнце багряным диском
Рассиялось о чем-то навеки близком.

Вот он, отлит на диво из гулкой бронзы,
Шляпу снял, загляделся на день морозный.
Вот в крылатом плаще, в гражданской одежде
Он стоит, кудрявый и дерзкий, как прежде.
Только страшно вырос — прикиньте, смерьте,
Сколько весит на глаз такое бессмертье!
Только страшно молод, страшно спокоен.
Поглядите, правнуки: точно такой он!

Так в последний раз они повстречались,
Ничего не помня, ни о чем не печалась.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновение чудном.
Так метель обвенчала нежно и грозно
Смертный прах старухи с бессмертною бронзой,
Двух любовников страстных, отпылавших розно,
Что простились рано и встретились поздно.

Журнал «Новый мир», № 7.

Николай Асеев

*

НАША ПРОФЕССИЯ

Если бы люди собрали и взвесили,
словно громадные капли росы,
чистую пользу от нашей профессии,
в чашу одну поместив на весы,
а на другую бы — все меднорожие
статуи графов, князей, королей, —
чудом бы чаша взвилась, как порожня,
нашу бы — вниз потянуло, к земле!
И оправдалось бы выражение:
«лица высокого положения»,
и оценили бы подлинно вес
нас, повелителей светлых словес!
Что это значит — остаться в истории?
Слава как мел: губку смочишь — и стер ее.
Но не сотрется из памяти прочь
«Страшная месть» и «Майская ночь»!
Те, кто бичом и мечами прославились,
в реку забвенья купаться отправились;
тот же, кто нашей мечтой овладел,
в памяти мира не охладел.
Кто был в Испании — помните, что ли, —
в веке семнадцатом на престоле?
Жившего в эти же сроки на свете
помнят и любят Сервантеса дети!
А почему же ребятам охота
помнить про рыцаря, про Дон Кихота?

Добр, справедлив он и великодушен —
именно этот писатель нам нужен!
Что для поэта времени мера?
Были бы строки правдивы и веселы!
Помнят же люди слепого Гомера.
Польза большая от нашей профессии!

Книга стихов «Раздумья».

Велла Ахмадулина

*

ЧЕРНЫЙ РУЧЕЙ

В деревне его называют Черным,
Я не знаю по выдумке чьей.
Он, как все ручейки, озорной и проворный,
Чистый, прозрачный ручей.

В нем ходят, кряхтя, косолапые утки,
Перышки в воду роняя свои.
Он льется, вокруг расплескав незабудки,
Как синие капли своей струи.

Может, он потому мне до боли дорог,
Что в нем отразился лопух в пыли,
Прямая береза, желтый пригорок —
Родные приметы моей земли.

Яркие камешки весело моя,
Он деловито бежит в Оку.
А я бы скучала у Черного моря
По этому Черному ручейку.

Журнал «Октябрь», № 5.

Агния Барто

*

МЕДВЕЖОНОК-НЕВЕЖА (Сказка для больших и маленьких)

Был сынок у маменьки —
Медвежонок маленький.
В маму был фигурой —
В медведицу бурую.

Уляжется медведица
Под деревом, в тени,
Сын рядом присоседится,
И так лежат они.

Он упадет: — Ах, бедненький! —
Его жалеет мать. —
Умнее в заповеднике
Ребенка не сыскать!

Сыночек дисциплины
Совсем не признает.
Нашел он мед пчелиный —
И грязной лапой в мед.

Мать твердит:
— Имей в виду —
Так нельзя
Хватать еду! —
А он как начал чавкать,
Измазался в меду.

Мать за ним ухаживай,
Мучайся с сынком:
Мой его, приглаживай
Шерстку языком.

Родители беседуют —
Мешает он беседе.
Перебивать не следует
Взрослого медведя.

Вот он примчался к дому
И первый влез в берлогу —
Медведю пожилому
Не уступил дорогу.

Вчера пропал куда-то.
Мамаша сбилась с ног.
Взъерошенный, лохматый
Пришел домой сынок
И заявляет маме:
— А я валялся в яме.

Он мать изводит просто!
Тут разве хватит сил?
Пошел сыночек в гости —
Хозяйку укусил.
А медвежат соседки
Столкнул с высокой ветки.

Медведица бурая
Три дня ходила хмурая,
Три дня горевала:
— Ах, какая дура я —
Сынка избаловала!

*

Советоваться к мужу
Медведица пошла:
— Сынок-то наш все хуже!
Не ладятся дела!

Не знает он приличий,
Он дом разрушил птичий,
Дерется он в кустах,
В общественных местах.

Заревел в ответ медведь:
— А я при чем тут, женка?!
Это мать должна уметь
Влиять на медвежонка.

Сынок — забота ваша,
На то вы и мамаша.

Но вот дошло и до того,
Что на медведя самого,
На родного папу,
Мишка поднял лапу.

Отец, сердито воя,
Отшлепал сорванца.
(Задело за живое,
Как видно, и отца!)

Взревел он что есть духу,
Дал сыну оплеуху:
— Хоть бить детей не метод,
Но тут хорош и этот!

А медведица скулит,
Бить ребенка не велит:
— Это не педагогично!
У меня душа болит!

Нелады в семье
Медвежьей,
А сынок
Растет невежей!

*Я знаю понаслышке,
И люди говорят,
Что такие мишки
Есть среди ребят.*

Журнал «Огонек», № 48.

Иван Бауков

*

* * *

И ночами не спится,
И работа заброшена,
И не в силах сердиться
На тебя, нехорошая.

Перепутала планы,
Распорядок нарушила.
Но под взглядом желанным
Я послушней послушного.

И, сказать откровенно,
Мне приятно становится
Ждать конца твоей смены,
О тебе беспокоиться.

Да и этого мало —
Рассказать все по совести:
Мне Сущевская стала
Чем-то вроде околицы.

Ничего, что там нету
Ни берез и не ясеня, —
В серой улице этой
Во сто крат ты прекраснее.

И глаза б дорогие
Расписал — не забудутся,
Но боюсь, что другие
Прочитают и влюбятся.

У МОРЯ

Юностью дышат горы,
Юностью веет ветер.
Видно, и сам я скоро
Стану двадцатилетним.

Точно никто не знает,
Где она, жизни осень.
Ночью прибой вздыхает,
Будто бы сено косят.

Я выхожу из дома.
Горы вдали, как роща.
Ночью весь мир огромный
Кажется много проще.

Пусть меня врач пугает,
Пульс измеряя, тужит, —
Сердце вернее знает,
Что для здоровья нужно.

Я не ищу покоя,
Счастье мое не в этом.
Я со своей мечтою
К цели приду заветной.

Вспыхнули в небе зори,
Смех раздается в чаще.
Месяц рассыпал в море
Чью-то мечту о счастье.

СТАРЫЙ ДОМ

Я в первый раз заплакал нынче,
Взглянув на седину отца,
И вспомнил,
Как под говор птичий
Мы собирались у крыльца.

И вспомнил праздничные песни,
Глаза хмелеющей родни
И дом, в котором было тесно
От нашей детской беготни.

Какие б ни шумели вихри,
Не утихал он в день любой.
И вот наш дом
Стал самым тихим:
Все занялись своей судьбой.

Сегодня вот и я уеду,
Покину вновь родимый дом.
А мать,
Нарезав хлеб к обеду,
Прикрыла слезы рукавом.

Отец кивнул, смеясь глазами:
Мол, слабость женская, простим! . .

Мы часто шутим над слезами,
Чтоб не расплакаться самим.

Книга стихов «В родном краю».

Владлен Бахнов Яков Костюковский

*

ЗА КОМПАНИЮ

Товарищ Угаров проводит сейчас
«Неделю озеленения».
Не пьет он, не ест, не смыкает глаз,
Зеленым он стал

от курения.

Другие дела все
забросил он,

И посторонним кажется,
Что этот товарищ в зелень влюблен
И что вся его жизнь

в саженцах.

Но нет,

не это причина для рвения:

Важно кампанию лишь провести.

Промчится

«Неделя озеленения»,

А там для него

хоть трава не расти.

Он мыслит кампаниями,

не иначе,

Без них он и дня не сумеет прожить,

Уверенный в том, что любую задачу

Лишь только кампанией можно решить.

И дома такой же завел он порядок,

Хоть расписание повесь на стене:

Федор Белкин

*

СЫНОВЬЯ

Рослые сыны собрались к ужину:
Блещут их костюмы новизной,
Белые рубахи разутюжены,
Галстуки — что радуги весной.
Съехались к отцу — как приурочили,
Из района прибыли к блинам.
Райзагот. . . и райпотреб. . . и прочие
Кресла занимают по чинам.
Кормит мать лепешками, оладьями,
Радуется кровной красоте.
Каждого заботливо погладила
Вопреки служебной высоте.
Радуется. Так кормила маленьких,
В колушках водила на крыльцо. . .
Но отец поглядывал с лукавинкой
На своих кряжистых молодцов.
Подтянув повыше гирьку ходиков,
Пробасил — и вздрогнула изба:
— Ты не очень, мать, корми отходников,
Уплывут на легкие хлеба.
Сельская скучна им география,
А могли и сеять и пахать.
На стене рыжеют фотографии,
А самих «кормильцев» не слышать.

Землю-то колхозную спокинули,
Улетели с песней соловья! . .
Плечи, словно печи, разом сдвинули:
— Брось, отец! — привстали сыновья.
Выразили мнение в три голоса:
— Что ж, опять люпин возить в хлевы? —
Только старший ус щипнул, не тронулся:
— Говорите, батя, вы правы! . .
Каждый с циркуляром где-то мечется.
А работа главная — в селе!
Предлагаю именем Отечества
Поклониться хлебу и земле. —
И добавил, глянув в очи матери:
— В Кулунде поставим новый дом. . .
Голосуют только члены партии. . . —
Пять ладоней встали над столом.

И когда над вешними просторами
Радуга раскинула мосты,
Трактористы мощными моторами
Разбудили теплые пласты.
Братья друг за другом, словно конники,
Тракторы поили у ручья. . .
Спрашивали люди:
— Чьи соколики?
Отвечал родитель:
— Сыновья!

«Известия», 24 мая.

Наше дело правое — мы знаем.
Нас ведет дорогами побед
Партия великая, родная
и ее Центральный Комитет.

Слава голоса за Мир поднявшим!
Горе тем, кто осквернил и предал
жизнь — живых,
бессмертье — с честью павших.

Не отнять у мира Дня Победы!

Журнал «Нева», № 2.

Валентин Берестов

*

СЕРДЦЕВИНА

Как-то в ясный полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.

Кольца, что росли из лета в лето,
Сосчитал я все до одного:
Это — зрелость дерева, а это —
Юность тонкоствольная его.

Ну, а детство где же?

В середину,
В самое заветное кольцо,
Спряталось, и стало сердцевиной
Тонкое, смешное деревцо.

Ты — отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой, как сон.
Это детство станет сердцевиной
Человека будущих времен.

Журнал «Юность», № 1.

ОШИБКА

Однажды он ошибку совершил,
Не знал, куда от критики деваться,

И, дорожа спокойствием души,
Поклялся никогда не ошибаться.

Боясь споткнуться, он замедлил шаг,
Ни рисковать, ни спорить не решался,
А собственное мнение прятал так,
Что вообще без мнения остался.

Он никому на свете не мешал,
Его встречали вежливой улыбкой,
Ошибок он уже не совершал...
Вся жизнь его
Теперь была ошибкой!

Журнал «Смена», № 13.

Виктор Вершадский

★

НАШ ПАРОВОЗ

(Морская быль)

1

Рубашку бросив на гранит,
В горячий полдень летний
В Арбузной гавани сидит
Рыбак десятилетний.
Слегка подкатаны штаны,
Пилотка на макушке,
И сквозь загар еще видны
Апрельские веснушки...
Синеет волнами залив,
На камни плещет пена.

Ну до чего ж нетерпелив
На рыбной ловле Гена!
Он резко дергает крючок,
В воде подсечку мочит.
Нырнул под воду поплавок —
И вынырнуть не хочет.
Сказал парнишка:
— Вот беда! —
Но тут забулькала вода...

Плеснула на гранит волна,
И над морской бездной

★

Поднялся человек со дна
По лесенке железной.
Он весь облеплен был травой
И липкой глиной красной.
Он, как в кольчуге боевой,
В одежде водолазной.

Доспехи скинул водолаз,
Взглянул — и рассмеялся:
— На твой крючок я сам сейчас
Чуть было не попался! —
Узнал мальчишка моряка:
— Нет клева, дядя Боря. . .

Барашки пенились слегка,
Дул свежий ветер с моря.
Моряк нагнулся и сказал:
— Видать, спугнул я рыбку! —
На кран подъемный показал,
Стараясь скрыть улыбку. —
А ты, должно быть, новичок
По части рыбной ловли?
Вон, посмотри, какой крючок!
Сравни-ка, твой таков ли?

Кран сделал плавный полукруг,
Стрела застыла косо.
Спустился трехпудовый крюк,
Как будто знак вопроса.
Как будто:
«Кто живет на дне?» —
Спросить у волн хотел он.
Потом на вспененной волне
Нырнул в барашке белом.
Все словно замерло вокруг. . .
Напрягся кран подъемный.

Заклокотало море вдруг
На глубине огромной.
Столкнулись лбами две волны,
Над бухтой чайки взвились. . .

И паровоз
Из глубины
Неторопливо
Вылез.

На стенке серия видна:
«Ща 18-200».
В трубе кусок морского дна
С живой медузой вместе.
Он на колеса намотал
Диковинные травы.
Оброс ракушками металл —
Весь красноватый, ржавый.
Оброс он тиной, как скала,
Как каменная глыба.
А из пробитого котла
Плеснула в воду рыба. . .

На набережной портовой
Приподняли флажок.
Парнишке крикнул крановой:
— Посторонись, дружок! —
Поднялся в воздух паровоз,
Пошел воздушным рейсом
И всей восьмеркою колес
Послушно стал на рельсы.

Сказал парнишке водолаз:
— Смотри, какое диво! —
И уголками синих глаз
Прищурился счастливо.

Потом широкий воротник
Оправил по привычке,
Вздыхнул, задумался на миг,
Достал табак и спички.

2

— Был сорок первый год. Война, —
Промолвил дядя Боря. —
Бомбежками подожжена
Вся пристань. . .
Выйти в море,
Покинуть свой горящий порт
Спешил корабль старый.
По трапу раненых на борт
Вносили санитары.

Носилки тут, и костыли,
И крест на флаге красный.
И видно было, как вдали
Над морем самолеты шли,
Чтоб сбросить груз опасный.
Раздался взрыв.
Еще один.
И самый страшный — третий. . .
Я не забуду до седин,
Сынок, минуты эти. . .

Хоть было нелегко ему,
Опять заговорил он
О том, как пламя на корму
Полезло по перилам,
О том, как в бухту стороной
Ползли чужие танки. . .
Скорей бы госпиталь родной
Убрался со стоянки!

38

Вдруг загудел на берегу
Горячий паровоз.
«Не оставляй меня врагу-у! —
Он словно произнес. —
Еще я нашим помогу-у,
Еще я полон сил!
Не оставляй меня врагу-у!» —
Он, как живой, просил.

И машинист к воде сбежал,
Испачканный углем.
В руке фуражку он держал
С помятым козырьком.
Глаза туманились от слез.
— Топлю, — сказал он, — паровоз.

У трапа капитан стоял,
Он строгим стал в ответ,
Часы карманные достал:
— Еще не время, нет!
Попробуйте отвлечь врага,
Нам и минута дорога!

Тогда вон там, где поворот,
Где угольные кручи,
На всех парах пошел вперед
Наш паровоз летучий.
Став на ступеньки, два бойца
Метнули две гранаты.
Одеты были два бойца
В матросские бушлаты.

Лег к пулемету машинист,
Прицел проверил взглядом.
И вдруг, откуда ни возьмись,
Возникла песня рядом:

39

«Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!»

По рельсам мчались на врага
И хор и запевала.
Казалось, песня берега
Собою прикрывала.
Вел паровоз неравный бой,
А в это время в тыл,
От свежих вмятин весь рябой,
Корабль уже отплыл.
И долго виден был окрест
На белом флаге
Красный крест.

Но тут снаряд ударил в рельс
И взрывом вырвал шпалу.
И паровоз в обратный рейс
Попятился к причалу.
Броню на танке подпалив,
Не прекращая боя,
Он с ходу врезался в залив,
Рассек стену прибоя.
Фонтаны вырвались со дна,
В воде расплылись пятна,
И закипевшая волна
Отхлынула обратно...

— А где же этот машинист? —
Не удержался Гена.

Сверкает солнце.
Воздух чист.
На камни плещет пена.

Ответил тихо водолаз:
— Он честно выполнил приказ.
Был ранен машинист в висок,
Но выпрыгнул на камни.
Он поднят был на катерок
Матросскими руками.
Лежал без памяти два дня...
Ты что так смотришь на меня?

Парнишка слушал моряка —
И вдруг над бровью прямо,
Почти у самого виска,
Узнал полоску шрама.
— Так это, значит, были вы?.. —
Мигнул маяк из синевы...

Со дна ракушки захватив,
Стоит на видном месте
Прославленный локомотив
«Ща 18-200».
Как орден, красная звезда
Легла ему на грудь.

Спешат рабочие сюда,
Чтоб жизнь ему вернуть.
Клубятся, стелются пары,
Идут составы мимо,
Везут богатые дары
Абхазии и Крыма.
Ждет Волго-Дон их на пути
И Новая Каховка.

«Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне остановка!..»

Журнал «Юность», № 3.

Александр Благов

*

СЧАСТЬЕ

Не плохая, скажу я, дорога
Мне надолго досталась в удел.
Пусть не знал я родного порога
И добром никаким не владел.

Не гордился я собственной крышей,
В жизни был незаметен и мал,
Но душой своей музыку слышал,
Переключку стихов понимал.

В годы горя, неволи суровой
Не рабом молчаливым я жил —
Добрым чувством да песенным словом,
Как умел, я Отчизне служил.

Мысли-думы любимые эти
Не растратил я в долгом пути,
И не знаю: какое на свете
Счастье лучшее можно найти!

«Ивановский альманах», книга 19.

Николай Браун

*

ЛЕСНОЙ ПРУДОК

Лесной прудок в воронке от снаряда.
Вокруг него, густа и зелена,
Встает травы зубчатая ограда,
Во весь свой рост в воде отражена.

В него сосна склоненная глядится,
Купая крону темную на дне,
Да облако порою отразится
В его недвижимой чистой глубине.

Здесь тишина вокруг, покой, отрада.
Гроза войны забыта.

Но взглядишь,
Как в ствол сосны осколки от снаряда
Когда-то раскаленные впились.

Она смолою раны залечила,
Забыла боль. А жизнь вокруг цвела.
Родной земли живительная сила
Здесь молодняк упрямый подняла.

И, цветом жизни молодой украшен,
Прудок лесной, как память грозных дней,
Стоит, водой наполненный, как чаша,
Во имя жизни, отраженной в ней.

Журнал «Нева», № 4.

Константин Ваншенкин

*

ВЕРНОСТЬ

Затихли грозные раскаты,
Свершилось мира торжество.
К вдове погибшего комбата
Заехал верный друг его.

Сошел на станции и пеший
Прошел он верст примерно пять,
Не для того, чтобы утешить, —
Чтоб вместе с ней погоревать.

Он на крыльце поставил вещи
И постучал в косяк окна.
Он незнаком был с нею прежде,
Лишь знал — красавица она.

Он красоту ее увидел,
Едва лишь глянул на свету,
И вдруг почти возненавидел
Ее за эту красоту.

Он представлял ее другою:
Жена погибшего. Вдова.
А эта может быть вдовою,
Пожалуй, год, от силы два.

Перенесет она разлуку
И снова жизнь начнет свою.
И он душой страдал за друга
Так, будто сам погиб в бою.

И словно кто его обидел,
Встав, как соперник, на пути,
Он всех мужчин возненавидел,
Что могут впредь сюда войти.

.. А было в комнате уютно,
Легко текла беседы нить.
И вдруг мучительно и смутно
Не захотелось уходить.

И в то же самое мгновенье
Он ощутил в своей груди
И робость, и благоговенье,
И неизвестность впереди.

Она предстала в новом свете,
В каком-то странном и ином...
Уже настал конец беседе
И рассветало за окном.

Осенний дождь стучал уныло,
О чем-то давнем выводя.
Лишь до порога проводила
Она его из-за дождя.

Он под дождем слегка согнулся,
Пошел, минуя мокрый сад.
Сдержался и не оглянулся
На дом, где прежде жил комбат.

Журнал «Октябрь», № 3.

* * *

К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая вида
И даже улыбаясь иногда.

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они, как злой блуждающий осколок:
Болит внутри, а где — не разберешь.

Вот почему я их сметаю на пол,
Пускай не все, но большую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть.

Журнал «Огонек», № 21.

Сергей Васильев

*

З Д Е С Ъ   Б Ы Л   И Л Ь И Ч

Здесь все наполнено далеким эхом —
и ширь полей, и лес, и водоем.
Сюда

в двадцатом

сам Ильич приехал
с Надеждой Константиновной вдвоем.
В какое время, посудите сами!
В хозяйстве — неустроенность, урон.
Россия вся истерзана врагами,
которые ползут со всех сторон.
А что в деревне?

Черная краюха.

Нет керосина, даже соли нет.

Сиротство.

Запустение.

Разруха.

А тут —

в избе горит электросвет.

И — входит Ленин!

Вот он близко, рядом.

Шагнул в избу, как в освещенный зал,
обвел крестьян спокойным, добрым взглядом
и, улыбнувшись:

«Здравствуйте!» — сказал.

Все расцвело в избе и за избою.

И потекла беседа, как ручей.

Казалось — он принес сюда с собою
большую связку солнечных лучей.
Он говорил: вот дайте расквитаться
с врагами нам — тогда наступит день,
и мы зажжем огни электростанций
на землях всех российских деревень.
Да, это скоро будет, совершится!
Иная жизнь придет под мирный кров.
И будет хлеб,

и вдоволь будет ситца,
плугов стальных

и даже тракторов.

Теперь же надо потерпеть немного,
пока идет военная гроза. . .

И у людей,

внимавших речи строго,
навертывались слезы на глаза.

. . . Вперегонки по утреннему следу
трубят всю осень ветра.

Давным-давно Ильич здесь вел беседу,
а очевидцам кажется — вчера.

Ведь все,

о чем сердечно и толково
поведал Ленин в дальнем том году,
сбылось точь-в-точь,

свершилось слово в слово

у всех народов мира на виду.

«Литературная газета», 15 ноября.

НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ

Кукушка в сосняке откуковала,
жасмины под окошком отцвели.
И нас с тобой не тянет, как бывало,
на гладкий пруд, сверкающий вдали.

Прозрачней стали пáлевые дали,
длиннее ночи

и короче дни,

и так остыли, так похолодали,
что нет желанья полдничать в тени.
Зачах лопух в заржавленной канаве,
калитка в лес закрыта на засов,
на колкой зеленеющей отаве
совсем не слышно детских голосов.
Кузнечики куют и тянут песни
одни и те ж сто тысяч раз подряд,
как будто,

хором выйдя на воскресник,
на наковальнях осень мастерят.
Печально обезлюдела аллея,
заученная летом наизусть,
и старый клен, о лете сожалея,
чуть шелестит, не в силах спрятать грусть.
Немного пусто и пестро немного.
Звенит сентябрь прощальным бубенцом.
И кажется знакомая дорога
прочтенной книгой с горестным концом.
И все ж,

сбирая медный лист опавший,
ты с добрым чувством заново поймешь:
опять в природе, как и в жизни нашей,
свой новый срок по-своему хорош.

«Литературная газета», 10 сентября.

Сергей Винулов

*

ВОСПОМИНАНИЕ

Детства никогда я не забуду...
Батяка брал меня с собою всюду,
Заставлял орудовать кнутом,
Чтобы легче было мне потом,
Чтобы знал, свыкаясь понемногу,
Тяжкую мужицкую дорогу,
Чтобы я учился с малых лет
Спать в телеге и встречать рассвет
На колесах где-нибудь в пути:
«Жизнь прожить — не поле перейти».

Вот таким у батяки я и рос.
Засыпал в пути под скрип колес
Да под песню грустную отца —
Песню без начала, без конца.
А на утро за болотом вязким,
На скрещенье лапотных дорог,
Низенький, старинный, словно сказка,
Открывался взгляду городок.

Он стоял, маяча над полями
Древнего собора куполами,
Не тревожа тишины раскольной
Гулким перезвоном колокольным.
И ползли к нему со всех концов
Скрип телег да ливни бубенцов,

Замирая где-то у ларьков
Под степенный говор мужиков.

В город привозил отец товар —
Сено да сосновые дрова.
Окружали бабы мужика:
«У тебя, мол, легкая рука...»
Но не даст он маху, не промажет!
Покряхтит, помнется да и скажет,
Почесав затылок: — Маловато. —
Отвечают: — Будешь жить богато!.. —
И отец — и сено и дрова, —
Плюнув, по дешевке продавал.

Покупал потом мне из ларька
Сахарного «Петю-петушка» —
И домой!.. И снова скрип колес,
Трепетанье робкое берез,
Ветерок, влетающий за ворот,
Колеистый путь... А сзади город —
С пестротой базарной, с голубями,
Целый день летавшими над нами.

Засыпаю я, зажав в руках
Сахарного «Петю-петушка».
Проплывают сосны в стороне,
Хлюпает вода... И снится мне,
Будто бы купил отец корову
И, неразговорчивый, суровый,
Он повеселел, расправил спину,
Будто с плеч годов десяток скинул...

Снятся мне глаза коровы пегой,
Что бредет за нашей телегой.
Снится мать с подойником в руках,
Снится вкус парного молока —

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Я помню хлеб. Он пресен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расцветали лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.

Военный хлеб.

Он к шам годился постным.
Раскрошенный, он вкусен был с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к деснам.
Его мы отлепляли языком.

Он кислым был,
ведь он был с отрубями,
Не поручусь, что был без лебеды,
И все ж с ладони жадными губами
Я крошки собирал после еды.

Я неизменно
с острым интересом
И с сердцем замирающим следил
За грозным хладнокровным хлеборезом —
Он резал хлеб!
Он черный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным.
Он резал грубо, властно, без затей,
Горелой коркой,
как в угле древесном,
Испачкавшись почти что до локтей.

На нем рубаха взмокла холстяная.
Он был велик в восторге трудовом.

Он резал хлеб,
усталости не зная,
Лицо не вытирая рукавом!

Журнал «Октябрь», № 9.

* * *

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?
Не яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красота давалась понемножку...
По вечерам,
когда шумел привал,
Сержант Денисов,
Мучая гармошку,
Ее для нас упрямо добывал.

Она была минутной и не броской —
Мелькнет и нет!
Под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.

А то бывало:
осень, вязнут танки,
И чад, и гарь, и вдруг она возьмет —
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

Журнал «Новый мир», № 2.

И только грусть
Об увяданье
Тогда нам не была сродни.
Бледнеет месяц,
Скоро зорька,
День народившийся, ликуй!
Хоть расставаться нам
И горько,
Зато был сладок поцелуй.
А дома напролет
Всю ночь
Сидела, пригорюнясь, мать,
Наверно, думала,
Что дочку
Сумел сам черт
Околдовать.
И в самом деле,
Что я значил,
Что было мне
Свершить дано:
В делах житейских —
Неудачи,
Нет денег
Даже на кино.
Был молод —
Вот мое богатство,
Мой туз
В то время козырной.
Не потому ли расставаться
Не торопилась ты со мной.
Любила, все презрев невзгоды,
Любила — не могла скрывать,
За то, чего я сам в те годы
Не смел в себе предполагать.

Альманах «Дон», книга 1.

Александр Гатов

ВСТРЕЧА

Хотя миновало полвека,
Я помню ту встречу, тот поезд,
В котором восставших матросов
Судить из Одессы везли.
Я с мамой в толпе на перроне,
На харьковском душном вокзале.
В руках у нас красные астры,
И боль и тревога — в сердцах.

Товарных вагонов оконца —
В железных решетках; за ними
Простые крестьянские лица,
Устала, небриты они...
И золотом на бескозырках —
«Потемкин Таврический»; люди,
Поднявшие красное знамя!
«Герои», — я слышу вокруг.

И вот через головы стражи
Цветы полетели в оконца.
И жесткие руки в оковах
Обратно бросают цветы.
Улыбки в глазах у матросов:
— Спасибо! Товарищи! Братья! —
А стражники курят спокойно:
Цветы, мол. Не бомбы. Пускай...

Гудок паровоза. Вагоны
Осями скрипят, шевелятся.
На север, где будет расправа!
— Прощайте! Мужайтесь, друзья! —
Держу я ту астру, что бросил
Потемкинец через решетку —
Усатый, с бровями ржаными,
С огнем и смешинкой в зрачках.

И долго хранил я подарок...
И в бурях Октябрьских встречая
Матросов с оружием, в бушлатах,
В их грозные лица смотрел:
Казалось, что встречу я друга,
Который ребенку когда-то,
Мне бросил ту красную астру —
Дар сердца и мужества зов.

«Литературная газета», 12 марта.

Юрий Голубенский

*

СЫН

Растает...
И в детские голоса
Свой щебет
вплетут воробьи.
... У мальчика будут
мои глаза,
А губы будут
твои.
Он с нами пойдет
по разным краям,
В пути
собирая мечты.
Он будет дороги любить,
как я,
И книги любить,
как ты.
Он вырастет.
Станет футбол гонять,
Порывист и угловат.
Он будет
твоей улыбкой сменять
Мой нахмуренный взгляд.
Когда-нибудь,
после суровой зимы,
Он сам зашагает вперед.

Николай Грибачев

★

СЫН ПОЛЮБИЛ

Он перед ней еще немеет,
Он, как не певший соловей,
Еще не смеет, не умеет
Сказать «люблю» любви своей.

Для вздохов ищет оправданий,
Грустит, стихи строчит тайком.
А я, его советчик давний,
Молчу при случае таком.

Ничем еще не обнадежен,
В преддверье мук и торжества,
Сам для любви своей он должен
В себе свои найти слова.

Такие ясные, живые,
Как будто из глубин своих
Язык наш их родил впервые,
И мир впервые слышит их!

Журнал «Новый мир», № 1.

Евгений Долматовский

★

В СОРОК ПЯТОМ, В МАЕ...

В сорок пятом, в мае, вопреки уставу
Караульной службы,
Мы салютом личным подтвердили славу
Русского оружия.

Кто палил во тьму небес из пистолета,
Кто из автомата.
На берлинской автостраде было это,
Помните, ребята?

Быстрой трассой в небо уходили пули
И во мгле светились.
И они на землю больше не вернулись,
В звезды превратились.

И поныне мир наполнен красотой
Той весенней ночи.
...Горе тем, кто это небо золотое
Сделать черным хочет.

Но стоят на страже люди всей планеты,
И неодолимы
Звезды, что салютом грозным в честь Победы
Над землей зажгли мы.

В НОВОЙ ГЕРМАНИИ

Я нынче гость немецкого народа.
Войне отдав почти четыре года
И без остатка молодость свою,
Стою с немецкими друзьями рядом,
В их лица всматриваюсь долгим взглядом
И с ними Гимн трудящихся пою.

Два языка, сливаясь в этом пенье,
Исполненном особого значенья,
Над улицей отстроенной летят.
И, как спасенный, а не побежденный,
Народ немецкий, заново рожденный,
Поет на свой неповторимый лад:

И вижу я, что искренни, надежны
Колонны синеглазой молодежи,
И женщины, проклявшие войну,
И старики, что Тельмана видали
И смотрят ныне в яростной печали
На разделенную свою страну.

И глажу я своей рукой неловкой
Детей немецких русые головки,
И в сердце новый закипает стих.
Нет, я не оскорбляю память павших,
Расстрелянных и без вести пропавших
Товарищей, ровесников моих.

Ведь и тогда, когда земля горела,
Мы видели сквозь черный круг прицела
Германию не мертвой, а такой,
Какой ее сегодня строят люди,
Какой и вся она — я верю — будет.
И мы поем: «Воспрянет род людской!»

Журнал «Новый мир», № 5.

ВЕЧЕР ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ

Мы в зале с низким потолком
Под шум дождя и моря
С норвежцами сошлись кружком
В сердечном разговоре.

Такой приветливый народ
И так с улыбкой дружен,
Что, кажется, и перевод
Сейчас не очень нужен.

Нет, нужен! Вновь вопрос, ответ.
И спор, прямой и жаркий.
А со стены глядит портрет
Украинской доярки.

На подоконниках лежат
Московские журналы
И палехских шкатулок ряд
С рисунком черно-алым.

И вижу я: сидят вокруг
Друзья Страны Советов
И тот, кто завтра будет друг, —
Я верю, верю в это!

Нам говорить бы до утра...
Второе поколенья
Пусть дремлет в толстых свитерах
У старших на коленях.

Но председатель вдруг сказал:
— Кончается аренда,
И мы должны оставить зал... —
Оборвалась легенда.

Снимают со стены портрет,
Шкатулки собирают.

Зал стал чужим. Тускнеет свет,
И радио играет.

А мы выходим в жуткий дождь
На край скалы покатый.
Тут старики и молодежь
В плащах из пластика.

В зюйдвестках черных рыбаки,
Под зонтиками дети. . .
И мы как бы на дне реки,
Текущей вглубь столетий.

Вопрос, ответ, вопрос, ответ. . .
Срослись плечами люди.
Конца беседе этой нет
И, кажется, не будет.

Мы рассказать еще должны
Про подвиг Сталинграда,
Про освоенье целины
Скорей узнать им надо.

А дождь — он хлещет вкривь и вкось,
На скалы воду руша,
Как будто море поднялось
И закипела суша.

Но все стоят — и мал и стар,
И тьму неутомимо
Секут лучи холодных фар
Машин, спешащих мимо.

Мы продолжаем третий час
Ответы на вопросы.
Отчизна! Видишь ли ты нас,
Горячий блеск десятков глаз,
И мокрые утесы? . .

Журнал «Огонек», № 12.

Николай Доризо

*

СТИХИ ОБ ОДНОМ ДРУГЕ

Говорят, что друзья познаются в беде.
Что ж,

в беде

он как раз настоящий товарищ:

Даст взаймы, если ты оказался в нужде,
За ночь глаз не сомкнет, если ты захвораешь.

Если критик стихи твои забраковал,
От души пожалеет

и вспомнит при этом,

Что когда-то неплохо он сам рифмовал,
Но ему не везло, потому и не стал он поэтом.

Если горя хлебнул

или сбился с пути,

Ты поймешь, что он может быть истинным другом.

Но попробуй к нему ты счастливым,

влюбленным,

любимым прийти, —

Загрустит,

поглядит с непонятым испугом.

Так, как будто тебе твое счастье в вину,
Так, как будто присвоил ты что-то чужое,
Так, как будто увел от него ты жену,
И ему теперь нету покоя.

Павел Дружинин

*

ДЕТСТВО

Вот оно, мое село
С галками крикливыми,
Все оно позаросло
Ветлами да ивами.
Вижу берег, вижу мост,
Улицу Заречную.
Здесь родился, тут я рос,
За рекой, за речкою.
Детки — дочки да сынки, —
У родимой матушки
Редко ели мы блинки,
Пышки да оладушки.
Лезла в избу к нам нужда,
Где ж там кашу, суп ли нам!
Лук — хорошая еда,
И вода не куплена!
Ну, а все же в добрый час,
Хорошо ли, кстати ли,
Не припомнить мне про вас,
Про друзей-приятелей!
Выйдешь утром из ворот,
Все блестит от сырости,
Петушок кричит-поет,
Как дьячок на клиросе.
Свистнешь, радость не тая,
Рвань простоволосая,

Миг — и вот она, твоя
Вся команда босая!
Тут втроем ли, вчетвером
Как не побахвалиться:
Рвешься к речке конь-конем,
Чуть штаны не сваятся.
Не боялись мы жары,
Не страшились холода,
Мчались кубарем с горы
Весело и молодо.
Все, бывало, нипочем:
Небо тучей хмурится,
А домой и калачом
Не заманишь с улицы.
По траве по мураве
На ногах не ходится:
На руках, на голове
Научиться хочется!
Так и шло за годом год
Детство востроглазое,
А потом настал черед
Набираться разума.
Помню, как пришли мы в класс,
Шлепая лаптишками,
Оделил учитель нас
Букварями-книжками.
Был учитель с нами строг,
Говорил заранее:
— Кто не выучит урок,
Будет вихродрание!
Чей ты: Сидоров, Петров, —
Все равно, пожалуйста,
Отдеру, и будь здоров,
И отцу не жалуйся!.. —
Он линейкою махал,
Как пастух дубинкою.. .

Но вихров у нас не драл,
Он их стриг машинкою.
Был он добрый педагог.
Все ж, сказать по-строгому,
Научить он нас не мог
По наукам многому.
Он усердие свое
Проявил бы мысленно,
Но сие не от него,
Видимо, зависело.
И пора была не та,
И не та оказия,
Чтобы лезла мелкота
Всякая в гимназии! . .
Это время утекло,
Быстрое, неровное.
Но стоит мое село
Тезиково, кровное.
В гости вновь меня зовут
Заросли ветловые.
Здесь кругом теперь живут
Люди жизнью новою.
Много нового теперь
В сельской пѣдагогии,
Широко открыта дверь
Здесь в науки многие.
И мне радостно вдвойне
От того сознания,
Что пришло к моей родне
Подлинное знание.
Мимо школы я пройду
Прежнюю дорогою,
Улыбнусь, остановлюсь,
Вспомню я про многое. . .
А заслышав в школе гам,
Вздвoгну непременно я:

«Не мое ль играет там
Детство незабвенное?»
И почудится мне вдруг:
Не сутулясь, прямо так
Я иду домой сам-друг
С золотою грамотой.
В переулке мой отец
В садике копається,
На скворечнице скворец
Песней заливається.
Мать идет в простом платке,
Я навстречу матери.
А у речки на песке
Все мои приятели!

Журнал «Огонек», № 40.

Юлия Друнина

*

СТАРЫЙ ДОТ

Он стоит над заливом —
Разрушенный, хмурый.
Вдаль невидящим взглядом
Глядит амбразура.
Вдаль глядит амбразура,
И кажется доту —
Вновь матросы идут
На огонь пулемета.
Вновь идут.
Бескозырки надвинуты низко...

Все спокойно.
Застыли кусты тамариска.
Надрываясь, свистят
В тамариске цикады.
Вдаль глядит амбразура
Невидящим взглядом...

Парень с девушкой
К доту приходят под вечер —
Он для них
Только место условленной встречи...

«Литературная газета», 23 июля.

ДВА ВЕЧЕРА

Мы стояли у Москва-реки.
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел.
(Так порою на чужих глядят.)
Посмотрел и — улыбнулся мне:
— Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель, спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Понимаешь, просто не могу
Я тебя представить в сапогах...

Я же вечер вспомнила другой —
Минометы били.
Падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
— Вот лежим и мерзнем на снегу,
А когда-то жили в городах.
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках...

* * *

Я, признаться, сберечь
Не сумела шинели:
На пальто перешили
Служивую
Мне —
Было трудное время,
К тому же хотели
Мы, солдаты,
Забуть о войне.

Мы хотели забыть . . .
Только разве забудешь,
Как «болванки» свистят,
И скрипит миномет,
И как падает друг твой
С простреленной грудью
И хрипит, умирая:
— Вперед!

Я пальто из шинели
Давно износила,
Подарила я дочке
С пилотки звезду,
Но коль сердце мое
Тебе нужно, Россия,
Ты возьми его,
Как в сорок первом году.

*Книга стихов
«Разговор с сердцем».*

Борис Дубровин

*

ДРУЖИЩЕ КЛЕН

Над пожелтелой сгорбленной крышей,
На мостовой, не знающей травы,
В своих ладонях, от заката рыжих,
Ты держишь воздух, полный синевы.

Дурашливые маленькие внуки
Не замечают эти
Без числа
Ветвей рабочих высохшие руки,
Морщинистые трещины ствола.

Пусть снова ветер судорожно рыщет,
Пусть листьям задрожавшим не до сна,
Ты всех щедрей, обветренный дружище,
Ты всех богаче, добрый старина.

Ты старше, чем дома и мостовые,
Ты всех мудрей, зеленый бородач:
Раздаривал ты листья золотые
Во времена осенних неудач.

На мостовой листвы твоей тисненье,
Ты представляешь вешние леса,
Выслушиваешь молча объясненья,
Посматриваешь солнышку в глаза,

Запоминаешь ветра разговоры,
Перенимаешь щебеты любви:
В твоей листве небесные просторы,
И кровь земли течет в твоей крови.

И этим надвигающимся маем
Навстречу пешеходам и ветрам
Ты говоришь,
А мы не понимаем,
Как много ты рассказываешь нам.

АНГЕЛЫ

Зеркало от потолка до паркета,
В зеркале люстры тяжелая гроздь,
В зеркале рта зеленого цвета
Спит
И ручищи раскинула врозь;
В зеркале рта, покрытая пылью
От головы
И до сбитых сапог;
В зеркале ангела выгнуты крылья:
Ангел-хранитель на облако лег.
Ангел-хранитель, раскинувший крылья,
Сверху видал, побледневший как мел,
Как мы отбили
И как сохранили
Замок,
Что он сохранить не сумел.
И, несмотря на небесные ранги,
В этот земной и предутренний час
Бодрый,
Умытый,
Расчесанный ангел
С тайною завистью смотрит

На нас:
В зеркале спит,
Припорошенный пылью,
Густо храпящий
На сотни ладов,
Обе ручищи раскинув, как крылья,
«Ангел-хранитель» —
Ефрейтор Петров.

Книга стихов «На первом рубеже».

Михаил Дудин

*

ИЗ ЦИКЛА «РОЗЫ ЛИДИЦЕ»

* * *

В парадной форме медный воин
Впечатан в бронзовый закат.
Но не таким ты шел на Зволен,
Советской Армии солдат.

Ты был, припоминая строго,
Гораздо проще и добрей,
В обмотках, пыльных, как дорога,
В мохнатой шапке до бровей.

Бессонный взгляд горел моложе.
Граната — в грубом кулаке.
Горячий пот — по медной коже,
И кровь — по раненой руке.

С холма на холм, прибавив шагу,
В пути опередив приказ, —
Таким ты и явился в Прагу,
И улыбнулся в первый раз
От всей души, светло и сладко,
Как будто горе не беда,
И лег в тени на плащ-палатку
В святой усталости труда.

* * *

В беседе с друзьями недолгой
Я в Лидице вспомнил опять
Курган обожженный над Волгой,
Где мне приходилось бывать,

Где, ветром осенним носимый,
Клубился удушливый прах.
Я вспомнил пожар Хиросимы,
Тяжелый Майданека страх.

Взгляд Фучика, ясный и правый,
И нож гильотины косой.
...И след потянулся кровавый
В зеленой земле полосой.

Он каждому в мире приметен,
Заросший травой в золе.
И хватит ли роз на планете,
Чтоб скрыть этот след на земле!

Я знаю: мы смертные люди,
У жизни не дважды в гостях.
И кто нашу дружбу остудит,
Возникшую здесь на костях!

Рассвет занимается светел
Над этим великим путем.
И Лидице каменный пепел
На сердце твоём и моём.

Журнал «Огонек», № 50.

и он не таял под ногами,
а становился
        лишь
                плотней. . .
Лежал он,
        свежий и блестящий,
и город был им ослеплен.
Он был тот самый,
        настоящий. . .
Его мы ждали.
        Выпал он.

Журнал «Октябрь», № 2.

Павел Железнов

*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О М. ГОРЬКОМ

. . . Помню
        глаза его голубые,
висков подстриженных никель.
Когда я был у него впервые,
он дал мне не только книги.
Помню,
        когда я, книги забрав,
хотел уже уходить,
он удержал меня за рукав:
«Куда спешишь? погоди. . .
«Не хлебом единым жив человек» —
согласен я с изреченьем,
но убедился
        за долгий свой век —
и не единым
        ученьем!
Хочу, кроме книг,
        кое-что тебе дать. . .»
И. . . пачку червонцев кладет.
Я суммы такой заработать тогда
не смог бы
        за целый год.
Мне б эти деньги взять и сказать
ему от души:
        «Спасибо!»

А я бормочу,
                  опустив глаза:
«Зачем, Алексей Максимыч?»
Мнусь,
                  будто на углях горячих стою,
а он говорит:
                  «Возьми!
Ведь я не в подарок тебе даю, —
взаимы их даю, пойми!
Отдашь потом...»
                  «Не скоро найду
возможность их вам отдать».
Он улыбается:
                  «Что ж, подожду».
А я не беру опять.
Но он
                  все мысли мои прочел,
понял меня без слов
и руку
                  мне положил на плечо:
«Послушай-ка, Железнов,
давай условие заключим:
иди работай, учись.
Помни,
                  книги — это ключи,
что дверь отворяют в жизнь...
Конечно, надо платить долги...
Так вот...
                  в ученье, в работе,
кому-нибудь
                  в будущем помощи,
и —
                  в полном будем расчете!»
«Литературная газета», 26 марта.

Василий Журавлев

*

СТОЛЯР ОТДЕЛЫВАЕТ ДОМ

Однажды утром к нам столяр
пришел. Немного постоял,
все осмотрел
и, сняв пиджак,
просторный смастерил верстак.
Взял доску.
Выстругал.
Потом
долбил, как дятел, долотом,
пилил ножовкой;
наконец,
пустил по дереву резец —
и вышли,
как в полях, свежи
усатые колосья ржи.
Затем он из доски одной
взял и сработал
шар земной;
обвел морей и рек красу,
приладил солнце на весу,
тяжелый молот,
острый серп...
И мы узнали —
                  это герб.
Столяр, потолковав с отцом
и герб приладив над крыльцом,

сказал:
— Пусть знают все,
что тут,
в дому,
колхозники живут.

Потом художник-древодел
резьбою весь карниз одел:
по клеверам пустил стада,
изобразил в полях стога,
зарю и маки по заре,
колхозный двор,
и во дворе
возы,
бидоны на возах,
коней
и бороны «зиг-заг».
А за двором —
река,
паром
и девушка в руке с ведром;
она стоит, глядит на ток
и поправляет свой платок.
За нею мальчик на шоссе
считает уток и гусей.
А дальше — школа,
дальше — сад
и яблоки в саду висят...
Столяр, отделавши карниз,
спустился к нам
с подмостков вниз,
сказал:
— Пусть знают все,
что здесь,
в дому,
всего в достатке есть.

Потом наличники окна
расписывал он дотемна.
И вот —
видны его дела:
летит из каждого угла
раскрытый парашют.
И тут
винтами
«яки» тучи рвут.
Бьет барабан.
Трубит горнист.
Несется в бой кавалерист.
Здесь пушки подняли жерло
и танки едут тяжело.
Советский охраняя край,
здесь вместе с Петькою
Чапай
спешит,
весь в славе и грозе...
Столяр сказал:
— Пусть знают все,
что мы, при случае,
опять
за мир сумеем постоять.

Сегодня лучший день в году —
июнь.
Играют в чехарду
мальчишки около ворот...
Столяр берет
коловорот,
который, как свирель, поет.
И все вперед
идут дела...
Скрипит верстак,
звенит пила,

стучит топор —
и гром
кругом.

Столяр
отделяет дом.

*Книга стихов
«Столяр отделяет дом».*

Николай Заболоцкий

*

ДОЖДЬ

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,
Он был почти нематерьялен
И в формы жизни не одет.

Весенней выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел
И вдруг, веселый и могучий,
Ударил в струны и запел.

И засияла вся дубрава
Молниеносным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.

Натянут тысячами нитей
Меж хмурым небом и землей,
Ворвался он в поток событий,
Повиснув книзу головой.

Он падал издали, с наклоном
В седые стойбища дубрав,
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.

Журнал «Октябрь», № 6.

Борис Заходер

*

БУКВА «Я»

(Сказка)

«Я» — последняя
буква в азбуке.

Поговорка.

Всем известно:

буква «Я»
в азбуке —
последняя.

А известно ли кому —
отчего и почему?

Неизвестно?

— Неизвестно. —

Интересно?

— Интересно. —

Ну, так слушайте рассказ.

Жили в азбуке у нас
буквы.

Жили — не тужили,
потому что все дружили.

Где никто не ссорится —
там и дело спорится.

Только раз

все дело

стало

из-за страшного скандала:

буква «Я»

в строку не встала.

Взбунтовалась

буква «Я»!

— Я, —

сказала буква «Я», —
главная-заглавная!

Я хочу,

чтобы повсюду

впереди

стояла

Я!

Не хочу стоять в ряду.

Быть желаю

на виду! —

Говорят ей:

— Встань на место! —

Отвечает: — Не пойду!

Я ведь вам не просто буква,

Я — *местоимение!*

Вы

в сравнении со мною —

недоразумение —

ни более, ни менее!

Тут вся азбука пришла

в страшное волнение.

— Фу-ты, ну-ты! —

фыркнул «Ф»,

от обиды покраснев.

— Срам! —

сердито «С» сказала.

«В» кричит:

— Воображала!

Это всякий так бы мог!

Может, я и сам — предлог! —

Проворчало «П»:

— Попробуй
потолкуй с такой особой!
— Нужен к ней подход особый, —
вдруг проямлил «Мягкий знак».
А сердитый «Твердый знак»
молча показал кулак.

— Ти-и-ше, буквы! Стыдно, знаки! —
закричали гласные. —
Не хватало только драки!
А еще согласные!
Надо раньше разобраться,
а потом уже и драться.
Мы же грамотный народ!
Буква «Я»
сама поймет:
разве мыслимое дело
всюду
«Я»
совать вперед?
Ведь никто в таком письме
не поймет ни бе ни ме!

«Я»
затопало ногами:
— Не хочу водиться с вами!
Буду делать все сама!
Хватит у меня ума! —
Буквы тут переглянулись.
Все — буквально — улыгнулись,
и ответил дружный хор:
— Хорошо!
Идем на спор:
если сможешь
в одиночку

написать
хотя бы строчку —
правда,
стало быть,
твоя!
— Чтобы Я
да не сумела?
Я ж не кто-нибудь,
а «Я»!

.. Буква «Я» взялась за дело:
целый час она
пыхтела,
и кряхтела,
и потела —
написать она сумела
только
«ЯЯЯЯЯ...»

Как залетится буква «Х»:
— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..
«О»
от смеха покатилося.
«Б»
схватилося за живот...
Буква «Я»
сперва крепилась,
а потом как заревет:
— Я, ребята,
виновата!
Признаю
вину свою!
Я согласна встать, ребята,
даже сзади
буквы «Ю»!

— Что ж, — решил весь алфавит, —
если хочет — пусть стоит.
Дело ведь совсем не в месте.
Дело в том, что все мы — вместе!
В том,
чтоб все —
от «А» до «Я» —
жили,
как одна семья!

Буква «Я» всегда была
всем и каждому мила.
Но советуем, друзья,
помнить место буквы «Я»!

Журнал «Новый мир», № 4.

Михаил Зенкевич

*

НАЙДЕНЫШ

Пришел солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Чрез край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жены!

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголек.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули. . . Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох. . .
Нагнулся: девочка лет трех.

— Ты что сидишь тут? Вылезай. —
Молчит, глядит во все глаза
Пугливее зверенышка.
Светлей кудели волоса,
На васильках — роса-слеза. . .

— Как звать тебя?

— Аленушка.

— А дочь ты чья? —

Молчит. . .

— Ничья.

Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белою березонькой.

*

— А мамка где?
— Укрылась в рожь.
Бойтся, что ты нас убьешь...

Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжел.

Молчит солдат, в окно глядит,
Туда, где тропка вьется вдаль.
Найденыш рядом с ним сидит,
Над сердцем теребит медаль.

Как быть?
Склонилась голова.
Проходит час, а может, два.

Солдат глядит в окно и ждет:
Придет жена иль не придет?
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешевым блёклым ситчиком...

Взглянул:
у притолки жена
Стоит, потупившись, бледна...
— Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны.
Былое порастет быльем,
Как дальняя сторонущка.
По-новому мы заживем,
Вот наша дочь — Аленушка!

Журнал «Октябрь», № 11.

Владимир Карнеко

*

КОСТЕР

Сухие сучья накрест сложат,
Бересты сунут вниз клочок,
И вот, несмел и осторожен,
Ты кажешь красный язычок.

И снова прячешь на мгновенье,
Испуган дерзостью своей,
Успев, однако, одобренье
Прочешь на лицах у людей.

И тем вниманьем ободренный,
Уже смелей из-под коры
Высовываешь восхищенно
Задорно-рыжие вихры.

Ты приобвык уже немножко,
Набрал порядком высоты,
И вот уже на синих ножках
В веселый пляс пустился ты.

Но, как ни прыгаешь, играя,
Свою показывая прыть, —
Тебе еще не доверяют
Тяжелый чайник кипятить.

Ещё ты молод и не крепок,
Трещишь без умолку зазря
(Среди сухих смолистых щепок
Немало было и сырья).

Еще дымишь!.. Но время будет,
Когда ты жарко и светло
Начнешь пылать уже, и люди
Твое почувствуют тепло.

И будут встречи и разлуки.
Перебывает столько тут!
Иные лишь нагреют руки
И, равнодушные, уйдут.

Другие дров тебе подбавят
И помянут тебя добром,
И, если надобно, поправят,
Чтоб ровным, цельным был костром.

Пусть пепла сединой одеться
Придет когда-нибудь пора —
Все так же жарко будет сердце
У отгоревшего костра.

Пусть будет мертв наполовину, —
Он доживет до той поры,
Когда придут и сердце вынут,
И на других привалах кинут...
И вспыхнут новые костры.

«Крымская правда», 22 мая.

Александр Коваленков

★

МАДОННА

Сколько глаз на тебя смотрело!
Сколько света ты людям дала!
Сила чувства, достигнув предела,
Вечность жизни тебе создала.

Не случайно завесой зеленой
Отделил небеса от земли
Гениальный художник влюбленный,
Херувимов оставив вдали.

Он сумел доказать, что не властно
Мракобесье с крестом золотым
Над судьбой итальянки прекрасной,
Над ее материнством земным.

Улетела она, убежала
От монахов, попов и волхвов,
И наполнил ее покрывало
Ветер синих альпийских лугов.

От неволи искала защиты,
Через пропасти сына несла,
Чтобы с облака спрыгнуть на плиты
В переулке родного села.

Виноградник, тропинка по склону,
Дом за тридевять лет и земель,
Далеко... Но не здесь ли мадонну
В первый раз повстречал Рафаэль?

Это было. Они повстречались.
И, пускай мне догадку простят,
Вместе радуясь, вместе печальясь,
Знали счастье и горечь утрат.

И с боязнью, что грянет разлука,
Что любимая будет одна,
В красоте неизбывная мука
Сердцу гения стала видна.

Но, сжигая сияньем тревогу,
Обманув монастырских менял,
Он открыл ей в бессмертье дорогу,
Как калитку в саду открывал.

Царства гibli, моря высыхали,
Цитадели сгорали до тла,
А она в материнской печали
Из былого в грядущее шла.

И, смотря на нее восхищенно,
Смелъчаки говорили о том,
Что божественная мадонна —
Просто женщина с милым лицом.

Ей ханжи не давали пощады.
С ней о дружбе сердца говорят
Героинь ленинградской блокады,
Дочерей сталинградских солдат.

С полотна легендарной картины
Смотрит мать, поднимая дитя,
Через реки, леса и долины
К светлым далям искусства летя.

Журнал «Огонек», № 23.

Владимир Кокляев

*

ПОЛЕМ ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

До деревни — два километра,
Сердце стучит: «Иди!»
Борется мальчик с ветром,
Книгу прижав к груди.

Идет он сквозь снежные омуты,
Закутанный в мамину шаль...
На переплете — золотом:
«Как закалялась сталь».

Трудно идти сквозь вьюгу —
Март на март не похож.
Но если больному другу
Любимую книгу несешь,

Сладишь и с ветром дерзким
И переспоришь снег...
В галстук пионерском
Полеми идет человек.

ШОФЕР

Шустрая девчурка не слыхала,
Бросившись от «салки» напрямик,
Как,
Гремя раскатами сигнала,
Вылетел из рощи грузовик.

Слева — топь,
Канавы на канаве,
Справа — склон,
Поросший ивняком.
Но поверить тормозу не вправе
Человек
За ветровым стеклом.
Может, вспомнив девочку другую
С мягкими пружинками волос,
Он «баранку» вывихнул тугую
И машину бросил под откос.
Падая «газик»,
Дымным комом падал
В заросли
У тоненькой реки.
Здесь нашли мы
Смятый радиатор
И резины рваные куски.
Мы стояли,
Пальцы сжав до боли,
О водителе
Не говоря.
Он вложил не просто силу воли
В свой последний
Поворот руля.

«Комсомольская правда», 12 января.

Осип Кольчев

*

ГАММА

Л. И. Бродской

Светлая зелень —
  на зелени темной.
Косы березок
  в густом дубняке.
Признак весны
  в этой прелести тона,
В первом воздушном зеленом дымке. . .
Встань под весенним сквозным небосклоном,
Сколько, взгляни,
  переливов кругом!
Сколько оттенков
  зеленых в зеленом,
Сколько тонов
  голубых в голубом!
Сколько оттенков, —
  зима их не знала!
Что ни минута, —
  меняется цвет. . .
В сердце
  их тоже должно быть немало.
Это беда,
  если в сердце их нет. . .

Книга стихов «Наша земля».

Александр Корнев

*

СОСНЫ

Помню сосны
  над горной тропой,
Что растут по крутому карнизу
И маралами на водопой
Осторожно спускаются книзу.
Эти сосны —
  вершиной к стригам
И корнями
  к руде серебристой —
Провожали политкаторжан,
Провожали они декабристов. . .
Это здесь,
  кандалами звеня,
Кто-то высь разглядывал вольную
И, похожий лицом на меня,
Вдел в петлицу метелку хвойную.
Это здесь,
  под сосной ветвистою,
По колючей седой траве
Кто-то шел,
  безмятежно высвистывая,
С нелегальщиной в рукаве.

Это здесь, у стойбища дальнего,
Гимназистка, бледна и тиха,
Как невеста,
                                просила свидания,
Чтобы
                                «липой» снабдить
  «жениха».

И бежал «по веревочке» ссыльный —
По станкам, с лошадьми взапар.
С этих сосен
                                медленный иней
Белым цветом его осыпал...

Узловаты пусть и низкорослы
Рядом с нашей прямой любой,
Не руби ты, лесник, эти сосны,
Эти сосны
                                над горной тропой!

Журнал «Октябрь», № 11.

БУХТА ПРОНЧИЩЕВЫХ

Где океана глыбы вековые
Да легкий след от пролетевших нарт,
Покоится
                                Прончищева Мария
И муж ее,
                                Прончищев лейтенант,
Их слава именем России милой
Адмиралтейств-коллегия сама.
Их дубльшлюпку
                                льдами задавило,
И наступила долгая зима...

Где лед стоит неломаный, зеленый,
Где и туземец не соболевал,
Он брел,
                                ожесточенный и влюбленный,
Не замечая,
                                как заболелал...
И, как сама суровая Россия,
Заиндевав до сдвинутых бровей,
Над ним стояла
                                женщина,
  Мария,
Укрыв больного паркою своей.
В последний час — мираж у изголовья.
Он видит, видит, одержимо горд:
Уже дымят
                                ясачные зимовья,
И колоколит
                                заполярный форт.
Здесь пороху и всякой снеди вдоволь,
И водный путь, распахнутый весной,
И сказочные
                                сети
  рыбных ловель,
И кочи
                                с небывалою казной!..
Когда похоронили лейтенанта,
Когда погиб последний мореход,
Одна она — как будто вся команда —
Еще глядела в белое
                                вперед.
Так стойко смотрят только россияне.
Прощай! Ведь не помочь и не спасти.
Ночь.
                                Лишь на полярное сиянье
В просторе
                                лают синие песцы...

Литые льды тот берег запаяли.
Но до сих пор, виденьем обуян,
О первой русской бабе в Заполярье,
Об их любви

бормочет океан.

И вся метель в немерянном разбеге
Поет и плачет во поле пустом
У той,

у невеликой забереги,
Над серым покосившимся крестом.

Книга стихов «В незнакомом городе».

Владимир Корнилов

*

РАЗГОВОР С ГЕНЕРАЛОМ

Полдень был.
Я отстоял в наряде.
С моря шел, — рубаху постирал.
— Эй, солдат! —

Гляжу:
Как на параде,
Золотом сверкает генерал.

Он стоит на самом на пригорке,
У него сегодня строгий вид:
— Почему идешь без гимнастерки?
Распустились!
Ну-ка, позови
Замполита вашей батарее.

— Слушаюсь! —
Сказал я и — кругом,
И пошел.
А он кричит:
— Скорее! —
Я скорей.
А он кричит:
— Бегом!

Не бегу я.
Хоть берите режьте,
А в уставе сказано не так...

Словом, я иду себе, как прежде,
Только руки чуть согнул в локтях.

Так и прибыл в офицерский лагерь,
Замполита тотчас отыскал,
Доложил ему как по бумаге —
И назад:
— Товарищ генерал,
Рядовой...

И только-то я начал,
Генерал, как обухом:
— Молчать!
Я тебя на двадцать суток спрячу.
Что, не слышал?
Я велел бежать!

Вижу —
Ни за что я пропадаю...
(Но устав —
Защитник верный наш!)
— Вы ж, товарищ генерал,
Не дали
Исполнительной команды
«Марш!»

Генерал подумал, удивился,
Генерал сказал:
— Смотри, какой! —
И как будто прежний удалился,
А явился генерал другой.

А у этого и голос глуше...
— Что ж, забыл, —
Так просто и сказал. —
Вот до генерала как дослужишь,

Позабудешь, что солдатом знал.
Память, знаешь, это вещь такая...

И рукою хлопнул по плечу.
Ну, а гимнастерка-то сырая...
Мне неловко. Я стою молчу.

Если б дома у меня несчастье
Или службу я б кончал уже,
Ну тогда...
А то ведь как с начальством
Говорить прикажешь по душе.

У меня таких талантов нету,
Разговор хочу свести к концу:
— Мне, товарищ генерал, в поэты,
А чины поэтам не к лицу.

— Не к лицу? —
И вдруг с какой-то грустью,
Словно что-то вспомнилось ему,
Генерал сказал:
— Ну, что ж, допустим,
Что чины поэтам ни к чему...
Скорой славы сердце возжелало?
Но со славой мы повременим!
Все равно —
В поэты, в генералы,
А сначала надо — рядовым.

И, понятно, на слова на эти
Ничего ответить я не мог,
Но «так точно», как всегда,
Ответил.
И пошел дослуживать свой срок.

Журнал «Советский Казахстан», № 7.

Анисим Кронгауз

*

ЩИТ

Я рос, грызя сухарь краюхи,
Крупой пайковой хрустя,
Войны гражданской и разрухи
Туберкулезное дитя.

Махру дружинники курили,
Забыв, что рядом,
Хил и мал,
У их шинелей, цвета пыли,
Я цвет лица
Перенимал.

Дитя тшедушное такое
Смести былинкою бы мог
Не только встречный ветер боя —
Любой попутный ветерок.

Бедой,
Болезнью неминучей
Подкошенный
Упал бы я,
Но у меня был
Щит могучий,
Меня хранивший, —
Мать моя.

Я был за маленькой, за нею
От бурь больших убережен.
И мир не знал щита прочнее
Еще с гомеровских времен.

Но годы шли...
Я стал железный.
От бомб ослеп, потом прозрел.
Горел.
Тонул.
Висел над бездной.
Жизнь полюбил и смерть презрел.

А мама вовсе поседела,
У глаз морщинки и у рта,
И с ней расстаться захотела
Ее бывшая красота.

На бугорке крутом на даче
Она ловила воздух ртом.
Пришел черед мой, не иначе,
Отныне стать
Ее щитом.

Я б заслонила ее собою
И на войне
И от войны.
Я встал бы в душном пекле боя,
Но среди этой тишины,

Где с каждым годом взгляд тускнеет,
Глаза грустнее,
Тише речь,
Мне с каждым днем уже труднее
Ее от времени сберечь.

От лет, несущихся навстречу,
Бессилен я ее спасти,
Хоть стал в отца — широкоплечий,
И шире, чем отец, в кости.

Она бросалась, не робея,
Чтоб сына заслонить от зла...
Насколько все же я слабее
Той, что меня уберегла.

Журнал «Смена», № 24.

Иосиф Бурлат

*

ТУТ ВЕТРЫ СПЯТ...

Иди и не сворачивай
Тропинкою лесной, —
Тут ветры спят, калачиком
Свернувшись под сосной.

Лежат они, усталые,
На мягких травах в ряд
И, словно дети малые,
Тихонечко сопят.

Но если вдруг наступишь ты
Им на пушистый хвост,
Они встают, насупившись,
Во весь огромный рост;

Не разобравшись, сослепу
Начнут сердито дуть, —
Тут ветры спят под соснами,
Ты осторожным будь!

Альманах «Молодь».

Николай Лебедев

★

НАСЛЕДСТВО

Мне мать в наследство завещала
Рожок берестяной, да кнут,
Да от мазутного причала
В луга самарские маршрут.

В чужом дырявом армячишке
Я пас в ночном чужих коней.
Глядела Волга на мальчишку
Огнями шумных пристаней.

Теперь от волжской перемычки
Тяну над ними провода,
Они с веселой перекличкой
Идут за мною в города!..

И свет встает зарей весенней,
Глядится в завтрашние дни,
И до Москвы, в дали вечерней,
Сверкают волжские огни!

Бегут туда, где у причала
Мазутом пахли берега,
Где мать в наследство завещала
Тропу в самарские луга.

По ней пришло на Волгу детство
В чужом дырявом армяке...
А я чудесный свет в наследство
Оставляю внукам — на реке!

«Труд», 26 октября.

Юрий Левитанский

*

НОВЫЙ ГОРОД

Не на синьке и не на кальке,
а врисованный в синеву,
на асфальте и желтой гальке
он открылся мне наяву.
Сосны, здешние старожилы,
за чертою, где лес редел,
чуткий сон его сторожили
и входили в его предел,
подступали к его заборам,
и под каменной белизной
в этом городе пахло бором,
пахло ягодой лесной.
И под вафлями черепицы,
возле самых оконных рам,
в этом городе жили птицы,
засыпая по вечерам.
К ним привыкли. Еще вначале
так привыкли к ним, что потом
их как будто не замечали
в этом городе молодом.
Люди строились. Легкий, летний,
будто солнце в себя впитал,
этот город их малолетний,
как малыш, еще лепетал.
Он копался в песке и глине,
он строителей допекал,

он по шпалам трамвайных линий
до окраины добежал.
Людам этого было мало...
С каждым часом и с каждым днем
что-то взрослое проступало,
что-то зрелое крепло в нем.
И в рабочей своей спецовке
он смотрел уже свысока
на экспрессы, без остановки
проносившиеся пока
мимо стен его капитальных,
где огней его теплота,
где для досок мемориальных
пустовали еще места.

Журнал «Октябрь», № 8.

Марк Лисянский

*

ОТЕЦ

Жили мы на юге Украины
В солнечном зеленом городке,
Где акаций снежные вершины,
Где белеет парус на реке.

Мой отец, простой портовый грузчик,
Двадцать девять лет таскал мешки.
Шириною плеч его могучих
Любовались даже моряки.

Элеватор у воды бессонной,
На заре отец шагал сюда —
Разгружать товарные вагоны,
Нагружать торговые суда.

Он работал, силою играя,
И, бывало, со своим мешком
Ночью шел, покинув Николаев,
В города соседние пешком.

Знал в Одессе, кто бывал у моря,
А в Херсоне — каждый паренек
Грузчика Лисянского, который
Поднимал, как перышко, мешок.

По отвесной лесенке портовой,
Узкой, шаткой, он поклажу нес,
И лежал мешок восьмипудовый
Неподвижно, будто в плечи врос.

Счастья не просил отец у бога,
Не пытал и не молил судьбу.
Правда, верил, да и то немного,
В куль, лежащий на его горбу.

Так работал, что в глазах плясало
И пересыхало все во рту.
Но зато раз в сутки ел он сало
С житняком. И тут же спал в порту.

Он трудился до седьмого пота,
Не жалел здоровья своего.
Нет, не годы — адская работа
Раньше срока сгорбила его.

Он обиделся на жизнь чертовски
И грозил кому-то кулаком...
Мне всегда казался горб отцовский
Затвердевшим на плечах мешком.

А когда у нас в порту набатом
Прозвучал «Авроры» грозный залп,
Мой отец ушел на фронт солдатом,
Ленину служить, — как он сказал.

Жизнь его цветами не встречала,
До всего дошел своим путем.
Он поверил в Ленина сначала,
А в себя поверил он потом.

Он с войны гражданской воротился,
Будто выпрямился в полный рост.
В партию вступил и все гордился:
— Ленин мне доверил этот пост. . .

Мне простят, что слишком затянулся
Мой рассказ от первого лица.
Много лет прошло. . .
И я вернулся
В город детства, словно в дом отца.

Снег акаций. Улицы прямые.
Старый николаевский причал.
Здесь я имя Ленина впервые
От отца родного услышал.

«Литературная газета», 21 апреля.

С Л А В А

Сияло имя Ленина,
Идя в века,
Перешагнув поля,
Моря России,
И не было такого уголка,
Где б это имя не произносили.

А он ходил в поношенном пальто,
Жил на пайке,
Трудился дни и ночи,
Детдому слал дрова,
С докладом шел к рабочим
И говорил, что выспится потом.

Он жил у дальних гор,
У безымянных рек

В сердцах людей
Всех стран и поколений.
И, кажется, один лишь человек
Не замечал той славы. . .
Это — Ленин.

Журнал «Нева», № 1.

Владимир Лифшиц

*

БЫЛ МАЙСКИЙ ДЕНЬ...

Был майский день. Цветение. Весна.
Ловили дети в скверике друг дружку.
А молодая женщина несла
Тугую кислородную подушку.

Чье это горе? Матери? Жены? . .
Мне не забыть, как, из аптеки выйдя,
Она пошла вдоль каменной стены,
Бела как мел и никого не видя.

Был майский день. Был самый светлый час.
Была весна. Сияла вся природа.
Так почему же одному из нас
Сегодня не хватает кислорода? . .

В глазах у женщины была такая ночь,
Так горько были сжаты губы эти,
Что можно было все отдать на свете,
Чтоб только ей хоть чем-нибудь помочь.

ЗВЕЗДЫ ГЕРОЯ

На нашем бульваре весенней порою
Поставили памятник дважды Герою.
Шел митинг. И не уставала греметь
Военных оркестров гортанная медь.

А сам он, такой не по возрасту юный,
С таким простодушно-смущенным лицом,
Стоял у перил невысокой трибуны,
Друзей боевых окруженный кольцом.

Он — здешний. Он нашего города житель.
Мы все земляком знаменитым горды.
Недаром легли на полковничий китель
Две ярких, две брызжущих светом Звезды!

А рядом, в пальтишке простого покроя,
Стояла его молчаливая мать. . .
И думал я, глядя на Звезды героя:
Одну из них — ей надлежало б отдать.

Журнал «Звезда», № 2.

Хочу оправдать рабочее место,
без указаний на то из треста
и не увязав ни с кем.

Хочу явить без дяди и тети
собственное лицо.

(Да за что вы мне деньги даете,
в конце концов!)

Я на самостоятельном деле
испробуюсь —

всюду работы тьма.

Мне хватит даже,

простите за скромность,
собственного
ума...

И, о последствиях не заботясь,
от страха не холодея,
я ставлю под этим
личную подпись:

Л. Лиходеев.

*Книга стихов
«Своими глазами».*

Владимир Луговской

*

З Е М С Н А Р Я Д №...

Он пришел

с Волго-Дона

сухим и водным путем

Со своею командой —

сплошь на подбор

молодежь.

«Мы идем, —

говорят дизеля, —

мы тихонько идем.

Слушайте гром лебедек,

тросов стальную дрожь!»

Среди пыльных зарослей

турангй,

Среди тихо шуршащего

камыша

Так медленны

якорей шаги,

Так настойчиво

к северу рвется

душа!

К северу, к северу,

Вдоль берега серого,

К пустынным озерам,

К песчаным просторам.

И ползет земснаряд,

и летит пурга

Бурой земли
                    пополам с водой
До тех пор,
                    пока месяц не выгнет рога,
Чтобы встретиться
                    с первой зеленой звездой.
А пока исполинский свет
                    и жара,
Занавески полощутся
                    в окнах кают.
И на палубе,
                    раскаленной с утра,
Блещут медью тела
                    и майки цветут.
Белозубый, веселый
                    речной народ
По-особому
                    в этой машине
                                    живет.
Здесь четыре свадьбы
                    сыграли в пути,
И работают вместе
                    муж и жена.
А под звездами юга
                    с поцелуями
                                    не шути!
В белом доме пловучем
                    любовь верна.
И теперь
                    все больше
                                    семейных кают,
Да таких домашних,
                    что зависть берет.
И плывет
                    этот светлый,
                                    юный уют

Шаг за шагом,
                    но только всегда
                                    вперед.
Народились ребята.
                    Глядишь —
                                    крепыши.
Их качала в ладонях
                    Аму-Дарья,
Для спокойного сна,
                    для ребячьей души
Древний плеск своих волн
                    матерински даря.
Что ж,
                    суровая матушка
                                    Аму-Дарья,
Ведь за ними
                    в пустыню
                                    приходит волна твоя!
А по берегу
                    злая пылища взлетает,
                                    душна,
Донимает жара огневая,
                    и жизнь не легка.
Но плывет этот дом молодежи,
                    плывет дотемна,
Все на север, на север —
                    дорога его далека.
Трудно жить,
                    но живут, не робея,
                                    и песни поют.
И плывут
                    к тем желанным озерам,
                                    где птицы не счесть.
А в горячей пустыне
                    под ласковым кровом кают

И привычки свои,
и вещицы свои,
и знакомые карточки
есть.

А на озере Лебязьем
Лебедь осенью садится.
Там весной приют отважным,
К северу летящим птицам.
И гремят, гремят лебедки,
И натягивают тросы.
И закат рукою кроткой
Мелким ивам гладит косы.
Пахнет салом сковородок.
Скоро ужин —
и шабаш.
Разлилася над песками
океанская заря.
Пролетел орел высокий,
дня и солнца верный страж,
Диким голосом пустыни
в поднебесье говоря.
Вырвались большие звезды,
с яблоко величиной.
Первый жалкий вой шакала
из барханов долетел.
Только радио читает,
слышимое всей страной,
Исполнение дел Союза,
рядовых, обычных дел.
На целинных землях юга
воду ждут за сотни верст.
По каютам молодежным
мирно лампочки горят.
Плотный ветерок прохлады
ты зажми в тугую горсть.

По пути на звездный север
отдыхает земснаряд.
Только мрачный парень ходит
и вздыхает на луну.
Мимо одного оконца
он прошел уже
не раз.
С Волго-Дона
полюбил он
сероглазую одну,
Та взяла и вышла замуж. . .
и огонь в окне погас.
И ходить он будет долго
в кара-кумской тишине,
Слушать разговор соседей,
поступить шахмат на доске,
Видеть влажный отблеск лунный,
тени рыб на мелком
дне.
Легкий ветер
поднимает
занавеску на окне,
И невидимая птица
гулко стонет вдалеке.

Журнал «Знамя», № 10.

Инокентий Луговской

*

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ЛОПАТ

За лопатой — лопата, без передышки,
Темный шурф, что крупинки надежды хранит.
Восемь тысяч! Вы врезались в память мальчишки,
Как врезается грустная надпись в гранит.

Восемь тысяч потомственных приискателей
На якутском ветру
В африканском поту;

В широченных штанах, чтоб не терли колена,
Если землю копаешь и камень кайлишь,
И холодная, царски-бездушная Лена,
Уносящая жалобы в мертвую тишь...

Я сегодня вас вспомнил, отцы и товарищи,
Поднимаясь по лестнице по крутой
На высокий «Шагающий»,
Твердо шагающий
Между грузным утесом и грозной водой.

Вот окно.

Вот площадка.

Вот пульт управления.

И отсюда, где горные веют ветра,
Мне ясней направление и сила движения,
Мне видней твое будущее, Ангара!

Здесь,
Где тянется каменный пояс плотины,
Где встает из железобетона стена,
Изумрудные вихри ударят в турбины,
Свет и пламя родит ледяная волна.

Там,
Где камень Шаманский на тяжком затворе
Держит к славному морю заветный проход,
Там сомкнет свои волны Иркутское море,
И придет к нам с Байкала морской пароход...

Мы, туристы, молчим. Тишина здесь сурова
И восторженных слов высоте не дано.
И все кажется нам, прозвучи только слово,
Как, не выразив мысли, умолкнет оно...

— Начинаю, внимание, начинаю! —
Говорит машинист, обернувшись назад. —
Я веду этот ковш. Я сейчас заменяю
Восемь тысяч людей,
Восемь тысяч лопат!

И привычной рукой...
Повернул великана!
Дрожь железное тело насквозь пробрала.
И высокое солнце над пиком Саяна
Догнала и затмила собою стрела.

И казалось — стояли мы в сердце вселенной,
А вокруг нас вращалась родная земля:
Вот река...

Пароход...

Перекат белопенный...

За рекою — село...

За селеньем — поля...

Снежный пик...
Эстакада...
Соседний «Шагающий»...
Шумный мир, где покой не приму никогда!..

Я недаром вас вспомнил, отцы и товарищи,
С высоты озирая былые года.

Только в сказках и знали вы утешение.
Посмотрите на сказку: она наяву.
Посмотрите на внука — в работе, в движении,
На глаза, устремленные в синеву.

Посмотрите, как, выслушав пульс механизма,
Он на пульт управления руку кладет
И стрелу со словами:
«Вперед, к коммунизму!» —
Меж водою и небом
Бросает в полет!

Альманах «Новая Сибирь», книга 32.

Михаил Луконин

*

ЗИМОЙ

Синеет небо,
                    падает капель,
и тени голубеют на снегу,
зеленая стоит в сугробе ель, —
соединить все вместе
                                    не могу.

Ты рядом
                    не такая, как вдали.
Я мысленно подальше ухожу.
Молчи,

                    я на другом краю земли
воспоминая смутным дорожью.
Вот вспоминаю я тебя, мою,
придумываю мысленно опять,
как ты опять

                    в заснеженном краю
не устает меня живого ждать.
Письмо твое давнишнее беру:
«Благополучно все. Пиши. Привет».
Приписываю твоему перу
все то,

                    о чем в письме ни слова нет.
Я мыслью дом домой перенесу,
в мечте

                    письмо в свиданье претворю,
все яблони твои
                                    в моем лесу

Рабочие в бадье вращают глину,
у малышей постройки из песка.
В окне девчонка нянчит мандолину,
в другом — студент с ладонью у виска.
Я подошел.

У бельевой веревки
две женщины.

Спрошу-ка: этот дом? ..

— А ты сама-то!

— Слышу от чертовки!

— Свою веревку займей — суши потом. . . —

Забылись и твердят одно и то же.

Сердитые,

а в солнце все равно,
как две сестры молоденькие, схожи.
Я повернулся и — назад скорее, но. . .

— Вам что тут, гражданин?

— Да так, мне надо. . .

Дом нужен, — говорю, —

стоял в те дни,

во время обороны Сталинграда.

Остались стены черные одни.

Ваш дом не тот? —

Молчат.

— Напротив, что ли? .. —

Молчание.

— Куда идти — туда?

Тогда он здесь стоял,

гудел от боли. . . —

И головы нагнули.

Их жалея,

я подошел:

— Случилось что-нибудь? —

Прищепки теребя, как ожерелья,

взглянули,

и меня толкнуло в грудь,

и вспомнил я. . .

и понял их, молчащих.

Да, были те, бессмертные, дружны.

Да, вспоминайте, думайте почаще:

как в этом доме люди жить должны!

И сам подумал, отступая к дому,

в душе перебирая жизнь свою:

не так, не так,

а надо по-другому.

Так надо жить,

как жили мы в бою.

Журнал «Новый мир», № 10.

Марк Максимов

*

ПИСЬМО РОВЕСНИКУ

Говорят, что люди начинают
детство удивительно похоже —
тихим словом «мама» на заре.
После их качают и катают,
яблони цветут и облетают,
юность незаметно прилетает,
мужество... Его приходу тоже
точной даты нет в календаре.

На перекладных плетется час.
Вырастают, женятся, стареют...
Так ли это? Может быть, до нас
жили так. Но мы — куда скорее!..

Память начинается упрямо,
путая слова и имена:
говорят, что первым было — мама,
только нам запомнилось — война.

Нам с тобой запомнилась могила,
где по-вдови выплакалась мать,
обняла тебя и обронила:
— Только бы, сынок, не воевать!..

В нашу коммунальную квартиру —
не могу забыть ее с тех пор —
как-то мы втащили карту мира
с дыркой вместо Пиренейских гор.

Примусы шипели, жаря, шкваря,
но уже во всю земную ширь
круглыми плечами полушарий
прямо в кухню вламывался мир.

Он еще так мало знал про атом,
мы — про назначение штыка.
Мир казался просто старшим братом
нашего ребячьего мира.

Трехкилометровки — те в планшете,
детству непонятны рубежи.
Человек родился на планете —
чем он не хозяин ей, скажи?

Мы в ручьи пустили пароходы,
сказочные строили порты,
сапоги обули скороходы,
сшитые без дратвы — из мечты.

А фашизм уже навел винтовки
прямо в наши детские сердца,
разделив на трехкилометровки
карту полушарий до конца.

И еще по-вдови мать молила:
— Только бы, сынок, не воевать! —
А уже отцовскую могилу
мы учились братской называть!..

Поуплыли наши пароходы,
поотстали наши скороходы,
время так спешило, так спешило —
половины сказок нас лишило.

Ну, да мы не сетуем на это:
по плечу пришлась тебе война.
Здравствуй, карта полушарий света!
До чего же ты изменена!

Наш солдат заслуженную каску
с иностранной пылью сдал в запас,
нашу недослушанную сказку
светлой былью делает сейчас.

Но одно попрежнему: по-вдовьи
ночью слезы вытирает мать
и ребенку шепчет в изголовье:
— Только бы, сынок, не воевать.

Для тебя с подругой звезды блещут
обещаньем завтрашнего дня.
Я люблю. И лучшая из женщин
не желает
потерять меня.

Ни на час
разлуки не желает.
Верит: если что — пойдет со мной.
Я молчу. Но военком-то знает,
что жена — женой, война — войной.

Нам с тобою, брат, не отмахнуться
от недоброй памяти о ней,

нам нельзя с угрозой разминуться,
не бороться с ней— нельзя вдвойне.

Нет, не мы встревожим день весенний,
нам бы жить в труде и тишине:
дело вражье — начинать сраженье,
наше дело — побеждать в войне.

Журнал «Новый мир», № 2.

Алексей Марков

*

МОЛОДОСТЬ

Вижу, как уходит
Молодость моя.
В школьном хороводе
Веселюсь не я.

На стекле морозном
Силуэтов строй.
Мне туда уж поздно,
Погоди, постой. . .

Возле нашей школы
С горки снеговой
Льется смех веселый. . .
Слышу: голос мой.

Не ошибся, слышу:
Он такой один.
Глядь, летит на лыжах
Мне навстречу сын.

Краснощекий, быстрый, —
Ну, конечно, я!
Вслед снежинок искры.
Молодость моя!

Журнал «Огонек», № 9.

Г Р И Б Ы

Подберезовик душистый,
Белый гриб — грибов король —
Где-то в листьях, в травах мшистых. . .
Ищешь их. . . Исчезли что ль?
А красивый, длинноногий
Несъедобный мухомор
У тропинки, у дороги:
«Рви меня!» — глядит в упор.

Так-то водится на свете:
Кто полезен и умен,
Тот не очень-то приметен,
На глаза не лезет он.
А другие — те напротив,
Встанут выше, на дыбы.

Вы такого обойдете, —
Вы ведь знаете грибы!

Отрывной календарь, 13 июня.

*

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистала,
Столь чиста,
Что ни напиток,
Ни умыться.

И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало,
Чистой

Дистиллированной
Воде!

С Л Е Д

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос дая ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?

След,
Чтобы вытерли паркет?
И посмотрели косо вслед?
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет? . .

Журнал «Октябрь», № 4.

С О Н Ж Е Н Щ И Н Ы

Добрая женщина
Пожилая
Мне рассказала, что видела сон:
Будто бы с неба спустился, пылая,
Солнечный луч, и попался ей он
В голые руки, и щекотно, колко,
Шел сквозь него электрический ток. . .

Кончик луча она вдела в иголку —
Вздумала вышить какой-то цветок,
Будто из шелка. . . И тем вышиванием
Залюбовался весь мир, изумлен.

Женщина с искренним непониманием
Робко спросила: — К чему этот сон?

Я объяснил ей, что сон этот в руку!
Если уж солнцем пошла вышивать,
Это не склоку сулит и не скуку,
И неприятностям тут не бывать.
Это навеяно воздухом вольным!
Ведь не способна ни рваться, ни гнить
Даже в ушке этом тесном игольном
Великолепная, светлая нить.

— Будьте, — сказал я, — к удаче готовы!
Так не приснится и лучшей швее
В перворазрядном большом ателье! —
Женщина робко сказала:
— Да что вы! . .

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Помню
Двадцатые годы:
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотапливаемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданьях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших.

Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немые.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколенья.

Журнал «Октябрь», № 11.

Самуил Маршак

*

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИИ

* * *

Грянул гром неожиданно, наобум —
Яростный удар и гул протяжный.
А потом пронесся легкий шум,
Торопливый, радостный и влажный.

Дождь шумел негромко, нараспев,
Поливая двор и крышу дома,
Шепотом смиряя буйный гнев
С высоты сорвавшегося грома.

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорит народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
Что серебрится вдалеке, —
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,

Порой одно он скажет слово,
И это слово: — Благодаты!

* * *

Вечерний лес еще не спит.
Луна восходит яркая.
И где-то дерево скрипит,
Как старый ворон каркая.

Все этой ночью хочет петь,
А неспособным к пению
Осталось гнуться да скрипеть,
Встречая ночь весеннюю.

* * *

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий!

Вокруг белеющих прудов —
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

* * *

Текла, извивалась, блестела
Река меж зеленых лугов,
А стала недвижимой и белой,
Чуть-чуть голубее снегов.

Она покорила оковам.
Не знаешь, бежит ли вода
Под белым волнистым покровом
И верстами крепкого льда.

Чернеют прибрежные ивы,
Из снега торчат тростники,
Едва намечая извивы
Пропавшей под снегом реки.

Лишь где-нибудь в проруби зыбко
Играет и дышит вода,
И в ней красноперая рыбка
Блеснет чешуей иногда.

• • •

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

■ ■ ■

Дана лишь минута любому из нас,
Но если минутой кончается час —

Двенадцатый час, открывающий год,
Который в другое столетье ведет, —
Пусть эта минута, как все, коротка,
Она, пробегая, смыкает века.

Журнал «Новый мир», № 2.

Михаил Матусовский

*

ПАМЯТИ НЕИЗВЕСТНОГО САНИТАРА

Не знаю, то ли я и вправду стар,
А может быть, пошаливают нервы, —
Все чаще стал мне сниться санитар,
Убитый в Духовщине в сорок первом.

Пусть от меня все дальше этот год,
Пусть многое в душе перегорело,
Но снова вижу я, как он ползет,
Чтоб вынести меня из-под обстрела.

Все это происходит, как во сне:
На глине оставляя отпечатки,
Он неуклонно движется ко мне,
Шурша брезентом мокрой плащ-палатки.

Я вижу, словно в стереотрубу,
Особенно отчетливо и зорко
Багровый шрам на закопченном лбу
И темную от пота гимнастерку.

Вот он уже почти на полпути.
В налипшей глине сапоги, как гири.
Осталось метров семь ему ползти —
Нет, шесть, нет, пять, нет, только лишь четыре.

Но страшный взрыв всю землю вдруг потряс.
Недолгий век был парнем этим прожит,
И тот рубеж, что разделяет нас,
Он никогда переползти не сможет.

Столбы огня встают со всех сторон.
Под вечер небо багровеет с краю.
Как звать его, откуда родом он, —
Об этом ничего я не узнаю.

Я не узнаю, где солдатский дом,
Что думал он, ползя навстречу смерти,
И кто получит весточку о нем
В казенном проштампованном конверте.

Давно разрывы не терзают слух,
Давно развеян едкий запах гари.
Но все напоминает мне вокруг
О том, меня спасавшем санитаре.

Оставшись сам с собой наедине,
Я часто вижу взгляд его под каской.
И он опять, за пядью пядь, ко мне
Ползет, ползет, ползет по глине вязкой.

И кажется, как будто наяву,
На жизнь мою он смотрит без улыбки,
И проверяет, так ли я живу,
И отмечает все мои ошибки. . .

Солдатской дружбы неостывший жар
В своей душе я берегу поныне,
Как завещал мне это санитар,
Убитый в сорок первом в Духовщине.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ В ПРАГЕ

Все деревья в Градчанах
в белый иней одеты.
Новогоднюю полночь
бьют куранты Лореты.
И является город
из-за дымки нечеткой
То какою-то лепкой,
то какой-то решеткой,
То громадой собора,
задремавшей устало,
То неясной фигурой,
что глядит с пьедестала,
То чешуйчатой кровлей,
от столетий шершавой,
То пролетами моста
над безмолвною Влтавой.
Снег лежит на каштанах,
поянварски унылых,
На готических башнях
и чугунных перилах.
Словно сделан рисунок
живописцем умелым
Здесь по белому черным,
там по черному белым.

А на улицах шумных
сквозь толпу не пробиться.
От морозца и пляски
разрумянились лица.
Тот друзей потешает
незатейливой шуткой,
Этот всех оглушает
самодельною дудкой.

Ну, а третий приладил
ватный ус над губою,
Сделал нос из картона
и доволен собою.
Кто надел полумаску,
кто колпак из бумаги, —
И теплом и весельем
дышат улицы Праги.
Все почти с полуслова
понимают друг друга,
Всех как будто сроднила
новогодняя вьюга.
Взявшись за руки, пляшут
незнакомые люди, —
В целом мире, наверно,
так когда-нибудь будет.

Под морозным сияньем
этих праздничных окон
И светло мне, и грустно,
и чуть-чуть одиноко.
Я стою, не вступая
в толчею хоровода.
Что ты мне обещаешь,
полночь Нового года?
Беспокойное счастье,
вечный творческий поиск,
И на раннем рассвете
уезжающий поезд,
И опять расставанье
на заветном пороге,
И надежды, и споры,
и крутые дороги. . .
Но, бродя до рассвета
в новогоднем тумане,

Я особенно верю
    в исполненье желаний,
Верю в искренность дружбы,
    в беззаветность отваги,
Верю в древние камни
    нестареющей Праги.
Величаво и мерно
    бьют куранты Лореты,
Словно слышен их голос
    с неизвестной планеты.
И плывут эти звуки
    как бы каждый отдельно
В зимнем воздухе Праги,
    над землей беспредельной
И потом исчезают,
    растворясь в небосклоне,
Как кристаллики снега
    на горячей ладони.

Журнал «Знамя», № 10.

Александр Межиров

*

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной, —
    не возвращаются из полета,
Очереди пулемета
    режут под корень траву.
Я сплю,
    положив голову на Синявинские болота,
А ноги мои упираются
    в Ладугу и в Неву.

Я подымаю веки,
    лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
    ловлю исчезающий зной.
И когда я
    поворачиваюсь с правого бока на спину,
Синявинские болота
    хлюпают подо мной.

А когда я встаю
    и делаю шаг в атаку —
Ветер боя летит
    и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
    и катится гром к рейхстагу,

Когда я делаю
                  свой
                  второй
                  шаг.

И белый флаг
                  вывешивают вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
                  в сторону отходя.
И на мое плечо,
                  на погон полевой, зеленый,
Падают первые капли,
                  майские капли дождя.

А я все дальше иду,
                  минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
                  и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
                  пену сдуваю с пива
И пепел с цыгарки стряхиваю
                  у Бранденбургских ворот.

А весна между тем крепчает,
                  и хрипнут походные рации,
И по фронтовым дорогам,
                  денно и ночью пыля,
Я требую у противника
                  безоговорочной капитуляции,
Чтобы его знамена
                  бросить к ногам Кремля.

Но, засыпая в полночь,
                  я вдруг вспоминаю что-то,
Смежив тяжелые веки,
                  вижу, как наяву,

Я сплю,
                  положив под голову Синявинские болота,
А ноги мои упираются
                  в Ладогу и в Неву.

Журнал «Октябрь», № 1.

* * *

Крытый верх у полуторки этой,
Над полуторкой вьется снежок.
Старой песенкой, в юности петой,
Юный голос мне сердце обжег.

Я увидел в кабине солдата,
В тесном кузове — спины солдат.
И машина умчалась куда-то,
Обогнув переулком Арбат.

Поглотила полуторатонку
Быстротечной метели струя.
Но хотелось мне крикнуть вдогонку:
— Здравствуй, Армия, юность моя!

Срок прошел не большой и не малый
С той поры, как вели мы бои.
Поседели твои генералы,
Возмужали солдаты твои.

И стоял я, волнением объятый,
Посредине февральского дня,
Словно юность промчалась куда-то
И окликнула песней меня.

ТРЕВОГА

Нынче с самого утра
Сердце бьется и не бьется,
Дождик льется в полведра —
От ворот и до колодца.

А другая половина
Солнышком озарена, —
Света гулкая лавина
Цвета спелого зерна.

Не по мне погода эта,
И с утра томит меня
Полутени, полусвета
Суелливая возня.

Словно вперекор цветенью
На рассвете в день весны
Полусветом, полутенью
Получувства рождены.

Вижу небо в тучах тощих,
Двор знакомый небольшой,
Полувёдро, полудождик
Ненавижу всей душой.

Не хочу делиться частью,
Частью целого себя,
Утешаться полустрастью,
Не ревнуя, не любя.

И ютиться в хате с краю,
У событий на краю,
Полумерами карая
Половинчатость свою.

Выходить на полустанках,
Забываться в полусне.
Разве в танковых атаках
Не стоял я на броне?

Как меня на полдороге
Успокоить жизнь могла, —
Разве не было тревоги
Той, что к бою подняла?

Разве не было на свете
Льда над ладожской водой,
На котором гибли дети,
Убеленные бедой?

По которому в молчанье,
Спотыкаясь на ходу,
Шли мои однополчане
В сорок памятном году.

Шли туда, где у вокзала
На века
С броневика
Путь народам указала
Окрыленная рука.

Надо мной метель гудела,
Крыла инеем штыки,
В город Ленинского дела
Молча шли маршевики.

Шли дорогою ледовой,
Как на Зимний,
Над Невой,
Коммунары по Дворцовой,
По торцовой мостовой.

Там от выстрела поныне
Над «Авророю» дымок,
Чтобы я на половине
Успокоиться не мог.

Журнал «Октябрь», № 5.

Анатолий Милявский

*

ЗЕМЛЯ КРЫМСКАЯ

Городами, степями, деревнями
Много верст исходил я пешком.
От Армянска до Сурожа древнего
Каждый камень в пути мне знаком.

Под какую ни жил бы я крышею,
Мне везде твои зори видны,
И еще от Джанкоя услышу я
Голубое шуршанье волны...

Там, где скалы прибоем надраены,
Словно бляхи матросских ремней,
У суровой гранитной окраины
Мне блеснут вереницы огней.

Нет, не южной луной живописною,
Не открыточным гляncем дворцов,
Не красою своей кипарисною
Дорога мне краина отцов.

Я люблю твою тишь тополиную,
Зной степей и безмолвье холмов.
Веет древнею силой былинною
От скалистых твоих берегов.

За певучею горною речкою,
Втопан в землю, в забытый курган,
Шлем стальной с генуэзской насечкою
И турецкий кривой ятаган.

Где в тиши над могилами скифскими
Лишь орлы неподвижно парят,
И под свежими обелисками
Жарко маки степные горят,

Там, где нежатся пляжи нарядные,
Я сквозь толщу воды, в глубине,
Вижу темные гильзы снарядные,
Что покоятся грузно на дне.

Где в чашобинах филины гукают,
И лесной полусумрак суров,
Все мне чудятся в зарослях буковых
Огоньки партизанских костров.

Здесь, веками на славе настоена,
Дышит бранной грозой тишина. . .
О Таврида! Гнездовие воинов,
Голубая моя сторона!

Зацветают поляны долинные.
Дышит море. Бормочут ключи.
Как понять твое сердце орлиное,
Как услышать его, научи!

Чтобы вырвалась песня певучая
Из души, как клинок из ножен,
Чтоб сложить ее, самую лучшую,
В честь земли, на которой рожден.

Альманах «Крым», книга 12.

Сергей Михалков

*

ЗЕРНО САТИРЫ

Какой-то Критик, полный самомнения,
Однажды в землю посадил Зерно.
И часа не прошло, как, потеряв терпенье,
Он побежал смотреть, не проросло ль оно?
Увы! Не проросло! . . Тут Критик наш в волненье
Взял вытащил Зерно, перевернул,
Другим концом в другую лунку ткнул
И вновь его землей засыпал аккуратно,
Час переждал и выкопал опять:
«Непостижимо! Непонятно!
Зерно не хочет прорасти.
Что за упорное, упрямое Зерно!
Ну, просто смех! . . Да что-то не смешно!»

Не пропадут сатириков труды,
Когда сатириков не дергать без нужды!

Журнал «Огонек», № 1.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ БАРАН

«Чего ты все снуешь без отдыха, без сроку! —
Петух однажды на дворе
В сердцах отчитывал Сороку. —
Я хоть бужу хозяев на заре.

А ты все тянешься к открытому окошку,
Все норовишь стянуть где ложку,
Где сережку.

Что говорить, на это ты ловка!

А что до твоего, болтушка, языка,
Так от него не жди ни толку и ни проку!»
Услышав, как Петух отчитывал Сороку,

Баран накинудся на доброго Коня:

«Чего ты на дворе торчишь средь бела дня?
То — бочкой прогремишь, то — бороной, то —
бричкой.

А уж возить навоз вошло в твою привычку.
Как будто ты не мог найти чего другого,
Чтобы свалить хозяину во двор?!
Скажу тебе в глаза: пошляк ты, право слово!
Ни вкуса у тебя, ни мыслей нет. Позор!»

Недавно я прочел критический обзор
И, будучи с обзором не согласен,
Я басню новую добавил в книгу басен.

Журнал «Огонек», № 41.

НА СПЕКТАКЛЕ
«ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА»

(Быль)

На сцене шел аукцион:
Детей с отцами разлучали.
И звон оков, и плач, и стон
Со всех сторон в толпе звучали.

Плантатор лезет негру в рот —
Он пересчитывает зубы.
Так покупают только скот,
Его ощупывая грубо.

«Кто больше? .. Продан! .. Чей черед?
Эй, черный! Встань! Ты здесь не дома!»
Шатаясь, Том шагнул вперед.
Друзья! Купите дядю Тома!

«А ну, за этого раба
Кто больше долларов предложит?»
Том! В чьих руках твоя судьба?
Кто заплатить за выкуп сможет?

«Кто больше?» — «Больше денег нет!»
«Кто больше?» — «Вот, еще монету!»
«Кто больше?» — «Вот, еще браслет!»
Еще возьмите брошку эту!»

«Кто купит негра? Кто богат?» —
Плантатор набивает цену,
И гневно зрители глядят
Из темноты на эту сцену.

«Кто больше? .. Раз! .. Кто больше? .. Два! ..»
И вдруг из зрительного зала,
Шепча какие-то слова,
На сцену девочка вбежала.

Все расступились перед ней.
Чуть не упал торгаш со стула,
Когда девчушка пять рублей
Ему, волнуясь, протянула.

Она молчала и ждала,
И это та была минута,
Когда в порыве против Зла
Добро сильнее, чем валюта!

И воцарилась тишина,
Согретая дыханьем зала,
И вся Советская страна
За этой девочкой стояла...

«Правда», 1 июня.

Иван Молчанов

*

ОСЕНЬ НА УРАЛЕ

Городок, заброшенный в тайгу.
Шапки сопок, синие туманы.
Темный бор на дальнем берегу.
Топа, вересковые поляны...

Как изменчив Северный Урал!
То ль в ушанке выйти, то ли в кепке?
В полдень дождь нещадно поливал, —
В два часа мороз ударил крепкий.

Шел снежок, и было все бело,
Вот и сосны враз заиндевели.
А под вечер снова развезло,
В киселе дороги и панели.

Небеса — то сини, то серы.
Ночью месяц зелен от простуды...
Не Хозяйка ль Каменной горы
Учиняет здесь свои причуды?

Погоди, сварливая! Пройдет
Время года, что зимой зовется,
Над лесами летний небосвод
Голубою шалью развернется.

Днем, когда шиповник будет ал,
Он придет, — конец твоим проказам...
Говорят, что Северный Урал
Схож по лету с Северным Кавказом.

Альманах «Прикамье», книга 19.

Лев Мочалов

*

МОСКВА

Сердцем

шестьсот километров выстукав, —
всегда

впервые, по-существу, —
на конференцию,

или на выставку,
или просто —

в Москву!

Москва!

Меня, как пушинку, подхватывал
непререкаемо властный поток,
развернувшимся

эскалатором
почву

уводя из-под ног.

Она дорожила

единым мигом

тугого

убыстрённого дня,

читала,

стоя в вагоне,

книгу,

ресниц

на приехавшего

не подняв.

*

Дмитрий Нагаев

*

* * *

Море — это не просто волны
И не просто синяя даль.
Это песня и ветер вольный,
Ожидание и печаль.

Море — это долгие мили
Напряженья, надежд, тревог;
Безмятежность полного штиля,
Редкий-редкий вдали дымок.

Это яростно бьющий в уши
Вопль аврального ревуна,
Буйство ветра, воды и стужи,
Штормовые ночи без она.

Это свет полярных сияний,
Глупых чаек нестройный гам,
Бесконечность воспоминаний,
Лаконичность радиограмм.

Море — это маяк и берег,
Позабытый запах травы,
И звонок у знакомой двери,
За которой грустите вы...

Альманах «Калининград».

Сергей Наровчатов

*

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

Над черным логом белый день
Вставал и чист и нов.
Он шел из дальних деревень,
Из дальних городов.

Где, не боясь из тьмы невзгод
Тягчайшую принять,
Нас ждут с тобой четвертый год,
Не уставая ждать.

Но я, забыв про тех, кто ждал,
Не помня ни о чем,
Упав, ничком в траве лежал
С раздробленным плечом.

Подпав под смертной боли власть,
Впадая в забытье,
Впервые я посмел проклясть
Земное бытие.

Но тут, тоскуя и скорбя,
Мешая с кровью вздох,
Вблизи себя увидел я
Растоптанный цветок.

На лепестках и вдоль стебля
Осели гарь и грязь,
И с грязью кровушка моя,
Смешавшись, запеклась.

Но через кровь и через грязь
Простой цветок земной
Невыносимую для глаз
Сиял голубизной.

И словно вызов и укор
Надломленному мне,
Он смерти цвел наперекор,
Наперекор войне.

«Так вот оно, — подумал я, —
Земное бытие.
Так вот она, судьба моя,
И торжество мое!

В нас всех сияет этот свет,
Он ярче света звезд. . .
Любой из нас сквозь сотни бед
Его в душе пронес.

Его ничем не превозмочь,
Ничем не погасить,
Пройдя через такую ночь,
Такую волчью сыть,

Где властно правили душой
Железо и свинец,
Мы не расстались с чистотой
Простых своих сердец.

Земля моя! Судьба моя!
Безмерный свете мой!
Живая радость бытия,
Цветок мой голубой!

Пусть я страдаю и скорблю,
Но, слабый человек,
Я жалобой не оскорблю
Крутой и быстрый век.

Но всем дыханием своим
Я славлю эту жизнь,
Где празднеств шум неразделим
С печальным шумом тризн.

Я славлю путь земной любви,
Сошедшей в черный лог,
Я славлю пеплу и крови
Не сдавшийся цветок!»

Журнал «Октябрь», № 6

ВДВОЕМ С ДОЧКОЙ

Ты меня и поздравить забыла
С днем рожденья новым моим. . .
Сколько лет мне сегодня пробило?
Сколько осеней? Сколько зим?

Сколько весен?! А были весны!
Помню волжский рассвет на юру. . .
Ох, как пели веселые сосны,
Как звенели они на ветру!

Как мы молоды были с мамой,
Ненаглядной мамой твоей...
Ты растешь, как она, упрямой,
Тот же взлет непокорных бровей.

Те же губы... Тут спорить излишне...
Поглядишь — и злость разберет,
Словно съела пригоршню вишен
И забыла вытереть рот.

Почему ж мы без общей квартплаты,
Почему не живем втроем?
В этом мама и я виноваты,
Ну, а ты-то, брат, ни при чем.

Очень скверно жить в одиночку,
А друг друга надо беречь...
Подойди, пожалуйста, дочка,
И постой у отцовских плеч!

Журнал «Знамя», № 6.

СЛЕПАЯ ДЕВУШКА

Сплела слепая девушка венки,
Какого цвета цвет она цветы,
Никто вокруг ей объяснить не мог --
Ни лес, ни луг, ни шумные кусты.

Цветы в венки ложились все дружной,
Один оттенок краски брал в другом...
Какое чувство подсказало ей
Не ошибиться в выборе своем?

И в этот миг я вспомнил о тебе.
Ты, зрячая, приходи сюда, к слепой,
И горько подивись своей судьбе,
Сравнив слепую девушку с собой.

И ты цветы встречала на пути,
Рвала не наугад — наверняка,
Но не могла и не смогла сплести
Ты воедино даже два цветка.

Слепой видна связующая нить,
Которую давно не видишь ты,
Всю жизнь ты не могла соединить
Разрозненные звенья красоты.

Ты на венки последний раз взгляни...
Ладонью защитив зрачки свои,
С ослепшим сердцем голову склони
Перед незрячей зоркостью любви.

Журнал «Нева», № 5.

Лев Озеров

*

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Мы слышим решительность горна,
Мы видим детей наших строй,
И лагерный флаг треугольный
Горит, упоен высотой.

На выжженной зелени луга
Баяна томительный звук,
И дочка погибшего друга
Мою вызывает на круг.

Подруга с подругою пляшет.
Я молча стою в стороне,
И детство далекое наше
Так живо увиделось мне.

А память всегда наготове.
Я вижу, как снова близки
Его беспокойные брови,
Его голубые белки. . .

Идут наши дочери вместе.
Хоть друга со мною здесь нет,
Но ожил в нечаянном жесте
Товарищ студенческих лет.

Я вижу веселые лица,
И общую радость пойму;
Но вправе ли был бы я злиться,
Что грустно лишь мне одному?

А то, что мне плакать хотелось
И пальцы сжимали платок, —
Мое это личное дело,
Пусть буду я в нем одинок!

«Труд», 10 июля.

Александр Ойслендер

*

МОЯ УЛИЦА

Чем она
    хорошая такая,
Улица моя —
    Серпуховская?
Я не так давно
На ней живу,
Но при мне
Она помолодела,
Липы посадила
И листву,
Словно шляпу светлую,
Надела.
А еще до этого сняла
Ржавое кольцо трамвайных линий —
И пустила с первого числа
В плаванье троллейбус светлосиний.
И, хотя над нею не растут
Этажи высокогорных зданий,
Назначают девушки и тут
Лучшие, быть может, из свиданий.

Не манит рекламой световой
И витринным блеском не сверкает
Скромница с тенистой листвой,
Улица моя —
Серпуховская.

Нравится она мне
Все сильнее,
Скромностью своей напоминая
Тружеников, что живут на ней,
О своих достоинствах не зная.
Пусть она
Не очень широка,
И легко видны ее границы,
Но, как в море верная река,
И она впадает в центр столицы.

Осени предчувствием дыша,
Всем ее повадкам потакая,
Чем еще
Бывает хороша
Улица моя —
Серпуховская?
Тем, что, уезжая из Москвы,
Слышу я в курьерском за Читою
Трогательный шум ее листвы,
Борющейся с первой краснотой.
И мгновенно в памяти встает —
Рядом с Красной площадью
И рядом
С МГУ
У Ленинских высот —
Улица моя
Под листопадом!

«Литературная газета», 29 сентября.

Сергей Орлов

*

* * *

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русской.
Весь город был у ней в плену —
Глаз, песенок, проказ и вкусов.

Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.

Мы не встречались десять лет,
Лет шесть не знали друг о друге.
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.

Она и не она! С собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.

Я девочку любил тогда.
Есть память. С этого вокзала
И в юность ходят поезда.
— Ты помнишь? — девочка сказала.

Я оглянулся: сердце сжалось —
Разлукой сожжена дотла,
Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца бела.

Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно название —
Все пожелтевшие, в пыли.

А дальше — пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых,
И я заплакать был готов. . .

Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она. . .

Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза. . .
И я забыл девчонки русской
Проказы, песенки, глаза. . .

Журнал «Нева», № 3.

Сергей Островой

*

Я В РОССИИ РОЖДЕН

Я в России рожден. Родила меня мать
В пору яблок и в пору созревшего хлеба.
И велела мне песню в дорогу позвать.
И дала в изголовье мне синее небо.

Я глядел на него: облака... облака...
Высоту пополам перерезала птица.
Все течет и течет голубая река,
А воды из нее никогда не напиться.

Нет, обратно на землю! Скорее, скорей!
Обнимать ее жаркие травы в июле.
Пить живую прохладу зеленых морей.
На далеких заставах стоять в карауле.

Сторожить ее всю — до цветка-лепестка!
От незваного гостя. От мора. От сглаза.
Пусть ее не коснется лихая рука.
Дводушная песня и лживая фраза.

Пусть они не тревожат ее никогда.
Пусть до сердца ее не достанут печали.
Сорок фаз мне кукушка считала года,
Сорок лет... А как будто дорога в начале.

Будто только вчера я отправился в путь.
Мир вокруг удивительно свеж и прекрасен.
Ко всему приглядишься. Ничего не забудь.
Равнодушный, как черная оспа, опасен.

В мире столько еще не доделано дел!
Еще мерзнет земля в ледниках Антарктиды,
И не вторгся никто еще в звездный предел,
И пустыни желтеют от вечной обиды.

Мир еще разграничен борьбою идей,
Еще делят людей на цветных и на белых.
Слышишь, негры поют о России моей?
О земле справедливых, свободных и смелых.

И куда бы судьба ни вела бедняка,
Где бы мать колыбельную песню ни пела, —
Отзывается издали Волга-река,
Словно вечность сама за окном прошумела.

Я в России рожден. Я люблю ее так,
Что словами всего и не скажешь, конечно.
Если друг — так уж друг. Если враг — так уж враг.
А уж если любовь — так уж это навечно.

Зла не ломнит Россия. Побитым не мстит.
Может хлебом и песней с тобой поделиться.
Добрым гостем придешь — от души угостит.
Спрячешь камень за пазухой — горе случится.

Посмотри ей в глаза. Не предаст. Не солжет.
Кто слабее ее — никогда не обидит.
И всегда она слово свое сбережет,
И за черною тучею солнце увидит.

Может, солнце вот это вело Ильича
Сквозь жандармскую ночь, сквозь метели косые...
Каторжане брели, кандалами стуча.
Вдоль Владимирки бабы бежали босые.

И какую таил в себе силу народ,
Сколько было в нем светлой мечты и отваги,
Чтобы встать, распрямиться, рвануться вперед
И о солнце зажечь свои красные флаги!

Я в России рожден. И куда ни пойдешь,
Где б мои не лежали дороги земные,
Всё, что в сердце ношу, что вместилось в груди,
Я зову необъятнейшим словом — Россия!

«Литературная газета», 4 декабря.

Лев Ошанин

*

* * *

Он пробатрачил молодость свою.
Проснулся лишь в семнадцатом, в бою.
Учиться начал чуть не в тридцать лет.
А к сорока открылся в нем поэт.
Сердечных дел он мало знал юнком —
Нескладен, бос и некрасив лицом.
Глаза девчат в родном краю у нас
Его горячих не искали глаз...
Прошли года. Усталый, пожилой,
Он сердцем снова в юности быллой.
Сказав себе: «Все вновь переживи!» —
Он пишет песни о чужой любви.
И оказалось в сердце столько слов,
До этих пор закрытых на засов,
А чувства так высоки и чисты
И столько в них духовной красоты, —
Что юноша, начав любить едва,
Свою любовь кладет в его слова,
Что девушка в заветный милый час
Его словами сопревает нас
И благодарно, словно о родном,
С любовью нежной думает о нем.
А он, почти уже на склоне лет,
Чужой любовью счастлив и согрет.
Ах, если б в двадцать или в двадцать пять
Такие песни он умел писать!

Журнал «Нева», № 2.

Сергей Подделков

*

НОЧНАЯ ВАХТА

Уснули дети до утра.
И звезды синие взошли.
В окно видна Магнит-гора,
играет зарево вдали.

Ночь. Тихо.
Петр Кузьмич кладет
в карман с расчетами блокнот.
— Иду, — он говорит жене.
И гаснет свет в его окне.

Магнит-гора, Магнит-гора,
ты и богата и щедра,
из недр твоих идет руда,
в печах твоих пылает сталь,
чтоб превратиться навсегда
для мира в прочную деталь.

И Петр Кузьмич на вахту встал.
Он смотрит в синее стекло.
В печи беснуется металл,
ворочается тяжело.
Доволен сталевар вполне
движеньем стали в глубине.
Он подает рукой сигнал —
и в ковш струею бьет металл.

Он стер с лица ладонью пот.
Он ледяную воду пьет.

А по конвейеру — вперед
за слитком слиток в стан плывет. . .

В прокатных цехах ровный гуд,
сухая плотная жара.
Там — проволоку мастера
из брусьев огненных прядут;
там — кровельные
меж валов
ползут широкие листы,
как раскаленные холсты.
И воздух движется багров.

О созидания пора,
тебя достойны мастера!

А дети спят. . .
Им снится — чиж,
секрет часов, загадки звезд.
И держит в кулачке малыш
лошадку за пеньковый хвост.
Он спит — не знает ничего,
посапывает в тишине.
Он — будущего торжество.
И люди именем его
выносят приговор войне.

«Труд», 24 ноября.

Григорий Поженян

*

ЕСТЬ У МОРЯ СВОИ ЗАКОНЫ...

1

Есть у моря свои законы,
Есть у моря свои повадки.
Море может быть то зеленым,
С белым гребнем на резкой складке,
То без гребня — свинцово-сизым,
С мелкой рябью волны гусиной,
То задумчивым, светлосиним,
Просто светлым и просто синим,
Чуть колышимым легким бризом.
Море может быть в час заката
То лиловым, то красноватым,
То молчащим, то говорливым,
С гордой гривой в часы прилива.
Море может быть голубое,
И порою в дневном дозоре
Глянешь за борт, и под тобою
То ли небо, а то ли море.
Но бывает оно и черным,
Черным, мечущимся, покатым,
Неумолчным и непокорным,
Поднимающимся, горбатым,
В белых ямах, в ползучих кручах,
Переливчатых, неминуемых,

Распадающихся на глыбы,
В светлых полосах мертвой рыбы.
А какое бывает море,
Если взор застигает горе?
А бывает ли голубое
Море в самом разгаре боя?
В час, когда, накренившись косо,
Мачты низко гудят над ухом,
И натянутой ниткой тросы
Перескрипываются глухо;
В час, когда у наклонных палуб
Ломит кости стальных распорок,
И, уже догорев, запалы
Поджигают зарядный порох, —
Кто из нас в этот час рассвета
Смел бы спутать два главных цвета?
И пока просыпались горны
Утром пасмурным и суровым,
Море виделось мне то черным,
То — от красных огней — багровым.

2

Родился месяц — и буксирный трос
Уже опять натянут до предела.
И бродят волны в полушубках белых
И точат берег у песчаных кос.

И, медленно раскачивая море,
Буграми непрерывными идя,
Поигрывая гребнем и гудя,
Идут они на нордовом просторе.

И на маячных вышках вспыхнул свет,
Протер глаза шатающийся бакен,

И звоном рынд встревоженных по знаку
Все подняты. . .
А морю дела нет.

Оно рождение месяца встречало,
И, торжествуя в лопастях винтов,
Оно уже бунтует у бортов,
Уже спешит взорваться у причала.

Бунтуй, бунтуй!
Тебе давно пора
Расстаться с ложной тишиной покоя.
Расправь свой гребень, раз уж ты такое!
Нам по нутру давно твоя игра.

Мы знаем эти складки. Синева
Им не присуща —
Белое с зеленым.
И кренится высокий борт со стоном,
И кружится у слабых голова.

А нам под статьи
Нам не впервой в походы.
У нас войной проверены рули.
И выбирают якорь корабли,
Не ждут они у берега погоды.

Журнал «Октябрь», № 3.

Юрий Полухин

*

ОСЕНЬ

Спит Москва. Под утро — самый холод.
Зябнут клены около воды.
Ветер бродит, ветками исколот,
Морщит Патриаршие пруды.

Нет часов, и догадаться трудно:
Может, пять, а может, нет пяти.
Вот уже на улицах безлюдных
Первые троллейбусы в пути.

Пронеслось такси с зеленым глазом,
Прочертив резиной поворот.
Встрепенулся воробей и сразу
Взмыл на арку запертых ворот.

Как прозрачно на бульваре стало!
Осень — расточительно добра —
Столько листьев за ночь набросала,
Что, пожалуй, за день не убрать.

Дворник наш ворчит на эти клены
И, вставая около шести,
Заметает листья на газоны,
Словно можно осень замести.

«Вечерняя Москва», 11 октября.

Антон Пришелец

*

ТВОЙ ПОРТРЕТ

Памяти сына

Из далекой страны,
Где ни гор, ни морей,
Не дождусь я тебя
И за сотни лет.

Так и будет —
До самой смерти моей —
Твой портрет стоять
На моем столе.

Время — лучший врач,
Говорят врачи,
И пора забывать,
Забывать, говорят. . .

А останусь один,
И опять в ночи —
Только твой
На меня устремленный взгляд.

Книга стихов «Мой костер».

Александр Прокофьев

*

ИЗ ЦИКЛА «СЧАСТЬЕ»

* * *

Ты идешь тропой неровной,
Узкою, росистою;
На спине твоей не дрогнут
Косы золотистые.

Ты выходишь на простор,
Где волна качается,
И жалеет темный бор,
Что тропа кончается. . .

ДОЛЯ

Где ты ходила,
Кого полюбила?
Из песни.

Я проходила темным лесочком,
Темным, густым — не слышать голосочка!

Да и не надо, не надо, чтоб слышно:
Я ведь увидеться с долею вышла.

Доля моя, сероглазая доля,
Отдал мне сердце свое молодое. . .

Вот я и жалеюсь темному бору:
— Мне со своим бы управиться в пору!

В ЛЕСУ

Пруд заглохший весь в зеленой ряске,
В ней тростник качается, шумит.
А на берегу, совсем как в сказке,
Милая Аленушка сидит.

Прост веночек, а нет его красивой,
Красен от гвоздик, от лилий бел.
Тополиный пух на платье синем,
С тополиных рощ он прилетел.

С берега трава, врываясь буйно,
Знать не хочет, что мертва вода,
И цветет дурман-цветком багульник
Рядом у заглохшего пруда.

Но кукушка на сосне кукует,
И тропинка к берегу ведет,
Так же солнце на воду такую
Золотые обручи кладет.

* * *

Хороши рыбачки по Заречью,
Выбегают солнышку навстречу.

Выбегают с берегом прощаться,
И глаза их серые лучатся.

И еще отрада: ветер веет,
И от ветра щеки розовеют.

И готово сердце отозваться,
И готовы губы целоваться!

У ОКОЛИЦЫ

Поднимался, опускался,
Все закрыл туман.
Целый вечер заливался
Про любовь баян.

Песни, вырвавшись из плена,
Заняли сады,
Баянист самозабвенно
Трогал все лады.

Разломала все преграды
Вешняя вода...
Мне не надо бы, не надо
Приходить сюда.

Мне бы эту непогоду
Дома переждать
Иль поодаль бы, поодаль
От баяна стать!

* * *

Ты без песни никуда.
Песни нет, — тогда беда!

Нет большой беды, положим:
Надо будет, — сами сложим.

Нам к словам не привыкать,
В лавке их не покупать!

Так что ты ходи, раскосая,
Полями, покосами,
С запевалями в ряду,
Я тебя не подведу!

* * *

По дорожке-стежке за село,
Видели все люди, счастье шло.
Было солнце вешнее,
Счастье было здешнее,
Милою улыбкою цвело!

Я такую встречей дорожу,
Я на это счастье лишь гляжу.
А кому достанется,
С кем не расстанется, —
Я когда узнаю, то скажу!

Проходило счастье, свет неся,
Проходило даже, где нельзя!
Где-то возле Ильменя
Названо по имени
Счастье молодое...
Песня вся!

Журнал «Огонек», № 1.

Михаил Пустынин

*

КРИТИК НА РАСПУТЬЕ

*(Размышления некоего критика перед тем,
как написать очередную статью)*

Да, мысли писателя очень важны
С одной стороны,
Но нашим читателям вряд ли нужны
С другой стороны...

Есть пафос и признаки есть новизны
С одной стороны,
Но «родинки» прошлого явно видны
С другой стороны...

И стиль безупречен и главы стройны
С одной стороны,
Но вялости в них рецидивы сильны
С другой стороны...

На быт современный намеки умны
С одной стороны,
Но чудятся тени седой старины
С другой стороны...

Отдельные строчки предельно смешны
С одной стороны,

Но, в общем и целом, довольно мрачны
С другой стороны. . .

Пути к высоте новых знаний точны
С одной стороны,
Но та высота лишена глубины
С другой стороны. . .

Проблемы с большой прямоотой включены
С одной стороны,
Но в той прямооте много есть кривизны
С другой стороны. . .

О критиках этих — вы знаете их! —
Послушайте мой непочтительный стих:

*Из книг и журналов мы гнать их должны
С одной стороны и с другой стороны!*

Журнал «Нева», № 1.

Александр Решетов

*

* * *

Отца и мать не выбирают —
Какие есть, таким и быть.
Не знаю: кто родному краю
Обиду смеет предъявить,
Что в мире есть поживописней,
Поинтереснее края. . .

За все, что радовало в жизни,
Что полюбил на свете я,
Тебе несу по праву сына
Тепло невыдуманных слов,
Земля с ольшаником в низинах,
С тяжелой глиною холмов.

Здесь, крыши прислонив к деревьям,
Встречает новый день моя
Простая русская деревня
У безымянного ручья.

Ей много лет,
И было много
В полях — труда,
В веках — невзгод. . .
У хлебных скирд,
У льниц дорога
Меня к великой — к ней ведет.

Журнал «Нева», № 1.

Роберт Рождественский

*

ОЖИДАНИЕ

Так
любимых не ждут у порога,
так
к больному не ждут и врача...
Пыль
на рыжих
степных дорогах,
хоть картошку пеки,
горяча.
Люди мнут
фуражки в руках,
от полей
глаза отводя...
Я впервые увидел,
как
ждут
дождя.
Ждут,
выдумывая всевозможные сроки,
ждут,
надеясь на чудо,
ждут,
матерясь:
«Пусть дороги развозит!
Плевать на дороги.

Лишь бы дождь!
Пусть тогда, хоть по горло,
грязь».

А земля горит,
от жары,
как в броне.
А земля говорит:
«Помогите мне.
Без воды,
без дождя
больше я не могу.
Помогите,
ведь я
не останусь в долгу!»
Как ей скажешь:
выдержи,
подожди!

Чем поможешь?!
Минуты,
как вечность, идут.
Люди ждут и молчат.
Люди курят и ждут.

...Ты мне пишешь: в Москве у вас снова дожди.
Снова дождь.
По бульварам опять не пройдешь.
Снова дождь.
По обочинам мчат ручейки.
Дождь идет по Москве.
Теплый,
ласковый дождь.
Там скрываются от него.
Чудаки!
Надевают плащи.
Открывают зонты.

Начинают погоду ругать с утра.
Ходят хмурые.
...Если б увидела ты,
как, негаданно вымахнув из-за бугра,
мчит дороги не разбирающий
через поле,
                  к нам,
                          напрямик
так пылящий,
                  будто пылающий,
сельсоветовский грузовик.
Председатель
                  выпрыгивает на ходу.
Он кричит.
          А глаза блестят, как от голода:
«Будет дождь!
Мне сейчас звонили из города».
Пошатнулся —
                  и дальше,
                          словно в бреду:
«Туча.
          Мне звонили.
                  Свернула сюда.
К нам идет...
                  Если мимо, то
                          быть...
                                  беде...»

Ты мне пишешь, что вам надоела вода.
Напиши.
          Напиши мне об этой воде.
О дождях напиши мне.
                  О том, как тяжел
Воздух перед грозой.
                  На погоду не жалуйся.

Напиши,
                  чтоб он был, этот дождь.
                                  Чтоб он шел.

Пожелай нам ливня.
Пожалуйста.
Журнал «На рубеже», № 6.

Александр Романов

*

ДОМАШНЯЯ ХОЗЯЙКА

Масло верещит на сковородках.
Печка докрасна накалена. . .
Ты в косынке, в платице коротком
Здесь колдуешь снова дотемна.
Жаришь, паришь, отдыха не зная,
Синий эной качается кругом.
И добро б — семья была большая,
А у вас два стула за столом.
Тот, кому готовится все это,
За столом сидит уже давно.
Тычет вилкой в жирную котлету,
Разливает белое вино,
Потный, красный, в вылинявшей майке.
Он доволен мастерством твоим.
Ну, а ты — как будто не хозяйка,
А официантка перед ним.
Похвалам его совсем не рада,
Горько улыбаешься в ответ,
И в твоём похолодевшем взгляде
Прежнего сиянья больше нет.
Невдомек ему, что грустно что-то
Ты встречаешь утреннюю тишь
И, когда спешит он на работу,
Вслед ему ты с завистью глядишь.

Сборник «Литературная Вологда».

Николай Рыленков

*

* * *

Закат перегорел. Осенний вечер мглист.
Густеет тишины перебродивший запах.
А на столе моем лежит кленовый лист
В прожилках золотых и розовых накрапах.

Я, как твое письмо, читать его могу,
Где вспоминаешь ты, мой тайный вздох почую,
И встречи за рекой, и песни на лугу,
И все, чего забыть не в силах, не хочу я.

* * *

Каменная низкая ограда,
Море, словно морево, вдали.
Полные корзины винограда
Девушки к машине принесли.

Подмигнули старику, который
С них не сводит любопытных глаз.
Каждый день, покинув санаторий,
Он сюда приходит в этот час.

Вот стоит, подставив солнцу плечи,
Клин бородки выставив вперед.
«Ты откуда ж будешь?» — «Издалече,
Из краев, где Днепр разгон берет».

Девушки смеются: «Думать надо,
Ты не зря к нам ходишь в этот зной.
Кроме волчьих ягод, винограда
Нету в стороне твоей лесной».

«Как так нету? В школьном огороде
У меня растет который год.
Только будет чуть помельче вроде,
Ну, и вкус, по совести, не тот.

Тут, понятно, вас не переспоришь,
Всех еще не превзошли наук. . .»
«Значит, ты учитель?» — «Нет, я сторож,
А учитель — это будет внук!»

Журнал «Огонек», № 10.

Николай Рябинин

*

О СТАРОЙ ПИЛОТКЕ

В сундуке
Под нарядной своею обновой
Он пилотку нашел,
Мой сынишка бедовый,
Ту пилотку, в которой
Лет восемь назад
Я домой возвратился —
Бывалый солдат.
И ликует мальчишка:
— Смотрите, как раз! —
А какое — как раз,
Не видать даже глаз!
Будто триб предо мной.
Ах, малыш, мой малыш!
Для тебя мой убор
Стал игрушкой лишь.
Головной мой солдатский убор
Постарел.
А пока он старел,
Рос вот этот пострел.
Крутит мальчик пилотку:
— Ну, где же перед?
Почему нет звезды? —
Он ко мне пристает.
— Почему на работу
Ты ходишь не в ней,

Не в пилотке, а в серенькой
Кепке своей? —
Как ему объяснить,
Малышу-глупышу:
Это счастье его,
Что я кепку ношу.

*Сборник
«Литературный Ульяновск».*

Иван Рядченко

*

* * *

Капитан причалил к дому,
а жена ушла к другому.
Стены голы.
Люстры яркие.
На пол падают подарки.
Только ветер влажный, резкий
раздувает занавески.
Капитан застыл на стуле.
Вспомнил доки в Ливерпуле,
дождь в Нью-Йорке, зной в Калькутте,
фотографию в каюте,
что висела и не знала
тайных дум оригинала
и лгала во время странствий
о любви и постоянстве. . .
Лишь три слова начертала:
«Ухожу. Прости. Устала».
Ждать устала. Трудно было.
Это значит: не любила.
Это значит: обманула
позапрошлым светлым летом.
Хоть с ударом не тянула.
Что ж! Спасибо и на этом!
Слышишь, танго звуки льются,
и гудки друг другу вторят. . .
Чьи-то жены остаются.
Корабли уходят в море.

Журнал «Огонек», № 49.

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА

Она пока лишь оттиск влажный,
Заметок ряд многоэтажный,
Ее еще корректор важный
Читает по складам,
А к ней уже подходит каждый
Узнать, что нынче там...

Кто нам еще войной грозит,
Что там сегодня, за границей,
Где льется кровь, пожар дымится
И бой за мир идет?
Огнем четвертая страница —
Огнем страница жжет!

Над ней корректор чаще курит,
Над ней корректор брови жмурит,
Услышав в ней то прохот бури,
То голоса друзей,
И, позабыв о корректуре,
Он думает над ней...

Журнал «Октябрь», № 6.

ВЕСНА 1945 ГОДА

... Я ночую в разрушенном доме
С изреченьем в ореховой рамке:
«Здесь ты дома, оставь все заботы».
Мне не спится. На улице танки
Громяхают. Гудят самолеты.
Дом разрушен. И пулей пробита
Эта заповедь чуждого быта.
Я ночую в разрушенном доме.
В десяти километрах отсюда,
Под землю, под толщей столицы,
Гитлер мечется зеленолицый,
До последнего верящий в чудо.

В полумраке подземного зала
Он сидит, словно коршун больной.
И угрюмо стоят адъютанты,
Молчаливо стоят за спиной.

Сотрясается почва Берлина
От налета воздушных армад.
А эсэсовцы личной охраны
Пьют коньяк и едят шоколад.

Приближаясь, гремит канонада,
Все слышней голоса батарей.
И несут сундуки с орденами,
Чтоб устроить завал у дверей.

В полумраке подземного зала,
Под крылами обвисших знамен
Он сидит, словно коршун подбитый,
И кричит и кричит в микрофон.

Он опять обещает солдатам
Солнце славы и трубы побед.
Он сулит им полки и бригады,
Но полков у него уже нет.

Он сулит ордена и награды,
Раздает офицерам чины. . .
Но уже провода микрофона
Двое суток отключены.

В полумраке подземного зала
Адьютанты угрюмо стоят.
И диктатор, не верящий в чудо,
Достаёт заготовленный яд.

. . .Монат май! Месяц май! Над домами —
Небеса без конца и без края.
Лейб-гвардейские парки в Потсдаме
Блещут всей амуницией мая.
Слышу вновь, что не вымерли птицы,
Все деревья полны певунами.
И идут по дорогам к границе
Люди мира, спасенные нами.

Я увидел слепого тирольца.
Он стоял на шоссе без улыбки,
И дрожащим смычком осторожно
Он пиликал на старенькой скрипке.
И никто из прохожих, проезжих
Устоять перед скрипкой не мог:
Так звучал простодушный и нежный

Старомодный тирольский вальсок.
Что за музыка, музыка, музыка!
(Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три!)
Вон с поляком танцует француженка,
Посмотри на нее, посмотри!
Долговязый голландец — с бельгийкою,
Со словацкой девчонкой — хорват,
С русской девушкой круглоликою —
Бывший пленный французский солдат.
Эта музыка, эта музыка
Так и манит сплясать налегке.
Пляшет парень в забавном картузике,
Пляшет девушка в пестром платке.
Так все просто, открыто, доверчиво,
Так откинута прядь на висок.
Ах, давайте кружиться до вечера
Под старинный тирольский вальсок!
Сколько музыки, сколько музыки!
Слезы радости льются из глаз.
Это пляшут недавние узники,
Это май зацветает у нас.

Да, я верю и маю и музыке,
Ясноглазому солнцу весны,
Потому что все люди союзники
Против рабства, и лжи, и войны.
Да, я верю! И веру такую
Никогда ни за что не отдам.
Помню флаги и радость людскую.
Майский день.

День Победы.

Потсдам.

Журнал «Октябрь», № 5.

Виссарион Саянов

*

ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ

(Легенда)

Лишь вечер настанет, дорогой степной
Над берегом конники скачут,
И медные трубы, одна за другой,
То громко смеются, то плачут.

И в долгие летние ночи они
Летят под малиновым стягом
Везде, где рубились в минувшие дни, —
По рыжим степям, по оврагам.

А кони донские всегда хороши,
Но эти — особенной масти,
И песню играет трубач от души
И всем ее дарит на счастье.

И ветру могучих коней не догнать —
Летят по просторам России. . .
И Первую Конную славят опять
Ее трубачи молодые.

И реют, как птицы, на резком ветру
Пробитые пулями стяги.
И всадники скачут на вечном смотру
По слову военной присяги.

Журнал «Нева», № 2.

Т Е Б Е

Нет, я тебя такой оставлю в памяти,
Какою ты была давным-давно,
И вижу вновь: встает из белой замети
Неярко освещенное окно.

В провинциальном городке метелица,
Перебегает улицы она,
И пышный хвост за нею долго стелется.
Округа снегом вся заметена.

Пока метель за лунным светом гонится,
К окошку я украдкой подойду.
Как в доме тихо. . . В невысокой горнице
Лишь столка книг сегодня на виду.

И ты сидишь задумчивая, тихая,
С подругою беседуешь. . . О чем? . . .
Часы стенные ходят, мерно тикая,
И, словно в сказке, дремлет старый дом.

Твоей рукой до строчки переписаны
Все первые стихи мои в тетрадь.
Ты в юности была мне другом истинным,
Зову тебя: «Приди, приди опять!»

Ведь надобно тебе поведать многое
О том, что было на земных путях. . .
И ты придешь задумчивая, строгая,
С лесным цветком в седеющих кудрях.

Журнал «Нева», № 6.

Дмитрий Семеновский

*

* * *

Бел, огромен был наш дом пловучий —
Пароход, что вниз по Волге шел.
К сердцу льнул реки размах могучий
С далью пашен и прибрежных сел.

А колеса все взбивали воду,
Пенный след бежал из-под кормы.
Много с нами ехало народу —
Кто из Плеса, кто из Костромы.

Ехала веселая ватага
Ярославских школьниц. Через край
В них бурлила молодости брага,
Буйно цвел и пенился их май.

Сколько песен ими было спето!
Сколько смеха, щебета, возни,
Беззаботной радости и света
Принесли на пароход они!

Но смолкал их говор. Утомленно
Затихала радость-егоза,
И смотрели вдаль замороженно
Чьи-то неотступные глаза.

Хорошо, свою весну встречая,
Узнавать лицо родной земли,
Заглядеться на поля без края,
На лесов зубчатые кремли.

Плыть по Волге в сизые туманы,
В голубое марево, туда,
Где встают курганы-великаны,
Где мерцают чудо-города.

Хорошо в пути встречать рассветы,
Алых зорь следить в воде игру.
Вещих слов сбирая самоцветы,
Жить среди народа, на миру.

Жадно слушать пеони гармонистов
В бодром шуме людных пристаней.
На ветру, на зное золотистом
Становиться крепче и сильней.

Как душа растет в пути далеком!
В смене дней над током светлых вод,
На просторе вольном и широком
Мир она, мужая, познает.

Так и нас в былые дни качала
Волга на вздыхающей груди.
Много струй с тех пор она умчала,
Многое осталось позади.

Молодость исчезла за туманом,
В сине море уплыла с водой.
Время счет ведет годам и ранам,
Но душа осталась молодой.

И с какой отрадою и болью
После грозных бедствий и потерь
Волжскому целящему раздолью
Снова отдавались мы теперь!

Целый день нам талуба дарила
Ласку ветра, солнца благодать.
Целый день сверкала и манила
Разливная шелковая гладь.

Снова мы к перилам припадали,
На поля глядели, на леса,
И речные сказочные дали
Нам опять сулили чудеса.

*«Ивановский альманах»,
книга 19.*

Николай Сидоренко

*

* * *

На рубеже каком-то отдаленном
В тревоге смутной листья и река,
И пахнет ночь бензином и гудроном,
И молча маневрируют войска...
Да, кто-то захотел войны законом
Все измерять. До вдоха. До глотка.

А здесь у нас, что полдень — то светлее.
Звенит ручья серебряная нить,
Щебечет птичка с бархаткой на шее,
И снег черемух завалил траншеи.
Могло бы сердце прошлое забыть...

Но сердце помнит. Мы не позабудем
Железной вьюги смертных битв. Пойми,
Мы бескорыстно подарили людям
Святое право жить и быть людьми.

Мы выстояли. Всё перебороли.
На путь пройденный пристальной взгляни
Найдется ль мера молчаливой боли,
Слезам сирот и пеплу в скорбном поле?
И это все мы вынесли одни!

Все вынесли!.. Тому не быть, чтоб снова
Огонь ревел, топор сады крушил.

Хочу ребенка целовать живого,
Хочу, чтоб он всегда счастливым был.

Не быть тому!
Дай мне, Танюша, руку.
Смотри, как солнце золотит росу.
Полет шмеля ты узнаешь по звуку,
Тебе знакомы все грибы в лесу.

И у тебя друзей хороших много,
С друзьями и живется веселей.
Лугами в синеву идет дорога.
Ждут сверстницы. Беги, беги скорей!

Журнал «Дружба народов», № 5.

Давид Симанович

*

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Шла весна, как маляр-волшебник,
по дорогам земного шара,
поднимая до самого неба
языки зеленых пожаров.

Травку каждую, каждый листик
красил бережно и влюбленно
тот маляр, что чудесной кистью
сделал землю такой зеленой.

Он полям пожелал удачи,
улыбнулся рожденной сказке.
Только небо осталось мрачным:
не хватило зеленой краски.

И маляр, подумав немного,
чтоб никто не сказал, что скуп он,
кисть макнул в голубую Волгу
и покрасил небесный купол.

Поглядел на простор широкий,
на огни небывалых спроек
и, собравшись опять в дорогу,
кисть обмыл прозрачной росой.

Ярослав Смеляков

*

СТРОГАЯ ЛЮБОВЬ (Главы из повести в стихах)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В зыбком мареве кумача
предо мной возникает снова
школа имени Ильича
ученичества заводского.

Эта школа недавних дней,
небогатая, небольшая,
не какой-нибудь там лицей,
не гимназия никакая.

Нету львов у ее ворот,
Нет балконов над головою.
Ставил стены твой народ
с Ильичевскою простотою.

Но о теонных твоих цехах,
о твоём безыскусном зданье
сохранилось у нас в сердцах
дорогое воспоминанье.

Ты, назад тому двадцать лет, —
или то еще раньше было? —
нам давала тепло и свет,
жизни правильной нас учила.

Как тебе приказал тот класс,
что Россию ковал и строил,
ты — спасибо! — учила нас
с Ильичевскою прямою.

Оттого-то, хотя прошли
над странюю большие ороки,
мы, от школы своей вдали,
не забыли ее уроки.

Оттого-то, за годом год,
не слабея от испытанья,
до сих пор еще в нас живет
комсомольское воспитанье.

У затворенного окна
в час задумчивости нередко
мне сквозь струйки дождя видна
та далекая пятилетка.

Там владычит Магнитострой,
там днепровские зори светят.
Так шагнем же туда с тобой
через это двадцатилетье!

. . . Ночь предутренняя тиха:
ни извозчика, ни трамвая.
Спит, как очи, закрыв цеха,
вся окраина заводская.

Лишь снежок тех ударных дней
по-над пригородом столицы
в блеске газовых фонарей
озабоченно суетится.

Словно бы, уважая власть
большевистского райсовета,
он не знает, куда упасть,
и тревожится все об этом.

Не гудели еще гудки,
корпуса еще дремлют немо.
И у табельной нет доски
комсомольцев моей поэмы.

... Мы в трамвайные поезда
молча прыгаем без посадки,
занимая свои места
на шатающейся площадке.

А внутри, примостясь в тепле,
наши школьные пассажирки
в твердом инее на стекле
прогревают дыханием дырки.

И, впивая звонки и гам,
приникают привычно быстро
к этим круглым, как мир, глазкам
бескорыстного любопытства.

С белых стекол летит пыльца, —
вырезают на льду сестренки
звезды Армии и сердца,
уравненья и шестеренки.

Возникают в снегу окна,
полудетской рукой согретом,
комсомольские имена,
исторические приметы.

Просто грустно, что в плеске луж,
в блеске таянья исчезали
отражения этих душ,
их бесхитростные окрижали.

Впрочем, тут разговор иной...
Время движется, и трамваи
в одиночестве под Москвой,
будто мамонты, вымирают.

Помяни же добром мой стих,
гром трамвайных путей Арбата,
всенародных кондукторш их
и ушедших в себя вожатых...

Возле стрелочницы стуча,
плавно площади огибая,
к школе имени Ильича
утром сходятся все трамваи.

Не теряя в пути минут,
отовсюду, как по тревоге,
все тропинки туда бегут
и торопятся все дороги.

Проморозясь до синевы,
сдвинув набок свою фуражку,
по сухому снежку Москвы
одиноким шагает Яшка.

В отрешенных его глазах,
не сулящих врагу пощады,
вьется крошечный красный флаг,
рвутся маленькие снаряды.

И прямой комиссарский рот,
отформованный из железа,
для него одного поет
варшавянку и марсельезу.

А откуда-то из угла,
в неуклюжих скользя ботинках,
словно пущенная юла,
появляется наша Зинка.

Из-под светлых ее волос,
разлетевшихся без гребенки,
вездесущий пылает нос,
блещут остренькие глазенки.

Даже грозный мороз не смог
остудить этой жизни пылкой,
и клубится на ней парок,
как над маленькой кипятилкой.

Из светящейся темноты
возникает за нею Лизка
в блеске сказочной красоты,
в старой кожанке активистки.

В клубах города и села,
а тем более в нашей школе,
красота в годы те была
вроде как под сомнением, что ли.

Ну не то чтобы класть запрет,
но в душе мы решили смело,
что на стройке железных лет
ненадежное это дело.

Не по-ханжески, а всерьез
тяготясь красотой досадной,
волны темных своих волос
ты отрезала беспощадно

И взяла себе, как протест,
вместе с кожанкою короткой
громкий голос, широкий жест
и решительную походку.

Но наивная хитрость та
помогала, по счастью, мало:
русской девушки красота
все блистательно затмевала.

Все ребята, до одного,
сердце сверстницы не печалая,
красоты твоей торжество
благородно не замечали.

Так, в начале большого дня,
валом катится упоенно
фезеушная ребятня,
беззаветный актив района.

Так вошел в тот немирный год
на призывный гудок России
обучающийся народ,
ополчение индустрии.

Видно сразу со стороны,
в обрамлении снега чистом,
что подростки моей страны
принаряжены неказисто.

Не какой-нибудь драп да мех,
а овчина, сукно и вата.
И манеры у нас у всех,
без сомнения, грубоваты.

Тем, однако, что мы бедны
и без всяких затей одеты,
мы не только не смущены,
а не знаем совсем об этом.

Да к тому же еще и то,
что с экскурсиею своею
мы видали твое пальто
в залах Ленинского музея.

Той же марки его сукно,
только разве почище малость,
и на те же рубли оно,
надо думать, приобреталось.

И приметы того видны,
как, вернуть ему славу сиясь,
руки верной твоей жены
не однажды над ним трудились.

Но на долю еще ее,
перехватывая дыханье,
потруднее пришлось шитье,
горше выпало испытанье.

Словно утренний снег, бледна,
в потрясенной до слез России
зашивала на нем она
два отверстия огневые.

И сегодня еще живет —
словно в сердце стучится кто-то —
незамеченный подвиг тот,
непосильная та работа...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Держался средь нас обособленно Яшка,
на наши заботы глядел свысока,
чему помогали немало тельняшка
и черный, как буря, бушлат моряка.

Откуда они появились, не знаю,
но этот высокий суровый юнец
носил свой костюм, как артист, возбуждая
почтенье и зависть десятков сердец.

Своею манерою замкнуто-властной,
подчеркнутым знанием темных сторон,
мужскою эмблемою — пачкою «Басмы» —
от нас, не кутивших, он был отдален.

Но больше другого его подымало
и ставило словно бы на пьедестал
презренье к делам обыденным и малым —
по флагам и подвигам он тосковал.

В то время встречались не только в столице, —
вздыхали в десятках ячеек страны
те юноши, что опоздали родиться
к тачанкам и трубам гражданской войны.

Те мальчики храбрые, что не успели
пройти — на погибель буржуям всех стран! —
в простреленном шлеме, в пробитой шинели,
в литавры стуча и гремя в барабан.

Печалась о бурях под небом опоконным,
не знали парнишки, что нам суждены
иные, большие и малые войны
и вечная слава Великой войны;

что нам предназначены щедрой судьбою
ключи и лопаты в обмерзших руках,
рытье котлована в степи под Москвою,
монтаж комбината в уральских степях;

что нам приготовлена участь другая,
и сроки еще выжидают вдали
кулацкий обрез, пулемет самурая,
орудья и танки немецкой земли...

И Яшка от нашего шумного мира,
с холодной яростью сжав желваки,
под низкие своды районного тира
нес сердце свое и свои пятаки.

Лишь там, в полусумраке узкого зала,
отстрелянным порохом жадно дыша,
в победных зарницах войны отдыхала
его оскорбленная жизнью душа.

Он слал за ударом удар неизменно
не в заячий бег, не в тигринный прыжок,
а только в железный монокль Чемберлена,
в измятый свинцом ненавистный кружок.

И лорд, обреченно торчащий в подвале,
бледнел от цилиндра до воротничка,
когда, как возмездье, пред ним возникали
бушлат и тельняшка того паренька.

Темнели в тревожном блистании света
прицельный зрачок и жестокая бровь...
Кто мог бы подумать, что в сердце вот этом
среди маршей и пушек ютилась любовь?

Лица без улыбки ничто не омущало,
ни слова по дружбе не выболтал он.
Но школа со всей достоверностью знала,
что Яшка давно уже в Лизу влюблен.

Не зря среди песен, свистков, восклицаний
он мрачно стоял в отдаленье своем,
когда со звоночком, как фея собраний,
она появлялась за красным столом.

Не зря, вопреки самовластной натуре,
в часы, когда все торопились домой,
он, счастье свое ожидая, дежурил —
девчонкам на радость! — вблизи проходной.

Но вот — наконец-то! — она выходила
своим деловито-спокойным шажком.
Портфель из свирепого лжекрокодила
был стянут надежно крепчайшим шнурком.

Известный в широких кругах комсомола
портфель молодой активистки тех лет
вмещает эпический слог протоколов,
набатный язык пролетарских газет.

В его отделениях, жестких и темных,
хозяйка хранила немало добра:
любительский снимок курящейся домны,
потершийся оттиск большого копра.

И тут же, в содружестве верном и добром,
с диктантами школьными вместе лежат
стихи Маяковского, книжица МОПРа
и твой незабвенный билет, Охматмлад.

(Теперь это, может, покажется странным,
но мы записались оравой всей
в могучее Общество личной охраны
младенцев России и их матерей!)

Была еще в этом портфелике тесном,
собравшем сурового времени соль,
из ныне забытой подмостками пьесы
прямая, как штык, синеглазая роль.

Но не было там ни бесстыжей помады,
ни скромненькой ленты, ни терпких духов,
ни светлого зеркальца — тихой отрады
всех девушек древних и новых веков.

Скорей бы ответили общему тону,
портфель, как подсумок, набив дополна,
полфунта гвоздей, да десяток патронов,
да, кстати к тому, образец чугуна.

И Яшка, в те дни щеголявший привычкой
(за это, читатель, его не жори),
как Муций Сцевола, горящею спичкой
на левой руке нажигать волдыри,

тот Яшка, что брился два раза в неделю,
пил пиво и воблу железную ел,
под радужным взглядом хозяйки портфеля,
как будто последний мальчишка, робел.

Но бледную дочь комсомольской эпохи,
всю жизнь посвятившую радости всех,
ничуть не тревожили Яшкины вздохи,
бравата его и отчаянный смех.

Свиданья вечерние на перекрестках
и взятый в «Палас» или «Форум» билет
она принимала по-дружески просто,
со всем бескорыстьем семнадцати лет.

Она не пыталась никак разобораться
ни в чувствах его, ни в порывах своих —
как будто есть ненависть только и братство
и нет на земле отношений иных.

Дыша Революции воздухом ярким,
уйдя с головою в сегодняшний мир,
она не читала сонетов Петрарки,
трагедий твоих не слыхала, Шекспир.

Не плакала ночью в постели бессонной
над светлой тоской поэтических сцен,
не знала улыбки твоей, Джиоконда,
и розы твоей не видала, Кармен.

Вас не было в бедных учебниках наших,
в программы и тезисы вы не вошли, —
ей вас заменяли плакаты, и марши,
и красные лозунги снежной земли.

Ей вас заменяли фанерные арки
и вместо тебя, толстощекий амур,
в младенческой зелени пыльного парка
винтовки и молоты грубых скульптур.

Шагал перед нею дорогой тернистой
и грозного счастья давал образец
сошедший с картины «Допрос коммунистов»
в обмотках и куртке рабочий боец.

Прельщали ее новостройки России
и голову быстро кружил, как вино,
чугунно-стальной карнавал индустрии
беззвучных в ту пору экранов кино.

Когда в накаленных дыханьем потемках,
над пеной твоею, морская волна,
наш флаг поднимал броненосец «Потемкин»,
хваталась за Яшкину руку она.

Но в эту минуту, объятый отвагой,
он сам, кроме красного флага того,
он сам, кроме этого алого флага,
не видел, не слышал, не знал ничего.

...Украшивши кожанку праздничным бантом,
любила она под кипеньем небес
глядеть, как созвездия и транспаранты
включал, веселясь, предоктябрьский Могэс.

Вблизи от огней, пробегающих юрко,
случалось и вам увидеть в Октябре
застывшую, как статуэтка, фигурку
с лицом, обращенным к полночной заре, —

туда, где в мерцании красок нагретых,
меж пламенных звезд и полос кумача,
в стремительных линиях красного света
мерцало большое лицо Ильича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

За дверью слышен быстрый смех,
и, тараторя без запинки,
как сквознячок, в ударный цех
влетает утренняя Зинка.

Наперекор журналам мод
она одета и обута,
но с хитрой важностью несет,
сама посмеиваясь, муфту.

Встречал гудящий школьный двор
неиссякаемым весельем
великосветский тот убор,
голодных частников изделье.

Он чуждо выглядел среди
платков и кепок нашей школы,
значков железных на груди
и гимнастеров комсомола.

Он странно выглядел тогда
под небом пасмурной заставы,
среди сжатых лозунгов труда
и твердой четкости устава.

Но примирял аскетов всех,
смирлял ревнителей народа
собачьей муфты пестрый мех,
ее плебейская природа.

И то влияло на умы,
что Зинка с нею не носилась,
а так же весело, как мы,
к своей обновке относилась.

Ситро буфетным залита,
таская гайки и чернила,
подружке нашей муфта та
с собачьей верностью служила.

Сегодня резвый паренек
в каком-то диком состоянье
пустил под самый потолок
то бессловесное созданье.

И всем свидетелям в урок,
среди ученических пожитков,
из муфты выскочил клубок,
пошла разматываться нитка.

За нею на глазах у всех,
при разразившемся молчанье,
пятная весь ударный цех,
нелепо выпало вязанье.

...В те дни строительства и битв,
вопросы все решая жестко,
мы отрицали старый быт
с категоричностью подростков.

Бросались за гражданский борт
старорежимные привычки —
и обольстительный комфорт
и кривобокие вещички.

Мы презирали самый дух,
претило нашему сознанию
занятое праздное старух,
жеманных барышень вязанье.

В поющих клетках всей земли —
как обличенные злодейки, —
когда по городу мы шли,
пугливо жались канарейки.

Когда в отцовских сапогах
шли по заставе дети стали,
все фикусы в своих горшках,
как души грешников, дрожали.

И забивались в тайнички,
ища блаженного покоя,
запечной лирики сверчки
и тараканы домостроя.

Тебе служили, комсомол,
в начале первой пятилетки
простая койка, голый стол,
нагие доски табуретки.

Убогий примус на двоих,
катушка ниток да иголка,
да для десятка строгих книг
прибитая гвоздями полка.

А в дни пирушек и гостей,
в час колбасы и винегрета,
взамен крахмальных скатертей
шли комсомольские газеты.

Мы заблуждались, юный брат,
в своем наивном аскетизме,
и вскоре наш неверный взгляд
был опровергнут ходом жизни.

С тех пор прошло немало лет,
немало грянуло событий,
истаял даже самый след
апологетов общежитий.

Во мне теперь в помине нет
непримиримости тогдашней —
сажусь с женою за обед,
вдыхаю пар лапши домашней.

Давно покинул я чердак
и безо всяких колебаний
валяюсь под липами в гамак
или валяюсь на диване.

Я сам, товарищи, завел,
скатаясь к уюту на последки,
на мощных тумбах темный стол
и стулья вместо табуретки.

Мне по сердцу мой милый дом,
видавший радости и горе,
и карта мира над столом,
и грохот мира в дифузоре.

В гостях у нынешних друзей
хожу натертыми полами,
не отвергаю скатертей,
не возмущаюсь зеркалами.

Но я встречал в иных домах,
под сенью вывески советской,
такой чиновничий размах,
такой бонтон великосветский;

Такой мещанский разворот,
такую бешеную хватку,
что даже оторопь берет,
хоть я неробкого десятка.

В передних, темных и больших,
на вешалках, стоящих крепко,
среди бобровых шапок их
мне некуда пристроить кепку.

Прогнув блистательный паркет,
давя всей тяжестью сознание,
огромный высится буфет —
кумир дворянского соборья.

Благодарю весьма за честь,
но в этом доме отчего-то
я не могу ни пить, ни есть,
ни слушать светских анекдотов.

Но память юности зовет,
как симфоническая тема,
назад, назад, в тот грозный год,
туда, где ждет моя поэма.

Где двадцать с лишним лет назад,
печально теребя косынку,
в кругу разгневанных орлят,
как горлинка, томилась Зинка.

Живя с грозой накоротке
и чуя молнии сиянье,
мы увидали в том клубке
измену нашему призванью.

Под стук отчетливых минут
в кругу безусых патриотов
безмолвно шел нелегкий суд,
сердец и совести работа.

Конечно, в бурях наших дней
лицом к лицу и мы встречали
крушенья горше и трудней
и посерьезнее печали.

Но Зинка, Зинка! Как же ты,
каким путем, скажи на милость,
с индустриальной высоты
до рукоделья докатилась?

Впечатав пальцы, как в затвор,
в свою военную тельняшку,
на Зинку бедную в упор
глядел, прицеливаясь, Яшка.

Наверно, так, сужая взгляд
при дымных факелах Конвента,
глядел мучительно Марат
на роялистского агента.

Но в этой девочке была,
видать, недюжинная сила —
она на помощь не звала
и о пощаде не просила.

И даже в этот горький час
она раскаивалась мало:
как будто что-то лучше нас
сквозь все условности видала.

И, откатясь немного вбок,
чуть освещенный зимним светом,
кружился медленно клубок,
как равнодушная планета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На стройке дней непримиримо новых
сосредоточа помыслы свои,
взыскательно мы жили и сурово,
не снисходя до слабостей любви.

Проблема брака и вопросы пола,
боясь погрязть в мещанских мелочах,
чубатые трибуны комсомола
не поднимали в огненных речах.

И девочки железные в тетрадках,
меж точными деталями станков,
не рисовали перышком украдкой
воркующих влюбленно голубков.

А между тем, неся в охапке ветки,
жужжанием и щебетом пьяна,
вдоль корпусов и вышек пятилетки
к нам на заставу шумно шла весна.

Еще у нас светилось небо хмуро
и влажный снег темнел на мостовой,
а наглые продрогшие амуры
уже крутились возле проходной.

Сквозь мутное подтекшее оконце,
отворенное кем-то, как на грех,
в лучах внезапно вспыхнувшего солнца
один из них влетел в ударный цех.

Склонясь к деталям пристально и близко,
работал цех под равномерный гул.
Заметил он — в конце пролета — Лизку
и за рукав спецовки потянул.

Она всем телом обернулась резко
и замерла, внезапно смущена:
в дрожащих бликах солнечного блеска
стоял влюбленный Яшка у окна.

Но не такой, как прежде, не обычный,
изученный и вдоль и поперек,
на улочках окраины фабричной
тоскующий о бурях паренек.

Совсем не тот, что, бешено вздыхая
(он по-иному чувств не выражал),
ее не раз от школы до трамвая
вдоль фонарей вечерних провожал.

Не тот, не тот, что в комсомольских списках
под номером стоял очередным,
а ставший вдруг — до боли сердца! — близким,
до запрещенной слабости родным.

Растерянно она тянулась к Яшке,
ужасная ее толкала власть
к его груди, обтянутой тельняшкой,
с беспомощным доверием припасть.

Еще не зная, что случилось с нею,
неясный шум лова издалека,
стояла Лизка, медленно бледнея,
у своего умолкшего станка.

И лишь собрав всю внутреннюю силу,
воззвав к тому, чем сызмальства жила,
она смятенье сердца подавила
и мир вокруг глазами обвела.

Но, рвась вперед сквозь даль десятилетий,
ударный цех своею жизнью жил.
Никто ее паденья не заметил,
и в нежности никто не уличил.

Надев на плечи жесткие халаты,
зажав металл в патроны и тиски,
самозабвенно шабрили девчата,
решительно строгаи паренки.

И во владеньях графики и стали
на кумачовых лозунгах стены,
отчаянно бесчинствуя, плясали
восторженные зайчики весны.

.. Домой шагала дочь своей эпохи
сквозь вешний плеск, сквозь брызги и ручьи,
среди людской веселой суматохи,
в сумятице столичной толчеи.

Кругом нее, тесня ее сознание,
под крик детей и кашель стариков
вершилось непрерывное деянье —
шло таянье задворков и дворов.

Средь кутерьмы и бестолочи этой
(как там апрельский день не назови!)
ее томили первые приметы
едва полусознанной любви.

У стен, хранящих памятные знаки,
на каменных аренах площадей
не отдавала Лизка ей без драки
ни пяди философии своей.

Но в темных переулочках попутных,
глотаю воздух влажный, как питье,
она уже догадывалась смутно
об истинном значении ее.

Она сопротивлялась не на шутку,
шепча заклятья правил и цитат,
но сердце билось весело и жутко
под кожанкой, как маленький набат.

А может, все из-за того лишь было,
что по пути весенняя капель
живой водой нечаянно кропила
ту девочку, несущую портфель? ..

Она свернула влево машинально
и поднялась по лестнице сырой,
где в суете квартиры коммунальной
жила вдвоем со старшею сестрой.

Они отважно жили и неловко,
глotalи чай вприкуску по утрам,
обедали в буфетах и столовках
и одевались лишь по ордерам.

Их комната, пустынная как зала,
в какой солдаты стали на постой,
как помнится мне, вовсе не блистала
девической ревнивой чистотой.

Поблекших стен ничто не украшало,
лишь выступал из общей пустоты
один плакат, где узник капитала
махал платком сквозь ржавые пруты.

Но в этот синий вечер почему-то,
в мигании шестнадцати свечей,
заброшенным и странно неприятным
ее жилище показалось ей.

Листая снимки старого журнала
или беря учебник со стола,
она ждала. Чего — сама не знала,
но, как приговоренная, ждала.

И, как бы чуя это, очень скоро,
как и она, смятен и одинок,
в полупустом пространстве коридора
заклокотал пронзительный звонок.

То из теснин Арбатского района,
войдя в подъезд или аптечный зал,
настойчиво, прерывисто, влюбленно
свою подругу Яшка вызывал.

...О узенькая будка автомата,
встань предо мной среди этих строгих строк,
весь в номерах, фамилиях и датах,
общенья душ фанерный уголок!

Укромная обитель телефона
от уличной толпы невдалеке
и очередь снабженцев и влюбленных
с блестящими монетками в руке.

Не раз и я, как возле двери рая,
среди аптечных банок и зеркал,
заветный номер молча повторяя,
в той очереди маленькой стоял.

Идут года и кажутся веками;
давно я стал иною страстью жить,
и поздними влюбленными звонками
мне некого и незачем будить.

Под звездами вечерними России —
настала их волшебная пора! —
вбегают в будку юноши другие,
другие повторяя номера.

У автомата, по пути помешкав,
припоминая молодость свою,
я счастье их не омрачу усмешкой,
а только так, без дела, постою.

Я счастья их не оскорблю улыбкой —
пускай они в твоих огнях, Арбат,
проходят рядом, медленно и зыбко,
как Лизка с Яшкой двадцать лет назад.

Под синезвездным куполом вселенной,
то говоря, то затихая вновь,
они кружились робко и блаженно
в твоих владеньях, первая любовь.

В кругу твоих полууснувших улиц,
твоих мостов, молчащих над рекой,
и на пустом бульварике очнулись
пред струганой длинной скамьей.

На гравии, уже слегка подталом,
осыпанная блесками луны,
она одна отчетливо стояла
среди голых веток ночи и весны.

Скамья любви, приют недолгий счастья,
когда светло и празднично вокруг,
ты целый день находишься во власти
горластых няnek, призрачных старух.

Но лишь затихнет шум дневных событий
и в синем небе звезды заблестят,
из кухонек, казарм и общежитий
сюда толпой влюбленные спешат.

Недаром же в аллее полутемной
тебя воздвигли плотник и кузнец —
тесовый трон любовников бездомных,
ночной приют пылающих сердец.

Подвижница райкомовских отделов,
десятки дел хранящая в уме,
конечно же, ни разу не сидела
на этой подозрительной скамье.

Еще вчера с презрительной опаской,
не вынимая из карманов рук,
она глядела издали на сказку
записочек, свиданий и разлук.

И вот, сама винясь перед собою,
страдая от гражданского стыда,
протопанной влюбленными тропкою
она прищла за Яшкой сюда.

Но, раз уж это все-таки случилось,
ей не к лицу топтаться на краю,
и, словно в бездну, Лизка опустилась
на старую волшебную скамью.

Струясь, мерцала лунная тропинка,
от нежности кружилась голова. . .
Чуть наклонясь, ничтожную пушинку
она сняла у Яшки с рукава.

Быть может, это личное движение
строительницы времени того
теперь немного даст воображенью
или не скажет вовсе ничего.

Но смысл его до боли понял Яшка:
свершилось то, чего он так хотел!
Высокий лоб, увенчанный фуражкой,
в предчувствии любви похолодел.

Его душе, измученной желаньем,
томящейся без славы и побед,
оно сказала больше, чем признание,
и требовало большего в ответ.

И в обнаженной липовой аллее
(актив Москвы, шуми и протестуй!)
идя на все и все-таки робея,
он ей нанес свой первый поцелуй. . .

Такое ощущение едва ли
кому из нас случалось испытать.
Мы никого тогда не целовали,
и нас никто не смел поцеловать.

Был поцелуй решением подростков
искоренен, как чуждый и пустой.
Мы жали руки весело и жестко —
взамен всего — тяжелой пятерней.

Той, что в ожогах, ссадинах, порезах,
уже верша недетские дела,
у пахоты и грозного железа
свой темный цвет и силу заняла.

Той пятерней подростка-малолетки,
что, огрубев и выросши в труде,
была, как малый слепок пятилетки,
пятиугольной родственна звезде.

Той самую рукою пятипалой,
что кровью жил и мускулами уз
все пять частей земли уже связала
в одной ладони дружеский союз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Зинка, тоненькая юла,
обаятельная девчонка,
с овдовевшим отцом жила
в двух малюсеньких комнатенках.

В немудреной квартирке той
от порога до одеяла
целомудренной чистотой
и достоинством все дышало.

Сохранялся любовно тут,
как положено, честь по чести,
небогатой семьи уют,
милый быт заводских предместий.

В стародавние времена,
пусть не в прошлом еще столетьи,
молодая тогда жена
заводила порядки эти.

От темна и до темноты
пыль невидимую стирала,
пересаживала цветы,
шила, стряпала и стирала.

И стараньем ее дошли
до преддверия пятилетки,
сквозь пожары большой земли,
эти скатертки и салфетки.

Но от будничной суеты,
редкой женщине незнакомой,
над корытом да у плиты
уходилась хозяйка дома.

Поглотала микстур с трудом,
постонала, теряя силы,
и однажды, осенним днем,
отчужденно глаза закрыла.

Меж державных своих забот,
сотрясая веков устои,
не заметил тогда народ
то событие небольшое.

Лишь оплакал ее конец
над могильной сырой землею
неутешный один вдовец
с комсомолкою-сиротою.

Горю вздохами не помочь.
Поневоле или с охотой,
но взяла в свои руки дочь
материнскую всю работу.

Постирала отцу белье,
подбелила печурку мелом,
и хозяйство в руках ее
снова весело загудело.

Нет ни пятнышка на полах,
на обоях ни паутинки.
Все соседки в очередях
не нахвалятся нашей Зинкой.

И, покусывая леденец,
чай отхлебывая из кружки,
все внимательнее отец
на родную глядит девчушку.

Как-то исподволь, в ходе дней,
улыбаясь чуть виновато,
эта девочка все полней
возмещала его утрату.

Утром, в самом начале дня,
словно самое дорогое, —
дочки ранняя суетня
в тесной кухонке за станою.

А в морозные вечера
жизнь дает ему в утешенье
шорох книги и скрип пера —
мудрость Зинкиного ученья.

И, наверное, оттого,
а не так еще отчего-то,
дело ладится у него,
веселее идет работа.

От рабочего ветерка,
словно чистенькие подружки,
с быстрым шелестом с верстака,
завиваясь, слетают стружки.

Как полочку вручит завод,
он от скудных своих излишков
то на кофточку ей возьмет,
то какую-то купит книжку.

Затуманится Зинкин глаз,
зарумянятся щеки жарко
от его осторожных ласк,
неумелых его подарков.

...Средь платочков и скатертей,
в ящик сложенных с прилежаньем,
в час приборки попало ей
незаконченное вязанье.

Незадолго до смерти мать,
пошептавшись сама с собою,
начала для отца вязать
синий шарф с голубой каймою.

Дескать, пусть он на склоне лет
всем теплом, что в себе скрывает,
как последний ее привет,
душу близкую согревает.

Потому-то теперь само
это выглядело вязанье,
как непосланное письмо,
неуслышанное признание.

И у Зинки в тот раз точь-в-точь
сердце самое кольгнуло,
словно бы ненароком дочь
в душу матери заглянула.

Так ли сказано, или нет,
но взялась она за вязанье,
материнский храня секрет,
исполняя ее желанье.

...В суете выходного дня
вдоль заставы шагали бойко
Лизка с Яшкой да с ними я,
кавалерии легкой тройка.

(Яшка, сморщив брезгливо нос,
никому не давая спуску,
с удовольствием скрытым нес
ту воинственную нагрузку.)

Не смахнув с башмаков земли,
пыль не вытерши с голенища,
как История, мы вошли
в это тихонькое жилище.

Как актив и предполагал,
наполняя углы косые,
здесь, в передней еще, стоял
запах мелкой буржуазии.

И уж слишком-то весела
(хоть бы цвет поскромней немножко)
прямо в царство ее вела
хитро посланная дорожка.

Предвкусив ритуал суда
и романтику приключенья,
Яшка первый шагнул туда
в острой жажде разоблаченья.

За накрытым с утра столом,
отодвинув в сторону чашки,
два любителя в царстве том
с подковыркой играли в шашки.

Но на нас они сквозь махру
глаз не подняли отчего-то:
то ли вовсе ушли в игру,
то ли, может, с каким расчетом.

Мы глядели пока тайком,
сожалея о нашей Зинке,
на развешанные кругом
занавесочки и картинки.

Души гордые с детских лет,
властно взятые пятилеткой,
кособокий потряс буфет
и цветастенькая кушетка.

Наполняя всю жизнь вокруг,
фикус важно торчал из бочки,
словно добрый тлетворный дух
обывательского мирочка.

В этой жалкой чужой стране,
по-хозяйски освоюсь скоро,
к фотографии на стене
мы шагнули, как прокуроры.

Удивило тогда дружков,
что на снимках на этих нету
ни манишек, ни котелков,
соответствующих буфету.

Не какие-нибудь тузы
и раскормленные голубки,
а платочки и картузы,
телогрейки да полушубки.

Лица слесарей и портных,
молодаечки и старухи.
И лежали у всех у них
на коленях большие руки.

Те, что ради своей земли
шили, сеяли и тесали,
всё хотели и всё могли,
всё без усталости создавали.

Яшку сразу к себе привлек —
примечательный в самом деле —
шрамом, врубленным поперек,
человек в боевой шинели.

Он стоял, как приказ, прямой. . .
Ах, как гордо она надета,
та буденовка со звездой,
освещающей полпланеты!

Сергей Смирнов

*

ПЕРВЫЕ ПРИМЕТЫ

Ничего еще не зацвело.
Спят луга и местные сады.
Между голых веток краснотала
Голубеют
    лыжные следы.

Но уже береза на опушке
Прямо в снег
    роняет семена.
Подойдешь, а на снегу — веснушки, —
Значит, рядом
    прячется весна.

Не она ли греется в сторожке
И, с волшебным зеркальцем в руке,
Примеряет
    вербные сережки?!

.. Да стучит капёль невдалеке,
Да кричат болтливые сороки, —
Мол,
    глядим и радуемся мы,
Что ручей родился на припеке
И вприпрыжку
    мчится от зимы.

Журнал «Огонек», № 12.

СЛОВО ЕДИНСТВА

Меня до войны обучали
Доверию к людям.
    И я
Всему улыбался вначале,
Восторженных чувств не тая.

Ко встречным тянулся с приветом,
Союзом сердец дорожа.
Но враг-чужеземец
    на это
Ответил ударом ножа.

В груди каменело и стыло.
Мне выпал неожиданный удел:
Я шел
    до глубокого тыла
И дедам в глаза не глядел.

Земля, обогрешная кровью.
Фашисты
    за сталью брони.
Я помню декабрь Подмосковья,
Где встретились
Мы
    и
    они.

Окопные будни без крова.
Лесные привалы впотьмах.
А «рыцари»
    фронта Второго
В своих отдыхали домах...

Я верил:
ничто нас не скосит —
Ни горечь,
ни огненный вал,
А совесть и Родина
спросят:
«Достойно ли ты воевал?»

Какие изведаль крещенья?
Как жил
и как думаешь жить? . . .»
Я помню салют возвращенья,
И есть мне
о чем доложить!

До крайних редутов и линий
Прошли мы во гневе своем.
Рубиново рдела в Берлине
Звезда
человека с ружьем.

И ныне я верю не фразам,
А тем,
кто со взятых высот
Все помыслы, ярость и разум
Войне на погибель
несет.

Шагай, мое личное мненье,
Под стать рядовому бойцу!
Я знаю,
что мгла затемненья
Рабочей земле не к лицу.

Ни войн, ни трофеев не нужно,
Ни пленников, гнующихся лиц.

Хочу
безграничности дружбы
И целости наших границ.

И хочется в мире весеннем
Работать и жить, как родня,
И знать,
что враги
с опасеньем
Глядят на тебя и меня!

Журнал «Огонек», № 19.

Ирина Снегова

*

ИЗ ДАГЕСТАНСКИХ СТИХОВ

Нас удивил старик в Хунзахе:
Сидел на плоской крыше он
В бараньей шубе и в папахе,
Как камень, вросший в горный склон.

Сидел, поджав сухие ноги,
Уставив неподвижный взор
Туда, где, осветив отроги,
Всходило солнце между гор.

Он видел старыми глазами,
Как загоралась высота. . .
Ему — в ауле нам сказали —
Теперь уж, верно, больше ста.

Мы ездим, смотрим, выбираем,
А он за долгий жизни срок
Своим родным суровым краем
Налюбоваться всласть не смог.

Журнал «Октябрь», № 7.

ЛЮБОВЬ

У нас говорят, что, мол, любит и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет,

А, помню, старуха соседка короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.

И часто, платок затянувши потуже
И вечером в кухне усевшись погреться,
Она вспоминала сапожника-мужа,
Как век он не мог на нее насмотреться.

«Поедет он смолоду, помнится, в город,
Глядишь, уж летит, да с каким полушалком!
А спросишь — чего, мол, управился скоро?
Не скажет, но знаю: меня ему жалко.

Зимой мой хозяин тачает, бывало,
А я уже лягу, я спать мастерица.
Он встанет, поправит на мне одеяло,
Да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своем тесном,
Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек. . .
Дай бог ему отдыха в царстве небесном!»
И тихо вздыхала: «Жалел меня очень».

. . . В ту пору все это смешным мне казалось,
Казалось, любовь чем сильнее, тем злее,
Трагедии, бури. . . Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею? . .

Недавно, больная, бессонницей зябкой
Я встретила взгляд твой — встревоженный, милый,
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка —
Как верно она про любовь говорила!

«Литературная газета», 15 ноября.

Марк Соболев

*

С Л О В О Р О В Е С Н И К А

Под дулами вражеских ружей,
как мать — и любя и браня, —
от мора, от глада и стужи
Отчизна хранила меня.

К походной судьбе приучала,
всегда устремляя вперед.
. . . Заглянем — сквозь годы — в начало:
свершался
Семнадцатый год.

Я буду рожден на рассвете,
а первая пуля по мне
во мраке визжит, рикошетя, —
и брызнули стекла в окне.

И желтые стены щербаты. . .
Из окон чердачных с утра
на первый мой крик
по Арбату
открыли огонь юнкера.

Уже на фронтах наступая,
отцы поднимаются в бой,
и тонет в Урале Чапаев,
меня заслонивший собой.

Я книгу в руке не держал бы,
не рос,
не дышал, наконец,
когда б на границе державы
не встал неизвестный боец.

Он сотни ночей в карауле
следил —
не прорвались враги б!
Он двадцать второго июня
под городом Брестом погиб.

Я знал, что в огне перекрестном
наследство его получу.
Казалась шинель не по росту,
винтовка пришлась по плечу.

И жесткой рукой прикасалась
солдатская слава ко мне.
. . . Опять о войне написано,
а я не хотел о войне.

Сегодня иная солдату
картина пришлась по душе:
несет над землей экскаватор
траншейную стену
в ковше.

Войне не дадим разгореться!
Но пуля,
в далекой стране
пробившая сердце корейца, —
летела к нему и ко мне.

Мой враг,
на любой параллели

Иль в мыслях: «А что как осудят
И речь твоя будет не в честь?
Иль хочешь, чтоб думали люди,
Что, может, ты лучше, чем есть?»

Нет, здесь ни к чему покаянье,
Лишь был бы ты прям до конца.
Есть смелое, злое молчанье,
Но есть и молчанье лжеца.

Журнал «Октябрь», № 8.

Николай Соколов

*

БАЛЛАДА О НЕОБХОДИМОСТИ

Жил на земле человек двадцать два года.
Двадцать два года
рос человек для народа,
хотел инженером стать. . .

Двести семьдесят дней —
около года! —
его под сердцем носила мать.

Потом пленала,
грудью кормила,
с молоком отдала ему силы свои.
Государство
его растило,
не жалея денег,
труда
и любви.

Он учился есть,
понимать,
говорить,
ползать на четвереньках,
ходить.
Научился дружить и любить, —
не так-то легко человеком быть!

Человек трудился пятнадцать лет.
Пятнадцать лет
он вставал чуть свет,
оправлял кровать,
занимался зарядкой,
обтирался до пояса холодной водой,
брал учебники и тетрадки
и трудился над ними день-деньской.

Он трудился над ними пятнадцать лет
с перерывом на отдых, сон и обед.

Он изучал
русский язык,
арифметику,
историю,
литературу.
В химию и физику старательно вник,
полюбил физкультуру.

Он усвоил —
марксистско-ленинское учение,
организацию производства,
математики высшие разделы,
механику,
сопромат,
черчение
и — на случай войны —
оборонное дело.

Не было этому человеку цены
в глазах любимой,
друзей
и страны.

Однажды,
когда с выпускным чертежом
с экзамена шел он к невесте,
его
в живот —
под печень —
ножом
бандит ударил в темном подъезде.

Хотел с убитого снять пиджак —
пиджак был заношен,
стоит пустяк.
Срезать хотел ботинки —
требуют крупной починки.

В карманах нашел пятнадцать рублей.
Зашел в кандейку,
потребовал пива и водки.
Среди доверчивых, честных людей
выпил
и закусил селедкой.

Вышел на улицу.
Темен час.
Еще кого
он зарежет из нас?

Сколько убьет он отцов и детей
за пальто,
за костюм,
за пятнадцать рублей?!

Внимание!
В городе ходит убийца.
Он хочет есть,
но не хочет трудиться.

Для всех нас он враг,
общественный враг,
такой, как захватчик,
фашист,
кулак.

В одной графе
с зачумленной крысой,
с автоматом и ядом для реваншиста,
с напалмом на каждом аэродроме
запланирован нож его в закордонье.

Я не могу цыпленка
забить,
не в силах котенка
в ведре утопить,
шаря глазами по лесу и небу, — я
стрелять не могу в зверюшек и птиц. . .

Товарищ Милиция,
сегодня я требую:
выловить
и уничтожить убийц!

На холодной
подкравшейся к нам войне
нет человечней моей справедливости. . .
Не кровожадность заговорила во мне,
а сознание необходимости.

*Книга стихов
«Один из шести миллионов».*

Владимир Солоухин

•

ДЕРЕВЬЯ

У каждого дома
Вдоль нашей деревни
Раскинули ветви
Большие деревья.

Их деды сажали
Своими руками
Себе на утеху
И внукам на память.

Сажали, растили
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

Тот к цели путями
Несложными шел:
Воткнул под окном
Неотесанный кол,

И хочешь — не хочешь,
Мила — не мила,
Но вот под окном
Зашумела ветла.

•

На вешнем ветру
Разметалась ветла
С нее — ни оглобли
И ни помела.

Другой — похитрее,
Смотрел он вперед:
От липы и лапти,
От липы и мед.

И пчелы летают,
И мед собирают,
И дети добром
Старика вспоминают.

А третий дубов
Насадил по оврагу:
Дубовые бочки
Годятся под брагу.

Высокая елка —
Для тонкой следи.
Кленовые гвозди —
Тачать сапоги.

Обрубок березы —
На ложку к обеду...
Про все разумели
Премудрые деды.

Могучи деревья
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

А мой по натуре
Не лирик ли был,
Что прочных дубов
Никогда не сажил.

Под каждым окошком,
Вдоль каждого тына
Рябины, рябины,
Рябины, рябины.

В дожди октября
И в дожди ноября
Наш сад полыхает,
Как в мае зря!

Журнал «Огонек», № 47.

Анатолий Софронов

*

ОГОНЬКИ

Мотор лопочет у рыбхоза.
Над Доном дремлет старый сад.
Зеленокрылые стрекозы
На камышах, качаясь, спят.

За горизонтом солнце скрылось,
По Дону блики расплескав,
И от воды ночная сырость
Ползет на былки старых трав.

Спешит моторка по теченью,
В ней едет бакенщик седой.
Его прямое назначенье —
Огни поставить над водой,

Пусть, словно в кузне, цвет окалин
Окрасит заревом зрачки. . .
Один, другой! И замелькали
На глади темной огоньки.

Стучит мотор, как будто мелют
Пшеницу рядом или рожь. . .
А сбоку здесь — пески и мели,
И сразу сядешь, как свернешь.

У дома бакенщика дочка.
И сколько здесь еще ей жить?!
Она бы рада этой ночью
Огни над Доном погасить.

Какие мысли ей приходят?
Что делать с юной головой?
На пассажирском пароходе
Стоит, как влитый, рулевой.

Она заметила матроса,
Когда вдоль палубы прошла,
И для него в тугие косы
Ромашку белую вплела.

Хотя б услышать только слово!
Пусть, загудев во тьме, как шмель,
Свернув с фарватера речного,
Хотя бы раз он сел на мель!

Но нет, огни горят над Доном,
И перерыва нет нигде.
Как будто уголь раскаленный, —
Ближайший бакен на воде.

И вдруг вдали огней сиянье,
Гудок над берегом встает. . .
Идет в Ростов по расписанью,
Горя огнями, пароход.

СТАРЫЙ РЫБАК

Старый рыбак по станице идет,
Солнцу осеннему щурится, —
Нет, не идет он, а словно плывет,
Словно плывет он по улице.

Валенки теплые рано надел:
Ветра боится холодного...
Старый рыбак, так сказать, не у дел,
Времени много свободного.

Выйдет на берег, где байды стоят,
Мотофелюги все новые,
Сети мотками уложены в ряд,
Сети, к путине готовые.

Трубку кубанским набьет табаком,
Спичку зажжет и затянется...
Тот, кто родился и был рыбаком,
Тот рыбаком и останется.

Байку расскажет, как в море ловил
Рыбу — севрюгу саженную,
Как у нее на буксире ходил, —
Взял ее все же, скаженную!

Трубка погаснет, прощаться пора,
Время — путина осенняя...
Мотофелюги гудят, сейнерá, —
Рябь на воде и трясение.

Долго рыбак у причала стоит,
Смотрит, как лодки скрываются...
Солнце в осенний выходит зенит,
В реку лучом упирается.

Старый рыбак постоит и вздохнет
Над недосмоленной лодкою.
Шапку надвинет и к дому идет
Неторопливой походкою.

Каждый прохожий ему норовит
Руку пожать, остановится...
Каждый прохожий ему говорит:
— Как ваше, деду, здоровьице?

— Здравствуй, папаша, — скажет ему
Кооператор полнеющий.
Все на путине, а он на дому,
Впрочем, бывать ему где еще?

Вот, чуть качаясь, проходит одна
Женщина с полными ведрами.
— Здравствуйте, — скажет, склонившись, она, —
Быть вам попрежнему бодрыми!

— Здравствуй, дедуся...
— Здравствуй, дедок! —
Всюду по улице слышится...
Ветер над Доном летит, ветерок,
Тополь над Доном колышется.

Что же о прожитой жизни грустить
И о дорогах искоженных?
Вот бы и нам по-рыбачьи прожить,
Сделав, что в жизни положено!

Журнал «Огонек», № 40.

Николай Старшинов

*

МАТЕРИ

Снег темнеет на улице талый.
Начинает накрапывать с крыш.
Ты набегалась за день. Устала.
И теперь у окошка сидишь.

Никого в твоей комнате нету,
а была здесь большая семья.
Друг за другом по белому свету
разлетелись твои сыновья.

Мы себе выбирали маршруты,
мы прощались под грохот колес.
Но ни разу в такие минуты
у тебя мы не видели слез.

И, умчавшись за дальние дали,
с головой зарываясь в дела,
мы тебе написать забывали —
ты вестей месяцами ждала.

Вот я снова тебя обнимаю.
Как я встрече сегодняшней рад.
Не писал. Забывал. Понимаю...
Ты прости меня. Я виноват.

Альманах «Год 38-й», книга 3.

ЛЮБИМАЯ, ДО СВИДАНИЯ!

Прошумел над Москвою дождь,
теплый,
частый,
взволнованный...
Вот навстречу мне ты идешь
по кольцу Садовому.

Ресницы огромные подняла,
взглянула глазами серыми,
свернула за угол
и пошла
солнечными скверами.

Прошла,
ни слова не оброня,
такая весенняя, легкая.
Такая близкая для меня
и в то же время — далекая.

И я опять растерял слова,
и сам не сказал хоть что-нибудь...
Вечерние облака-острова
плыли и плыли по небу.

Смеркалось.
Друг другу наперерез
забегали тени ранние.
И вот он, дом твой, и вот — подъезд.
Ты скрылась за дверью крайнюю.

И снова приходит ко мне оно —
привычное одиночество.

...Тебя я знаю давным-давно,
твою работу,
                    твое окно,
фамилию,
                    имя,
                    отчество.

С тобой не боюсь никакой беды,
с тобой
                    что угодно вынесу.
Поедем в пустыню растить сады
или на полюс двинемся.

С тобой готов я
                    на труд,
                                    на бой —
любая мечта исполнится.
Но только мне надо сперва с тобой
хоть словом одним перемолвиться.

Я завтра встречаюсь с тобой.
  Решено.
Кончены ожидания...

Уже погасло твое окно.
Любимая,
                    до свидания!

«Московский комсомолец», 25 мая.

Федор Сухов

*

МАТЬ

Увидела. Припомнила. Узнала.
— Надолго ли?
— Да с месяц проживу.
— А мой Володька... —
И не удержала
Горячих слез —
Упали на траву.

Ну, что сказать ей?
Ничего не скажешь.
Тут ни солгать,
Ни отойти нельзя.
И мне немного неудобно даже
Смотреть в ее усталые глаза.

К Октябрьской ли,
Ко дню ли Первомая,
Иль в долгосрочный отпуск по весне, —
Который раз домой я приезжаю! ..
А сын ее все где-то на войне. ..

НОЧЬ ТИХА...

Ночь тиха... Прислушайся — услышишь,
Как часы шагают за стеной,
Как луна взбирается все выше
Над застывшей этой тишиной.

А теплыны! А воздух! Прогуляться
За село уходишь далеко;
Дышишь и не можешь надышаться,
Словно пьешь парное молоко.

Полотенцем стелется дорога,
Рожь шумит — слышать за полверсты,
И стручки созревшего гороха
Лопаются, зная, от полноты.

На село оглянешься — ни звука:
В духовитой изморози слив,
Разметав натруженные руки,
Спит оно, все двери отворив.

Самолет приподнялся над рожью,
Раза два над лесом покружил,
И, чтоб мирный сон не потревожить,
Он мотор немного приглушил.

Журнал «Смена», № 17.

Арсений Тарковский

*

ДЕРЕВЬЯ

Чем глуше крови страстный ропот
И верный кров тебе нужней,
Тем больше ценишь трезвый опыт
Спокойной зрелости своей.

Оплакав молодые годы,
Молочный брат листвы и трав,
Глядишься в зеркало природы,
В ее лице свое узнав.

И собеседник и ровесник
Деревьев полувековых,
Ищи себя не в ранних песнях,
А в росте и упорстве их.

Им тяжело собственное бремя,
Но с каждой новой весной
В их жесткой сердцевине время
За слоем отлагает слой.

И крепнет их немая сила,
Двоятся ветви их, деля
Тот груз, которым одарила
Своих питомцев мать-земля.

О чем скорбя, в разгаре мая
Вдоль исполинского ствола
На крону смотришь, понимая,
Что мысль в замену чувств пришла?

О том ли, что в твоих созвучьях
Отвердевает кровь твоя,
Как в терпеливых этих сучьях
Луч солнца и вода ручья!

Журнал «Октябрь», № 10.

Александр Твардовский

*

ИЗ ЛИРИКИ

* * *

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла,
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен стороны родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом новых дней,
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.

Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...
Нет, жизнь меня не обделила,
Ничем в ряду не обошла.

Ни щедрой выдачей здоровья
И сил надолго про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз,

Ни славы замыслом зеленым —
Отравой сладкой строк и слов,
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов,

Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра и недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом,
И сорок первым, и иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даваться до поры,
Какие резкие под силу
Ему овнобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю, это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом стороною
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной ничтожной долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда.
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно — никогда.

* * *

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непечатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.
Мне все кажется: мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом, хоть из пушки
Громыхай под окном,
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное —
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок
Ранней бодрости час.

* * *

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У скольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За все, что было взято?

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: замлачу,
Покрою все до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненье, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
— Ну, как? —
Бодрюсь: — Порядок. . .

И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невоготу,
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И — вдруг — один останусь!

И буду, сам себе ровня,
Один, в тоске глубокой.

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь — из суток в сутки? . .

...А что ж ты собственно хотел?
Ты думал: счастье — шутки!

* * *

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься так и сяк —
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги.

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды — ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть, — та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже — честь невелика,
Не лучше — вот что горе!

Покамест молод — малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинется,
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринется,
Из русел выбив ручьи.

И сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежнозеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

* * *

Ты — дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны,
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И нам, живущим ныне людям,
Не оставаться без родни:
Все с нами те, кого мы любим,
Мы не одни, как и они.

И как бы ни был провод тонок,
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты повторишь мои слова? . .

* * *

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бессменно, верно
Тебе служить хочу
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, Отчизна-мать.

Журнал «Огонек», № 43.

ОГНИ СИБИРИ

(Из книги «За далью — даль»)

. . . Сибирь! И лег, и встал — и снова
Вдоль полотна пути — Сибирь.
Какой дремучестью суровой
Объята даль ее и шири! . .

Идет, идет в окне экспресса
Вдоль этой просеки одной
Неотодвинутого леса
Оббитый ветром перестой.

И в той чащобе нерушимой —
Завалы целые добра.
И ни тропы вблизи, ни дыма,
Ни белой метки топора.

Сибирь! Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей. . .

И снова сутки прочь. И снова —
Сибирь! Как свист пурги — Сибирь —
Звучит и ныне это слово,
Но та ли только эта была!

В часы дорожные ночные
Вглядишься — глаз не отвести:
Как Млечный Путь, огни земные
Вдоль моего текут пути,
Над глухоманью вековечной,
Что днем, и то была темна,
И точно в небе эта млечность
Тревожна чем-то и скрытна...

Текут, бегут огни Сибири
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали — длятся полосой.
Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой;
Дробятся в дебрях потрясенных,
Смыкая зарева бессонных
Таежных кузниц меж собой.

И в том немеркнущем свеченье
Вдали угадываю я
Ночное позднее движенье,
Оседлый мир, тепло жилья,
Нелегкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детской кроваткой
У голой лепится стены.

Как знать, такой отрадой дивной
И там бывает жизнь полна —
С тайгою дикой, серединной,

Чуть отступившей от окна.
С углом в бараке закопченном
И чаем в кружке жестяной...

Под стать моим молодоженам,
Что едут рядом за стеной,
У первой нежности во власти,
В плену у юности своей.
И что такое в жизни счастье,
Как ни мудри, а им видней...

Так час ли, два в работе поезд,
А точно годы протекли,
И этот долгий звездный пояс
Уж опоясал полземли.

А что там — в каждом поселенье?
И кем освоена она,
На озаренном протяженье
Лесная эта сторона?

И как в иной таежный угол
Издалека вели сюда —
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...

Но до того, как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих судеб
И так и так обязан я.

Хотя бы тем одним, что знаю,
Что полон памятью живой
Твоих огней, Сибирь ночная,

Когда все та же, не иная,
Видна ты далее дневной.

Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Ее рудник и арсенал.

Родимый край ее сибирских
Трем войнам памятных полков —
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских
И енисейских берегов. . .

Край, где несметный клад заложен,
Под слоем слой мощней вдвойне,
Иной еще не потревожен,
Как донный лед на глубине.

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,
По гребню светом залитая,
С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая Сибирь!

Тот свет идет по ней все шире,
Как день, сменяя ночи тьму.
И что! Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Он и в столетьях не померкнет —
Тот вещий отблеск наших дней.
Он — жизнь,
А жизнь сильнее смерти:
Ей больше нужно от людей.

И перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нем власть и воля душ несчетных,
В нем страсть, что вдаль меня зовет.

Мне дорог мир большой и трудный,
Я в нем — моей Отчизны сын.
Я полон с ней мечтою чудной
Дойти до избранных вершин.

Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.
Я всех врагов моих сильнее:
Мои враги — ее враги.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь.
Со всем —
Без края, без предела —
С чем людям жить и счастьем быть.
Люблю! И что со мной ни делай,
А мне уже не разлюбить.

И той любви надежной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана! . .

«Правда», 16 октября.

Владимир Труханов

*

И НЕ И

Рассветает... Лиловая, синяя,
Неподвижная даль без конца.
И деревья в коронах инея,
Как олени, стоят у крыльца.

Вот возьму запрягу и поеду
По дремучей лесной тишине,
По веселому птичьему следу...
А тебе сообщат обо мне,

Что ушел я тропой неприметной,
Что искали меня — не нашли,
Что на юге России рассветной
Вдруг олени в упряжке прошли...

*Альманах «Литературный Донбасс»,
книга 24.*

Николай Тряпкин

*

* * *

Я живу у холодного моря,
За разводьями северных рек,
На открытом сухом косогоре,
На песчанике белом, как снег,

У сосны, покривленной ветрами,
На последнем кругу журавлей,
За лесами, лесами, лесами,
На куличках у многих чертей.

Гонит море кудлатые челки,
Тараторит вдали катерок.
Я живу на рыбацьем поселке,
У конца всех наземных дорог.

У конца всех путей, у начала...
И сегодня с гармошкой вот тут
Молодежь паренька провожала
За Печору, на юг, в институт.

И не гложет вечерняя дума:
Далеко, мол, родимый порог...
Встречу гостя из красного чума
И разрежу стерляжий пирог.

А расцветку полярных сияний
Привезу я своим землякам
Для весенних узорчатых зданий
И девчонкам на ленты раздам. . .

Я живу на крутом косогоре,
За разводьями северных рек,
У седого холодного моря —
Не чужой для него человек.

Журнал «Огонек», № 26.

Вероника Тушнова

*

* * *

Пришла ко мне девочка
с заплаканными глазами.
С надеждой коснулась моей руки:
— Ведь вы же когда-то любили сами,
вы даже писали об этом стихи. . .
Я не хочу так, я не согласна. . .
Скажите, разве она права?
Зачем она перед целым классом
вслух читала его слова?
Зачем так брезгливо поджала губы,
когда рвала листок пополам?
Зачем говорила о нас так грубо,
что мне повторять неудобно вам?
Мы очень с ним дружим. . .
— Я это знаю.
— Он очень хороший!
— Я помню, да. . .
— Вы разве знакомы с ним?
— Да, была я
такой же девчонкой, как ты. Тогда
он тоже писал мне записки. . .
— Значит,
вы мне поверите?
— Всей душой!
. . .И вот разговор откровенный начат
меж маленькой женщиной и большой.

Через час,
утешившись в детском горе,
она ушла на каток... А я
разговор продолжаю, волнуясь, спорю,
тревожно на сердце у меня.
Если учительница вскрывает
чужие письма — прощенья нет!
Простите, я, кажется, подрываю
педагогический авторитет?
Простите, но все это —
дело поэта,
а я к тому же еще и мать...
Поэт Маяковский писал «Про это»
затем, что про это надо писать!
Мы учим детей от гриппа спасаться,
улицы учим переходить,
так как же этого не касаться,
как будто легко научиться
любить!
(Казалось бы это проще простого!)
Но я про любовь настоящую, ту,
когда сама жизнь
отдается без слова
за отчизну,
за женщину,
за мечту...
Чтоб люди
веку по росту были,
такими надо вырастить их,
чтоб с детства
все, что они любили, —
любили
больше себя самих!
...Пришла ко мне девочка
с заплаканными глазами,
вами обиженная до слез.

Почему вы в доверии ей отказали?
Потрудитесь ответить на этот вопрос!
Ведь не просто
школьница перед доскою,
единица, из коих составлен класс, —
вам было доверено
сердце людское...
Теперь оно больше не верит в вас!

Журнал «Знамя», № 3.

О СЧАСТЬЕ

Ты когда-нибудь плыл по широкой воде,
обнимающей плотно и бережно тело,
и чтоб чайка в то время над морем летела
и чтоб облако таяло в высоте?
Ты когда-нибудь в зной
добредал до ключа,
что коряги и камни
обегают журча,
что висящие корни толкает и лижет
и на мох
серебристые шарики нижет?
Ты ложился ипил этот холод взахлеб,
обжигая им пыльные щеки и лоб?
Ты когда-нибудь после
очень долгой разлуки
согревал свое сердце
о милые руки?
Ты когда-нибудь слышал
в полутьме, в полусне
дребезжащий по крышам
первый дождь по весне?
И ребячья ручонка тебя обнимала?

И удача большая в работе бывала? ..
Если так, я почти согласиться готова —
счастлив ты! ..
Но ответь на последний вопрос:
ты когда-нибудь
сделал счастливым другого?
Ты молчишь?
Так прости мне жестокое слово —
счастья в жизни узнать тебе
не привелось!

«Комсомольская правда», 1 января.

Виктор Урин

*

ЦЕЛИННИКИ

Еще мы ничего не совершали,
но шла уже молва во все концы.
На празднично украшенном вокзале
нас наперед хвалили: «Молодцы!»

За Волгою, в Палласовском районе,
целинный край дремал из века в век;
казалось, он лежал как на ладони,
кой-где морщинась прочерками рек.

Не на блины мы ехали, не к теще,
но поняли мы много погодя,
что жизнь начнется медленней и проще —
с куска фанеры, с первого гвоздя.

Нас называть целинниками стали.
И люди с первых дней, еще тогда
хотели, чтоб мы сразу показали
пример индустриального труда.

Я понапрасну говорить не стану,
но нет, чтобы (возьми да получи!)
вслед за горячим полевому стану
в срок подвозили воду и харчи. . .

Шли письма в молодежную бригаду:
«Мы верим в вас!» — писали земляки.
И мы старались первую досаду
забыть, всему на свете вопреки.

Веселые, как песни молодые,
шли по массивам тысячи ребят.
Еще никто не знал, что есть такие,
которых будут отправлять назад.

Не каждый перетерпит недостаток.
Иной махнет рукой: «Ну и дела...»
Романтика брезентовых палаток
кое-кому не очень помогла.

Что говорить... В семье не без уroda...
Но есть — работа. Непочатый край.
И главное — для нашего народа.
И главное — целинный урожай.

Все будет, как задумано!
И ныне
гудит земля, чернеет от борозд.
На смену старой сгорбленной полыни —
пшеница молодая в полный рост.

Еще мы ничего не совершали,
но шла уже молва во все концы.
На празднично украшенном вокзале,
нет, нам не зря сказали: «Молодцы!»

Ну, что ж!
Всего добиться в нашей власти.
Всё пересилим — нивы расцветут.
Большое человеческое счастье
для нас теперь не где-нибудь, а тут.

Для нас сегодня солнце светит с неба,
для нас под этим солнцем — целина,
где вырастут золотые горы хлеба
и хлынут реки, полные зерна!

Журнал «Молодой колхозник», № 10.

НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Я спросил: — Почему?
Говорят: — Несознательный он.
Говорят:
— Что же делать? Бывает... Такая
натура... —

Он собрал чемодан.
Он в рюкзак уложил патефон.
На вопросы мои отвечал неохотно и хмуро.

— Очень трудно бывает,
когда одобрения нет
и не ждут от тебя ничего,
словно ты и не нужен... —
Так сказал Несознательный,
парень семнадцати лет,
в комнатенке саманной,
когда мы готовили ужин.

— Я сначала терпел. Соглашался.
На все был готов.
Говорили, что временно.
Ладно. Я в курсе событий.
Но полгода прошло.
«Цоб-цобэ» — погоняю быков.
Я ведь слесарь потомственный,
вот что обидно, поймите.

Я люблю мастерскую.
Мне б тоже стоять за станком,
там и премия к сроку,
и всякое дело в охоту. . . —
Он решил добиваться,
и письма стучались в райком:
«К инструменту хочу!
Понимаете? Дайте работу!»

А недавно он слег.
На ветру, полагают, простыл.
А сейчас вот сидит у окна
в настроенье дорожном.
На заводе работал —
там сложное было простым,
а приехал сюда —
и простое представилось сложным.

Он просил отозвать. . .
Но, быть может, целинный совхоз
и не знал бы уходов,
и всяких тревожащих писем,
если б чуткость душевная
(самый насущный вопрос!)
подружила бы с тем,
от кого этот парень зависим.

Вот и собраны вещи,
и куплен обратный билет,
и с перрона уже
поглядел он на желтое поле,
и вздохнул Несознательный,
парень семнадцати лет,
и слеза навернулась,
и было обидно до боли.

«Сталинградская правда», 19 марта.

Николай Ушаков

*

БОЛЬШАЯ ВОЛГА

Поезд,
проплывая, уплывая,
скрылся в рощах левой стороны.
До свиданья,
Волга голубая,
черно-голубая от луны.

Дальний путь пройдет по Казахстану
за большую станцию Арысь,
я тебя искать глазами стану, —
серебром и чернью улыбнись.

Пусть войдет в мое стихотворенье
лунной ночи светлая пора —
неба,
листьев
и воды кипенье —
почерк синевы и серебра.

Пусть меж общей жизнью и стихами,
полная и фонарей и звезд,
Волга льется синими струями,
сызранский в луне чернеет мост.

Пусть везде виднеется,
сверкая —

на равнинах и в стихах страны,
Волга, Волга — влага дорогая,
пристань, голубая от луны.

Впереди Коканд передо мною,
позади остался Киев мой.
Волга, Волга,
полною волною
пыль и плесень
всех столетий смой.

Прикоснись,
притронься
к вялой коже,
Волга, Волга —
юности река,
чтобы стать мне
на сто лет моложе,
заглянуть
в грядущие века.

Озари мне этот мир огромный
станциями в миллиарды сил,
чтобы ночью,
даже самой темной,
каждую деталью говорил.

Чтобы не заученная поза
и не жест,
сработанный в тиши, —
в стих входила
явственная проза —
трепет поэтической души.

За живое
научи бороться,

Волга, Волга —
молодость моя!
Размывай
пригретые болотца,
разливайся
в свежие моря!

Журнал «Звезда», № 8.

Алексей Фатъянов

*

ПРОСЬБА

Домик ваш одноэтажный
Опясали ручьи.
По дороге ходят важно
Похудевшие грачи.

Все, как прежде, в вашем доме,
До малейших пустяков.
На столе — раскрытый томик
Вам подаренных стихов.

А на стареньком рояле. . .
Что за поза! Что за вид!
Посмотрите, не моя ли
Фотография стоит?

Ей давно уж тут не место.
Не скрывайте, знаю я, —
Вы теперь уже невеста,
К сожаленью, не моя.

К вам приходит каждый вечер
Замечательный жених.
Он такие знает речи,
Что куда мне против них!

Я ж приеду и уеду,
Улечу на край земли. . .
И не надо, чтобы следом
Телеграммы ваши шли.

Не пишите мне. Не надо.
Я прошу вас об одном:
Чтоб к березе, у ограды,
Не ходили с женихом.

Книга стихов «Поет гармонь».

Василий Федоров

*

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:
Что хочу — облюбую,
А что не хочу — недостойно погони.
Казалось, не глину он мнет голубую,
А душу живую берет он в ладони.

Ваятель,
Влюбленный в свой труд до предела,
Подобен слепому.
Он пальцами ищет
Для светлой души совершенное тело,
Чтоб дать ей навеки живое жилище.

До глины
Касаясь то мягко, то круто,
Он ищет секрет выраженья такого,
Что будто бы с губ ее в эту минуту
Готово сорваться горячее слово.

Но тщетно!..
И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот
За то, что в душе ее — глина и глина...
За то, что в лице ее — холод и холод...

И часто казалось —
За шторами окон,
За пестрой толпою, за дымкой тумана
Возник ее профиль,
Мелькнул ее локон,
Наметились линии легкого стана.

Устал он искать.
Не добившись успеха,
Вернулся домой он к обиде недавней.
Из грубого камня не высечешь смеха,
И образ любви неподатливей камня.

Но жизнь
Благодарна не славой охранной,
А творческой мукой, открывшей секреты...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нем девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, полоненная, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно,
И мрамор сковал мое тело!»

«Не будешь, не будешь,
Не будешь томиться:
Ты видишь, как рад твоему я приходу!..» —
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярым. . .
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Глядел
И никак наглядеться не мог он,
Когда приоткрылись, как нищему яства:
Тот девичий профиль,
Тот девичий локон,
Капризная грудь,
Задышавшая часто. . .

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободренная первым успехом,
С таким нетерпеньем, что мрамор, казалось,
Спадал с ее плеч горностаевым мехом. . .

С тех пор,
Равнодушная к пестрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,
Глядит она тихим,
Задумчивым взглядом
На мимо идущих веселых подружек.

Покорной и верной,
Здесь вечно стоять ей,
Без слез и упреков на долю такую, —
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Витая в облачных туманах,
Последних ожидая виз,
Они сидят на чемоданах
И ждут отправки в Коммунизм.
Они душой и телом «новы».
— Скорей, скорей! — твердят всегда. . .
Хоть завтра,
Хоть сейчас готовы
Они отправиться туда.

Другие грязи не боялись,
А эти, презирая труд,
От пережитков очищались,
«Очистились» — сидят и ждут. . .

Подай сигнал:
Пора, мол, к цели!
И сразу же, без лишних слов,
Любой из них тряхнет портфелем
И улыбнется: «Я готов!»

Таким легко:
Спиной — к заботам,
Лицом — в мечтательный туман. . .
А мне идти с моим заводом,
Опять не выполнившим план.
А мне дорогами крутыми
На поиск небывалых дней
Идти с соседями моими,
Со всей оравой их детей.
А мне шагать с моей любимой
Сквозь кухонный переполох,
С моей нигде не заменимой
И даже лучшей из эпох.

А мне, забыв о нареканьях,
Без страха, без обиняков,
Ругаться, спорить на собраниях
И наживать себе врагов.

Горячим словом,
Словом бьющим —
О, если б мог я передать
Всю ненависть к лениво ждущим, —
Жизнь слишком коротка, чтоб ждать!
До времени,
Пока вы ждете,
Моя седеет голова. . .
Ведь вы же нашу жизнь крадете,
Как сок земли —
Полынь-трава! . .

Книга стихов «Лесные родники».

Александр Филатов

*

ОДНАЖДЫ В ГОРКАХ

(Легенда)

В ту осень меня с каждым часом скуднело.
Народ у лавчонок толпился и дрог. . .
Коснулась та осень и кухни Маркела,
И повар потомственный сел на паек.

Задумался мастер: вот время настало!
А сколько прибавилось лишних забот:
Над плитами лампы горят в полнакала,
Из кранов вода с перебоем течет.

Куда ни взгляни — все лежит не на месте,
Куда ни шагни — все разбито войной.
К тому же с фронтов неотрадные вести,
А самое тяжкое — Ленин больной.

Немало ночей пережито бессонных.
У глаз кулинара морщинки легли
С тех пор, как вождя у цехов Михельсона
Народ с окровавленной поднял земли.

Читал о болезни вождя бюлетени.
Бывал у Кремлевских обветренных стен.
Расспрашивал: — Как себя чувствует Ленин?
И слышал: — Опять никаких перемен.

И вот дождались...
Сколько счастья в народе!
Бурлят разговоры и толки вокруг:
— Владимир Ильич на работу выходит.
— Владимир Ильич пересилил недуг.

Россия кольцом интервентов зажата.
На Волге враги, беспокойно в Крыму.

— А все ж Ильичу выходить рановато...
— Теперь бы питанье получше ему!
— Его бы на воздух,
К раздольям сосновым.
— Ему бы хороший домашний уход. —
Маркел заключил обстоятельным словом:
— Правительство нашею думой живет!..
Усилят питанье, а как же иначе!
Теперь ему нужен другой рацион. —
И только не знал,
Что давно предназначен
Для этой ответственной миссии он!

В голодное время Маркел и не ведал,
Что будет прославлен трудом поварским...
Однажды друзья Ильича за беседой
Раскрыли все планы свои перед ним.

— Опасность, — сказали ему, — миновала,
Но время, Маркел Афанасьич, не ждет.
Как видишь, врачи потрудились немало,
Теперь, кулинару, за тобою черед...
Все сделаем, только б поправился Ленин.
Ведь главное — наша забота о нем!
Пойми, кулинару, никаких промедлений.
Продукты мы вслед за тобою пошлем.

...Собрался Маркел, задышал учащенно.
Жена подала узелок у дверей:
— Возьми-ка в подарочек яблоч моченых,
Захочет отведать, — смотри подогрей... .

И только б пойти, — нет в кисете махорки,
А чуть заикнулся, хозяйка в ответ:
— Опомнись, с махоркою к Ленину в Горки! —
И тут же заставила бросить кисет.

— От горького дыма здоровому тяжело.
А Ленин!.. Какую он боль перевозмог.
Да если об этом узнает Семашко,
Он выставит тут же тебя за порог!..

Сошел на крылечко по ветхим ступеням,
Вздыхнул, постоял и решил: «Промолчу!..»
Вот так и побрел по разливам весенним,
Вот так, не куря, и пошел к Ильичу.

...Бежали поля за окошком вагона,
Мелькали колодцы, плетни и дворы.
Сошел, а весна по ложбинам и склонам
Уже разостлать поспешила ковры.

Ребята в саду мастерили скворешни.
На солнышке грелся старик у ворот.
Маркел огляделся: — Ты, дедушка, здешний?
Не знаешь случайно, где Ленин живет?

Ребята на гостя с укором глядели,
Кольцом обступили Маркела, а дед:
— Да как же не знать, коль на этой неделе
Вот здесь обсуждали последний декрет.

Да как же не знать! . .
Обещал быть на сходке.
Кому не известен он в нашем краю!
Хоть я и старик, а его по походе,
Чуть только заглянет в село, узнаю.
Вот так и шагай вдоль зеленых угодий,
Вон видишь, на взгорье, с колоннами дом.

Ребята: — Мы часто в кино к нему ходим! . .
А шустрый малыш: — И сегодня пойдем! . .

На взгорье у дальних плетней огорода
Давно кулинара старушка ждала
И чуть ли не за руку с ближнего входа
В просторную светлую кухню ввела.

А тут и машина, глядит, подоспела . .
И только плита загудела огнем —
Шофер у поленниц окликнул Маркела:
— Давай-ка махорочки, что ли, свернем!

Маркел улыбнулся, вздохнул облегченно,
Но тут же припомнил хозяйки наказ.
— А если нас Ленин увидит с балкона!
А может быть, даже он рядом сейчас? . .

Шофер в нетерпении машет рукою,
Достав из кармана расшитый кисет.
Маркел обернулся: — Курящий, не скрою,
Да, видишь ли, Ленину это во вред.
Гаси зажигалку, тут нам не до спора,
Ты, парень, с порядком, видать, не знаком. —
И сразу при всех самокрутку шофера
В весеннюю землю втоптал каблуком.

А сам любопытствует, щурясь от света,
Доволен, что во-время ветер утих:
Ведь Ленин-то рядом, поблизости где-то,
Вот-вот и мелькнет у дубов вековых . .

Узнать бы: как выглядит?
Снял ли повязки?
Спросить: не тревожат ли раны опять?
А сколько народа поклон пролетарский
Просило при встрече ему передать!
Для вас, мол, родной наш, и в годы лишений
Нехватки продуктов не будет и нет. . .

А Ленин и вправду в тени под сиренью
Сидел на скамье в ожиданье газет.

С утра Ильичу нездоровилось что-то,
Глядел на поля и вздыхал тяжело.
Легко ли! . . Такая на сердце забота,
И бремя такое на плечи легло.

Ведь сколько повсюду раздетых, разутых.
В окопах страну защищает народ.
Голодные дети без хлеба в приютах,
А хлеб в тайниках мироедов гниет.

Окинул просторы: неправда, засеем! . .
Снял кепку. . . Теперь бы в село трактора! . .
И сам не заметил, бродя по аллеям,
Что он на другой половине двора.

И снова раздумья о хлебе, о детях,
О стройках, где выступить с речью хотел. . .
Вот здесь Ильича кулинар и приметил,
Вот здесь и прервал его думы Маркел:

Вздыхнул — и к нему, подавляя волнение:
— Я был на беседе у ваших друзей.
Тебе, говорят, кулинар, порученье
От целой России, от Партии всей.
Я думал, ошибка, наверное, вкралась.
Сажу у стола и не верю словам.
Заданье, гляжу, по душе оказалось,
Я сразу по их назначению — к вам.
Немало, Ильич, пережили событий,
Но это особое. Тяжко стране.

А Ленин: — Так вы кулинар, говорите?
В тяжелые дни с порученьем ко мне?
Спасибо, спасибо! . . . —
А сам настрожен.
Сам ветку сирени всё вертит в руке.
— Но я ведь, Маркел Афанасьевич, тоже,
Как вы и как все, нахожусь на пайке.
Не сладко, Маркел Афанасьевич, людям.
У лавок толпятся, ночами не спят.
Так вот, из чего ж мы готовить-то будем?
Признаться, паек мой весьма скудноват.

В догадке Маркел зарумянился даже.
Не видя смеющихся Ленинских глаз,
Привстал — и к машине: — Хотите, покажем,
Как Родина наша хлопочет о вас!
Машина давно уж стоит у сарая,
А в ней — и картофель, и фрукты, и дичь. —
И как бы обрадовать словом желая:
— Народ постарался, Владимир Ильич!

Ильич, отойдя от садовой беседки,
Поднял на Маркела внимательный взгляд:
— Гостинец, признаться, по времени редкий.
Да что там, Маркел Афанасьевич, — клад! . . .

Маркел улыбался: — До осени хватит! —
Мол, вам ли сидеть на кашнице одной.
А Ленин с хитринкою: — Главное, кстати. . . —
И вдруг приглашает: — Пойдемте со мной.

И вот уж садовая тропка пылится,
Торопится повар за Лениным вслед.
И вот уже Ленин, держась за перильце,
Частит впереди каблуками штиблет.

Еще высоко, чуть виднеются шторы,
Но он все идет, терпелив и упрям.
Маркел подставляет плечо для опоры,
А Ленин смущенно: — Спасибо, я сам! . . .

Маркел уже мысленно в кухне хлопочет:
Какие, мол, блюда подать на обед.
А он почему-то спокойно и молча
Маркела ведет за собой в кабинет.

У повара сразу затея созрела —
Наметить меню на неделю вперед.
А он, усадив в свое кресло Маркела,
Тотчас телефонную трубку берет.

Маркел и не слышит звонков телефона,
О планах своих намекнуть норовит.
Но Ленин уже горячо, оживленно
О щедром гостинце с Кремлем говорит:
— Да, да! . . . —
И улыбки уже не скрывая,
Глядит на Маркела и громко при нем:
— Сиротам подарочек к Первому мая! . . .
Где сказочный склад?
У меня под окном.
Прошу вас сейчас же. . .
Нет, нет, ни минуты. . .

Пойдет своим ходом к Лубянке. Да, да! . .
Прошу проследить, чтобы прямо к приюту.
Я в Горках. . . Я просто на время сюда.
Какие успехи бойцов Петрограда?
Проверьте разгрузку картошки и дров.
Подарки рабочих? . .
Прошу вас, не надо.
Товарищ Дзержинский, да я же здоров! . .

Окончил Ильич разговоры и вскоре
Взглянул из окна на развилку дорог.
Машина, качаясь, со взгорья на взгорье
Пошла, расстилая по травам дымок.
Мелькнула брезентом своим над холмами,
Умчалась — и только следы у ворот. . .

— Ну что ж мы, Маркел Афанасьевич, с вами
Ответили ясно на письма сирот.
Ведь я над продуктами в голод не властен,
Поэтому их и принять не посмел.
Вот жалко, что вы, замечательный мастер,
Остались в тяжелые дни не у дел.
Теперь у меня — ни картошки, ни дичи,
Паек мой для славного повара мал.
Нас голод на время весьма ограничил,
А ваши умелые руки сковал.

Маркела, видать, за живое задело,
Маркел в несогласье качал головой:
— Свинину поджарить немудрое дело,
Гусыню разделить сумеет любой.
А где ж поварское уменье на случай?
Вот тут вы, Владимир Ильич, не правы.
Как мастер, я временем трудным научен
Куриный навар добывать из ботвы! . .

Ильич рассмеялся.
Стоит, поправляя
На кресле помятый и сползший чехол:
— Подумайте только, находка какая! . .
А этого я ведь совсем не учел.
Хорошее дело! —
Задумался, пишет.
Сидит, положив на колено блокнот.
— Прошу, — говорит, — поддержать ребятишек. —
И тут же записку ему подает. —
Ну вот, принимайте тогда назначенье:
В Сокольники, поваром в новый приют.
Ребятам подмога, и мне облегченье —
Таких мастеров нынче с радостью ждут.
К ребятам я, видимо, завтра приеду.
Мне хочется их повидать самому. —
Смеется: — Приезд приурочу к обеду.
И знайте: сам первую пробу сниму.
А после придется заглядывать чаще:
Свой повар — кто этому нынче не рад! . .
Я очень доволен, что вы некурящий,
Ведь это хороший пример для ребят.

. . . Маркел бережет его каждое слово.
Таким его помнит страна и народ.
А повар с путевкой вождя дорогого
Дорогой труда и поныне идет.

«Московский комсомолец», 19 апреля.

Николай Флёров

*

ДЯТЕЛ

Каждый раз,
Как только в лес войду я
Днем, под вечер или поутру,
Слышу:

Дятел, будто негодуя,
Все долбит сосновую кору.

Долго ль завестись в лесу напасти!
Ест деревья тля,
А то жучок.
Дятел тут как тут,
И враз — на части,
Молоточком-клювом чок-чок-чок.

И освободил грудную клетку,
Чтобы легче дереву дышать.
И сосенке легче,
Вскинет ветку.
Дятел отлетит:
К чему мешать.

Он годами тут усилья тратил —
Сосны высоки, чисты, стройны —
Мой приятель,
Работяга дятел,
Комендант
Зеленой стороны.

В черно-сером,
В красном оперенье,
Поглядишь —
Да он прирос к стволу.
День-деньской
Работе и цветенью
Воздает великую хвалу.

Добрый друг,
Заботливая птица,
Охранитель зелени лесной,
Ты поможешь дереву куститься,
И цвести, и молодеть
Весной.

...Я вот
Словом, будто молоточком,
Тоже не устал еще стучать.
Трудно мысли разложить по строчкам,
А ведь строчки просятся в печать.

И ведь много всяческой напасти:
Там
Бюрократическая тля
Без причины
Рвет тебя на части,
Сто бумажек заполнять веля.

Там
Вокруг начальства
Смрадной тучей
Вьется в услуженье
Мошкара.
Как ее, скажи, на этот случай
Не поддеть
На острие пера?!

Там, посмотришь,
Присосался прочно
Со своей халтурою жучок,
Вот и рифмоплетствует построчно...

Знаешь, дятел,
Постучим, дружок!

Постучим, товарищ, веселее.
Труд такой
Всегда у нас в чести.
Знаю:
Сил в работе не жалея,
Мы поможем дереву
Цвести!

*Книга стихов
«По синим волнам океана».*

Герман Флоров

*

Ж Е Н Ш И Н А

Она внесла в купе с собою
Таежный пряный запах хвой.
Метель, как будто успокоясь,
Лежит на шали пуховой.
Глаза немножечко раскосы,
В ресницах тающий снежок...
Майор наладил папиросу,
Но спичку так и не зажег.
Снял архитектор осторожно
Очки с веселых карих глаз,
О новом городе таежном
Мы вновь услышали рассказ.
Шел поезд. Женщина глядела
Туда, где сопок забытье.
Не говорила и не пела,
Но все смотрели на нее,
На четкий профиль, лоб открытый,
И всем казалось: даль близка,
Тайга привычна и обжита,
И сладок чай проводника!

«Литературная газета», 13 октября.

Илья Фоняков

*

КОСТЕР

Видишь — хвоя зеленой кучей,
Рядом брошены топоры.
Научитесь — на всякий случай —
На снегу разводить костры.
Научитесь! Ведь вы — мужчины.
Путь по жизни бывает крут.
Наколите сухой лучины,
До земли утопчите круг.
Огонек — синеватый, слабый —
Заслоните, чтоб не заглох.
(Здесь шинель хороша была бы,
Но и ватник тоже не плох.)
Теплый пепел, взлетая тучей,
Опускается на ладонь...
Научитесь — на всякий случай, —
Не мигая, глядеть в огонь!

«Комсомольская правда», 21 мая.

Илья Френкель

*

ПОЗАБЫЛ...

Старой матери
Не спится, —
Пишет мать
Письмо в столицу:

«...Позабыл меня
Сыночек.
Оторвался,
Как листочек.

Оторвался,
Как листочек,
Навестить
И то не хочет.

Курс окончил
Там, в Москве-то,
С этих пор
И слуху нету...»

Пишет мама,
Плачет мама.
Керосину
В лампе мало.

Скоро в доме
Посветлеет,
Мать возьмет
Письмо, заклеит,

Отнесет
Письмо на почту,
И пойдет
Письмо к сыночку...

Ждут его напрасно
Дома,
Ждут в колхозе
Агронома...

Ты не гни,
Мамаша, спину,
Не пиши
Такому сыну.

Не пиши
Такому сыну,
Не трать в лампе
Керосину.

Журнал «Огонек», № 4.

Леонид Хаустов

*

РОСТОК

Я на асфальте видел чудо:
Сначала вздулся бугорок,
Назавтра — треснул, и оттуда
Пробился маленький росток.

Похожий на зеленый лучик,
Такой же тонкий и прямой,
Такой же острый и колючий,
Умеющий поспорить с тьмой.

Живому не бывать в безвестье —
Оно пробьется в мир сполна,
Когда есть солнце в поднебесье,
Когда есть в почве семена!

Газета «Смена», 30 октября.

Яков Хелемский

*

МЫ ВСЮДУ ДОМА

Нет, мы с тобой не ищем зодчего,
Который возродить бы мог
Неповторимость дома отчего
С подковой, вбитою в порог,

С крыльцом, с узорчатыми ставнями,
С березкой гибкой под окном,
С воспоминаниями давними,
С младенческим забытым сном.

Все до любой приметы вспомни ты:
Ступени, печи, ставни, сны...
Но эти крохотные комнаты
Уже давно для нас тесны.

Не за межами и заборами,
Не в одиночку мы росли.
Мы зачарованы просторами
Всей неисхоженной земли.

Мы добровольцы по призванию,
Нам новоселье по душе.
С любимым делом в испытаниях
Находим рай и в шалаше.

Один и тот же нескончаемый
Сквозь юность движется состав —
То на Амур спешат хозяева,
То в Жигули, то в Кокчетав.

Мы всюду дома — в скором поезде,
В фургоне, сбитом из досок,
На льду, дрейфующем у полюса,
И там, где пекло и песок.

Барак, брезент палатки сводчатой,
И Млечный Путь, и пыль дорог,
Все — продолженье дома отчего,
Везде — родительский порог.

«Комсомольская правда», 6 ноября.

* * *

Ты помнишь, в Киеве под осень,
Бывало, выпадает год,
На всех бульварах, на откосах
Каштан безудержно цветет.

Коричневых плодов паденья
В траве упругий слышен стук.
Но в белых конусах цветенья
Деревья молодеют вдруг.

Все неурочно, необычно.
В лучах последнего тепла
К ним в пору зрелости вторично
Весна забытая пришла.

...В те дни и под твоим балконом
Каштан сиял, как в мае, бел.
Я, как положено влюбленным,
Часами на него глядел.

Соперников своим букетом
Сразить пытаюсь наповал,
Я для тебя с нависших веток
Султаны пышные срывал.

Пыльцой душистой овеваем,
Срывал, по молодости лет
Еще не очень понимая,
Как он бесценен — поздний цвет.

...С тех пор, признаться, я запомнил
Не майских улиц красоту,
Когда деревья в силе полной,
Когда им время быть в цвету,

А бабье лето, предосенний
Денек, погожий и сквозной,
Негаданное возвращенье
Чудес, утраченных с весной.

Еще не скоро буду старым,
Но в предзакатном том году
По милым киевским бульварам
Я светлой осенью пройду.

Пройду по улице знакомой,
Что по весеннему бела,
Как прежде, постою у дома,
Где ты девчушкой жила.

Пройду под кронами каштанов,
Их поздней свежестью томим,
И, как они, вторично стану,
Хоть ненадолго, молодым.

Книга стихов «Встреча друзей».

Лев Черноморцев

*

ТАЕЖНЫЙ ПАЛ

Сухие, вялые ветра
Тревожной напахнули гарью.
Багровым маревом с утра
Повис пожар над Заангарьем.
Казалось, в небе солнца нет,
И мы смотрели в изумленье
На мертвенный и серый свет,
Какой бывает при затменье.
Исчезли птицы,
И тайга
На миг замолкла...
И на просек
Метнулась дико кабарга¹,
Олень ветвистые рога
Пронес в кусты,
Лисицы, лоси
Помчались в страхе по горам,
Покинув норы и берлоги.
Огонь за ними по пятам —
Зверь многоглавый, многоногий.
Оскалив острые клыки,
То брел он средь лесных делянок,
То полз на брюхе до реки,
Как издыхающий подранок.

---

¹ Горная коза.

Но люди из окрестных сел
Канавы на пути копали...
— Гляди: назад огонь пошел!
Ну, братцы,
Все же отстояли!.. —
И отступил вражина-пал,
Пригнулся, выгибая спину,
К земле
И сам себя пожрал
В смертельной ярости звериной...
Еще кой-где хвостатый дым
Бродил тайгою-погорелкой.
...А в городе по мостовым
Металась загнанная белка.
Рыжа, легка — огню под масть, —
На тополь нашего бульвара
Она с разбегу взобралась
И промелькнула мимо нас
Последней искрой от пожара.

Журнал «Октябрь», № 10.

Екатерина Шевелева

*

ДЕВОЧКА ИЗ ГОНКОНГА

Рекламы, точно веер павлиньего хвоста.
Рекламы — до созвездия Южного Креста.
Наверно, нет реклам пестрее, чем в Гонконге!

Взбесившаяся радуга на Фуква-стрит.
Спиной к витрине радужной девочка стоит.
Юбка материнская. Босые ноги.
А под витриной — доски и тряпье,
Чудовищное нищее жильё.

Подходит женщина к ребенку... Две косы
От молодости сохранились.
Наверно, мать... Она твердит: — Проси!
Проси и кланяйся. Благодарю за милость!
Проси!.. (Для младших нету молока!)
Проси!.. (В кастрюльке риса нет ни грамма!)

Но худенькая детская рука
Опущена попрежнему упрямо.
В изгибе губ, в крылатости бровей
У девочки достоинство и сила, —
Все то, что в душу мать вложила ей,
Все то, что мать сама уже забыла!

Журнал «Новый мир», № 3.

Лазарь Шерешевский

★

АЙ-ПЕТРИ

Ходит туч хоровод в нескончаемом ветре. . .
Чтобы встретить восход, мы взошли на Ай-Петри.

С крутизной высоты постепенно освоюсь,
По тропе сквозь кусты шли в тумане по поясу.

А внизу, прижимаясь к обрывистым склонам,
Южный берег лежал полукружьем зеленым.

Не спеша поднималось над морем светило,
Как купальщик, оно из воды выходило. . .

И везде имена — что ни склон, что ни выступ —
Довоенных и послевоенных туристов.

Пробирались они над обрывом с опаской,
Взять с собой не забыв кисть и баночку с краской.

Чтобы память о них эти горы хранили,
Понаставили множество дат и фамилий.

Но имен партизан не прочтешь ты на скалах —
Прямо в сердце свое сам Ай-Петри вписал их.

Тех, кто бился тут, жизни в бою не жалея,
След оставив не краской, а кровью своею.

Кепку сняв, подхожу я к их братской могиле.
Нет на памятнике ни имен, ни фамилий.

Но лежат их тела в сердце горной породы,
Но живут их дела в гордом сердце народа.

И незыблемо под ветровой круговертью
И бессмертье горы и героев бессмертье.

Журнал «Новый мир», № 11.

Олег Шестинский

*

ВЕТЕРАН

...Мой сверстник тот, кто входит в силу,
кто будит степь, стоит с ружьем,
кто начал представлять Россию
в ее делах за рубежом.

А он шофер автоколонны
и возит не издалека
капусту в городок районный
и семена из городка.

А как-то вечером погожим
он так со мною говорил,
как будто я сражался тоже
и только что не с ним служил.

Забыл он вдруг, ведя беседу,
припомнив прошлое свое,
что я не добывал победу,
а только праздновал ее.

И, грезя Венгрией зеленой,
забыл, что знаю лишь из книг
про дымный бой под Балатоном,
где был убит его комбриг,
где залегли матросы в плавни,
встречая егерей пальбой...

Он говорил со мной, как с равным,
как с выдержавшим первый бой.

Журнал «Звезда», № 11.

НОВОБРАНЦЫ

Они еще совсем ребята —
последний возраст призывной,
и нет в теплушке бородатых,
и нет таких, чтоб с сединой.

А ту девчонку с рыжей прядкой,
что ждет из части письмеца,
не назовут в селе солдаткой,
а лишь невестою бойца.

Пройди, ищи по всем вагонам, —
солдат не встретится такой,
что бился в Бресте опаленном
и мокнул в топах подо Мгой.

А я ребят встречал уж где-то...
Мальчишкою... Сорок второй...
Наш дом в те дни, в начале лета,
соседей с передовой.

Их привезли, белоголовых,
с румянцем юношеских щек,
хоть с ходу в бой идти готовых,
чтоб только враг пройти не мог.

Рассвет вставал, сырой и хмурый,
и, роту строя, капитан
мечтал о парнях с Буир-Нура,
о хлопцах с озера Хасан.

Но эти шли в штыки по травам,
проваливаясь в дым, как в тьму,
войну лишь зная по уставам,
а жизнь — еще не по чему.

И капитан, фуражку сдвинув,
смотрел, как, на ветру горя,
корежатся бронемашины
и отступают егеря.

«Литературная газета», 31 декабря.

Вадим Шефнер

*

Ш К В А Л

И дернул же нас черт пуститься в море!
С овчинку небо, ветра пьяный вой...
За пирсами на мачте-семафоре
Не зря был поднят вымпел штормовой.

А ливень хлещет — будто из насоса,
Вращается и стонет высота,
Валы идут от горизонта косо
Резьбою бесконечного винта.

И ветер кляп вбивает в рот все туже,
И палуба уходит из-под ног,
И дергается катер неуклюжий,
Как при голодном клеве — поплавок.

Но не умолкнут выхлопы мотора,
Умчатся тучи с градом и дождем.
В порт назначенья — скоро иль не скоро —
Мы все-таки когда-нибудь придем!

Уже и волны чуть пониже стали,
И ветер улетел к себе домой,
А винт из хромоникелевой стали
Все месит, месит воду под кормой.

Что ж, что хлебнули по дороге горя, —
Но что достойней — сам себе ответь:
Пройдя грозу, увидеть берег с моря
Или на море с берега глядеть?

ПРИЯТЕЛЬНИЦЫ

В чащобе тихо... Как во сне,
Течет зеленый быт.
Березка, прислонясь к сосне,
Задумчиво стоит.

Растут, как их судьба свела,
Стремятся обе ввысь —
Два тонких молодых ствола
Ветвями обнялись.

Посмотришь — дружбы нет сильней,
Покой да тишина.
А под землей — борьба корней,
Беззвучная война.

Книга стихов «Взморье».

Марк Шехтер

*

СЕРДЦЕ

Лет десять сердце у меня болит,
По пенсионной книжке — инвалид.
Дух замирает, будто я — над бездной,
А говорили: «Человек железный!»

Рубцы на сердце запеклись, как след
Стихов, смертей, событий грозных лет,
Бессонницы, любви на зорьке ранней,
Очарований, разочарований.

А ведь ходил, бывало, по фронтам,
И наклонялся к полевым цветам,
И не страшился пули и скорбута,
И песни пел, и пил вино как будто.

По тридцать верст за сутки проходил,
И слез не лил у дорогих могил, —
Все сердце раскаленное терпело,
Оно металось по ночам и пело... .

Я рад, что есть чем вспомнить жизнь свою,
Что песни пел, что действовал в бою,
Что сердцем сердце утешал людское,
Я не искал уюта и покоя.

Уже и шагу сделать не дают,
Уже на грудь горчичники кладут,
И медсестра глядит куда-то косо...
Но до сих пор меня волнуют косы!

Невеста?.. Может, чья-нибудь жена?..
А за прямоугольником окна —
Оркестра гром и цвета вишен флаги:
Уходят пионеры в летний лагерь.

Нет у меня претензий ни к кому:
Ни к доктору, ни к другу моему,
Ни к девочке, которая, бывало,
Меня непослушаньем волновала...

Пусть в грудь мою опять стучится боль —
Товарищ-сердце, песню спеть позволь!

Книга стихов «Дни и годы».

Степан Щипачев

★

СЛЕЗЫ

У горя много слез. О них, соленых,
Я умолчу, чтоб не смущать влюбленных,
Которых вы застали бы одних
На той скамье, в конце глухой аллеи.
Есть слезы и у радости; от них
Лицо любимой женщины светлеет.
Пускай к рассвету
Холодней роса,
Прозрачнее сияет мирозданье, —
Светлее звезд блещут в слезах глаза,
В слезах любви, горячего признанья.
Пускай не замутят их чистоту
Те слезы, что сжигают красоту.

МОИ СТИХ

Чтоб как-то с временем поспорить
И тверже стать в правах своих,
Будь нужным в радости и в горе,
Мой скромный, неболтливый стих.
Ты в трубачи не взят эпохой,
Но приняли б тебя века,
Когда б с последним чьим-то вздохом
Слетела с губ твоя строка.

Журнал «Новый мир», № 2.

Юрий Яковлев

*

НА ПАРОМЕ

Поперек течения легкого
Через Волгу плыл паром.
Словно часть пути далекого
Отрубили топором —

И пошел он с пешеходами,
С рядом замерших машин,
С запыленными подводами
И с автобусом большим.

И тогда на радость малому,
Что у поручней играл,
Спрыгнул молодо на палубу
Из машины генерал.

У него фигура стройная,
Брови низкие седые.
На щеке рубцы у воина —
Боевых деньков следы.

И как будто замороженный,
Тронув мягкий козырек,
На него глядит восторженно
Черномазый паренек.

Он глазенки вездесущие
Вскинул, кепку беребя,
Словно смотрит в дни грядущие,
Словно видит в них себя:

То на нем штаны с лампасами
И фуражка со звездой,
Кобура с боеприпасами,
Сабля с кистью золотой.

Это он в походы хаживал
В дни суровые войны,
Это он врагов отваживал
От родимой стороны.

Паренек в уме прикидывал,
Размечтавшись, что к чему.
И не знал он, что завидовал
Генерал седой ему.

Старый воин смелым росчерком
Скинул сорок лет долой
И таким же стал он хлопчиком,
Вот как этот — удалой.

То на нем ботинки папины
На пудовых каблуках,
И почетные царапины
На обветренных ногах.

Как орешек нерасколотый,
Сердце юное крепко.
И опять в запасе молодость,
И опять шагать легко.

И весь путь, однажды пройденный,
Можно заново пройти.
Можно снова милой Родине
Жизнь и силы принести.

Правый берег удаляется,
Изгибается дугой.
Левый — рядом появляется,
До него подать рукой.

И под ветром, в спину дующим,
Шум мотора зачастил.
Кто задумался о будущем,
Кто о прошлом загрустил.

Журнал «Новый мир», № 2.

Александр Яшин

*

ПЕРВЫЙ ЭШЕЛОН

С рюкзаком шагать в густом лесу
Хорошо дорогой проторенной, —
Не боишься, что сучок зеленый
Невзначай ударит по лицу.

Жаркий шарф распутав на бегу,
Хорошо скользить по твердой лыжне,
Вспоминая добрым словом ближних,
Проложивших этот путь в снегу.

И пахать легко, когда мягка
Жирная земля да крупяная,
Из конца в конец ни камешка,
И мотор гудит, не уставая.

Хорошо, коль дело на ходу,
Дом обжит, станок в цеху налажен...
Но ведь кем-то должен быть посажен
Первый слабый черенок в саду.

Кто-то должен первый рыть колодцы,
Лес рубить,
Идти на штурм высот.
Мужеством своих землепроходцев
Издавна гордился наш народ.

Есть в сердцах пытливых и отважных
Непреоборимая мечта —
Воду дать земле сухой от жажды,
Жизнь вдохнуть в пустынные места.

Журавли — и те на трассе звездной
Клином пробиваются вперед:
Головной раскачивает воздух,
Облегчая для других полет.

Не о хлебе об одном мечтаем,
С холодов заботясь о весне.
Всей земле дорогу пробиваем,
Первые идем по целине.

«Известия», 6 ноября.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Маргарита Агашина

Варя 5

Маргарита Алигер

Высота (*Маленькая поэма*) 8

Живая любовь (*Маленькая поэма*) 9

Павел Антокольский

Баллада о чудном мгновенье (*Встреча*) 12

Николай Асеев

Наша профессия 15

Белла Ахмадулина

Черный ручей 17

Агния Барто

Медвежонок-невежа (*Сказка для больших и ма-
леньких*) 18

Иван Бауков

«И ночами не спится...» 22

У моря 23

Старый дом 24

<i>Владлен Бахнов</i>	
<i>Яков Костюковский</i>	
За компанию!	25
<i>Федор Белкин</i>	
Сыновья	28
<i>Ольга Берггольц</i>	
День Победы	30
<i>Валентин Берестов</i>	
Сердцевина	33
Ошибка	33
<i>Виктор Бершадский</i>	
Наш паровоз (<i>Морская быль</i>)	35
<i>Александр Благов</i>	
Счастье	42
<i>Николай Браун</i>	
Лесной прудок	43
<i>Константин Ваншенкин</i>	
Верность	44
«К чему копить ничтожные обиды...»	46
<i>Сергей Васильев</i>	
Здесь был Ильич	47
Начало сентября	48
<i>Сергей Викулов</i>	
Воспоминание	50

<i>Евгений Винокуров</i>	
Работа	53
Черный хлеб	54
«На небо взглянешь...»	55
Москвичи	56
<i>Ашот Гарнакерыян</i>	
Раннее	57
<i>Александр Гатов</i>	
Встреча	59
<i>Юрий Голубенский</i>	
Сын	61
<i>Виктор Гончаров</i>	
Сказка о грамотее и больной ноге (<i>По мотивам индийского народного творчества</i>)	62
<i>Николай Грибачев</i>	
Сын полюбил	64
<i>Евгений Долматовский</i>	
В сорок пятом, в мае...	65
В новой Германии	66
Вечер вопросов и ответов	67
<i>Николай Доризо</i>	
Стихи об одном друге	69
<i>Андрей Досталь</i>	
Осень	71
<i>Павел Дружинин</i>	
Детство	72

Юлия Друнина

Старый дот	76
Два вечера	77
«Я, признаться, сберечь не сумела...»	77

Борис Дубровин

Дружище клен	79
Ангелы	80

Михаил Дудин

Из цикла «Розы Лидице»	82
«В парадной форме медный воин...»	82
«В беседе с друзьями недолгой...»	83

Евгений Евтушенко

Третий снег	84
-----------------------	----

Павел Железнов

Из воспоминаний о М. Горьком	87
--	----

Василий Журавлев

Столяр отделяет дом	89
-------------------------------	----

Николай Заболоцкий

Дождь	93
-----------------	----

Борис Заходер

Буква «Я» (Сказка)	94
------------------------------	----

Михаил Зенкевич

Найденыш	99
--------------------	----

Владимир Карпеко

Костер	101
------------------	-----

Александр Коваленков

Мадонна	103
-------------------	-----

Владимир Кокляев

Поле идет человек	106
Шофер	106

Осип Колычев

Гамма	108
-----------------	-----

Александр Коренев

Сосны	109
Бухта Прончищевых	110

Владимир Корнилов

Разговор с генералом	113
--------------------------------	-----

Анисим Кронгауз

Щит	116
---------------	-----

Иосиф Курлат

Тут ветры спят...	119
---------------------------	-----

Николай Лебедев

Наследство	120
----------------------	-----

Юрий Левитанский

Новый город	122
-----------------------	-----

Марк Лисянский

Отец	124
Слава	126

Владимир Лифшиц

Был майский день...	128
Звезды героя	128

Леонид Лиходеев

Странное желание 130

Владимир Луговской

Земснаряд №... 133

Иннокентий Луговской

Восемь тысяч лопат 138

Михаил Луконин

Зимой 141

В лесу 142

У памятного дома 143

Марк Максимов

Письмо ровеснику 146

Алексей Марков

Молодость 150

Грибы 151

Леонид Мартынов

Вода 152

След 153

Сон женщины 153

Двадцатые годы 154

Самуил Маршак

Семь стихотворений 156

«Грянул гром неожиданно, наобум...» 156

«О том, как хороша природа...» 156

«Вечерний лес еще не спит...» 157

«Как поработала зима!...» 157

«Текла, извивалась, блестела...» 157

«Сколько раз пытался я ускорить...» 158

«Дана лишь минута любому из нас...» . . . 158

Михаил Матусовский

Памяти неизвестного санитаря 160

Новогодняя ночь в Праге 162

Александр Межиров

Воспоминание о пехоте 165

«Крытый верх у полуторки этой...» 167

Тревога 168

Анатолий Миляевский

Земля крымская 171

Сергей Михалков

Зерно сатиры 173

Самостоятельный Баран 173

На спектакле «Хижина дяди Тома» (*Быль*) . . 174

Иван Молчанов

Осень на Урале 177

Лев Мочалов

Москва 179

Дмитрий Нагаев

«Море — это не просто волны...» 184

Сергей Наровчатов

Из фронтовой тетради 185

Вдвоем с дочкой 187

Слепая девушка 188

Лев Озеров

Родительский день 190

<i>Александр Ойслендер</i>	
Моя улица	192
<i>Сергей Орлов</i>	
«Я встретил женщину одну...»	194
<i>Сергей Островой</i>	
Я в России рожден!	196
<i>Лев Ошанин</i>	
«Он пробатрачил молодость свою...»	199
<i>Сергей Поделков</i>	
Ночная вахта	200
<i>Григорий Поженян</i>	
Есть у моря свои законы...	202
<i>Юрий Полухин</i>	
Осень	205
<i>Антон Пришелец</i>	
Твой портрет	206
<i>Александр Прокофьев</i>	
Из цикла «Счастье»	
«Ты идешь тропой неровной...»	207
Доля	207
В лесу	208
«Хороши рыбачки по Заречью...»	208
У околицы	209
«Ты без песни никуда...»	209
«По дорожке-стежке за село...»	210
<i>Михаил Пустынин</i>	
Критик на распутье (<i>Размышления некоего критика перед тем, как написать очередную статью</i>)	211

<i>Александр Решетов</i>	
«Отца и мать не выбирают...»	213
<i>Роберт Рождественский</i>	
Ожидание	214
<i>Александр Романов</i>	
Домашняя хозяйка	218
<i>Николай Рыленков</i>	
«Закат перегорел...»	219
«Каменная низкая ограда...»	219
<i>Николай Рябинин</i>	
О старой пилотке	221
<i>Иван Рядченко</i>	
«Капитан причалил к дому...»	223
<i>Николай Савостин</i>	
Четвертая страница	224
<i>Давид Самойлов</i>	
Весна 1945 года	225
<i>Виссарион Саянов</i>	
Трубачи Первой Конной (<i>Легенда</i>)	228
Тебе	229
<i>Дмитрий Семеновский</i>	
«Бел, огромен был наш дом пловучий...»	230
<i>Николай Сидоренко</i>	
«На рубеже каком-то отдаленном...»	233

<i>Давид Симанович</i>	
Весенняя сказка	235
<i>Борис Слуцкий</i>	
Писаря	237
Школа для взрослых	238
<i>Ярослав Смеляков</i>	
Строгая любовь (Главы из повести в стихах)	240
<i>Олег Смирнов</i>	
«Открыла мать...»	275
<i>Сергей Смирнов</i>	
Первые приметы	276
Слово единства	277
<i>Ирина Снегова</i>	
Из дагестанских стихов	280
Любовь	280
<i>Марк Соболев</i>	
Слово ровесника	282
<i>Владимир Соколов</i>	
Молчание	285
<i>Николай Соколов</i>	
Баллада о необходимости	287
<i>Владимир Солоухин</i>	
Деревья	291

<i>Анатолий Софронов</i>	
Огоньки	294
Старый рыбак	295
<i>Николай Старшинов</i>	
Матери	298
Любимая, до свидания!	299
<i>Федор Сухов</i>	
Мать	301
Ночь тиха...	301
<i>Арсений Тарковский</i>	
Деревья	303
<i>Александр Твардовский</i>	
Из лирики	305
«Нет, жизнь меня не обделила...»	305
«Час рассветный подъема...»	307
«Ни ночи нету мне, ни дня...»	308
«Не много надобно труда...»	310
«Снега потемнеют синие...»	311
«Ты — дура, смерть...»	311
«Спасибо, моя родная...»	312
Огни Сибири (Из книги «За далью — даль»)	313
<i>Владимир Труханов</i>	
Иней	318
<i>Николай Тряпкин</i>	
«Я живу у холодного моря...»	319
<i>Вероника Тушнова</i>	
«Пришла ко мне девочка...»	321
О счастье	323

<i>Виктор Урин</i>	
Целинники	325
Несознательный	327
<i>Николай Ушаков</i>	
Большая Волга	329
<i>Алексей Фатьянов</i>	
Просьба	332
<i>Василий Федоров</i>	
Скульптор	334
Полынь-трава	337
<i>Александр Филатов</i>	
Однажды в Горках (Легенда)	339
<i>Николай Флёров</i>	
Дятел	348
<i>Герман Флоров</i>	
Женщина	351
<i>Илья Фомяков</i>	
Костер	352
<i>Илья Френкель</i>	
Позабыл	353
<i>Леонид Хаустов</i>	
Росток	355
<i>Яков Хелемский</i>	
Мы всюду дома	356
«Ты помнишь, в Киеве под осень...»	357

<i>Лев Черноморцев</i>	
Таежный пал	359
<i>Екатерина Шевелова</i>	
Девочка из Гонконга	361
Красный флаг	362
<i>Лазарь Шерешевский</i>	
Ай-Петри	364
<i>Олег Шестинский</i>	
Ветеран	366
Новобранцы	367
<i>Вадим Шефнер</i>	
Шквал	369
Приятельницы	370
<i>Марк Шехтер</i>	
Сердце	371
<i>Степан Щипачев</i>	
Слезы	373
Мой стих	373
<i>Юрий Яковлев</i>	
На пароме	374
<i>Александр Яшин</i>	
Первый эшелон	377

СТИХИ 1955 ГОДА

Редактор *Н. Крюков*

Оформление художника *В. Носкова*

Технический редактор *М. Позднякова*

Корректор *М. Фридкина*

*

Сдано в набор 30/V 1956 г.
Подписано в печать 21/VIII 1956 г.
А 09371. Бум. 84×108¹/₃₂, 12,25 печ. л.
= 20,1 усл. печ. л. 12,4 учетн.-изд. л.
Тираж 25 000 экз.
Заказ 484. Цена 8 р. 20 к.

Гослитиздат
Москва Б-66, Ново-Басманная, 14

*

Типография № 3
Управления культуры Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. 1/3